

**Академия наук Республики Таджикистан
Институт языка и литературы имени Рудаки**

Джургосиев Мулоахмадшо Джургосиевич

**Проблемы создания научно-критического текста
«Шахнаме» Абулкасыма Фирдоуси и его научной биографии**

Диссертация на соискание ученой степени кандидата
филологических наук

Специальность: 10.01.08 – теория литературы, текстология.

**Научный руководитель:
член-корреспондент Академии наук
Республики Таджикистан, доктор
филологических наук Муллоахмедов Мирзо**

Душанбе - 2018

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3 – 7
ГЛАВА I. ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ НАУЧНО-КРИТИЧЕСКОГО ТЕКСТА «ШАХНАМЕ» ФИРДОУСИ	8 - 14
1.1. Из истории издания «Шахнаме» Фирдоуси.....	8 - 9
1.2. О научно-критических текстах «Шахнаме» Фирдоуси	10 - 14
ГЛАВА II. ПРОБЛЕМЫ ВОССОЗДАНИЯ НАУЧНОЙ БИОГРАФИИ АБУЛКАСЫМА ФИРДОУСИ НА ОСНОВЕ «ШАХНАМЕ»	15 - 110
2.1. Отражение жизни Фирдоуси в «Шахнаме»	15- 62
2.2. Молодость, семья поэта и время написания «Шахнаме»	63 - 87
2.3. Отражение отношений Фирдоуси и Султана Махмуда Газневида в «Шахнаме»	88 - 110
ГЛАВА III. ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ФИРДОУСИ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ЕВРОПЕЙСКИХ И АЗИАТСКИХ УЧЕНЫХ	111 - 129
3.1. Жизнь и литературное наследие Фирдоуси в исследованиях европейских ученых.....	111 - 117
3.2. Жизнь и литературное наследие Фирдоуси в исследованиях азиатских ученых.....	118 - 127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	128 - 132
БИБЛИОГРАФИЯ	133 - 147

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. Для правильного определения неизвестных или не исследованных моментов жизни Фирдоуси наилучшим достоверным источником считается его бессмертное произведение «Шахнаме», так как поэт, местами, в контексте введенных целых поэм, полных наставлений, советов и восхвалений разума, проницательности и смелости, приводит сведения о своей жизни. И эти сведения поэта, для определения его биографии, являются основными и неоспоримыми. Поэтому, прежде всего, очень важно установить достоверный вариант текста «Шахнаме» Фирдоуси.

Степень изученности темы. Начиная со второй половины XIX в. по настоящее время исследование жизненного и творческого пути и бесценного произведения Фирдоуси развивается весьма заметно. В известных и малоизвестных востоковедческих центрах осуществлено немало ценных исследований о Фирдоуси, в которых роль Фирдоуси признана в развитии мировой литературы выдающейся. Однако, ни в одном из упомянутых трудов, не проведено полное исследование важнейших сторон жизни Фирдоуси на основе созданного им шедевра. Постановка такой проблемы и её решение имеют первостепенное значение для более ясного и глубокого понимания творческого облика Фирдоуси, определения его места, как великого персидско-таджикского создателя неповторимого эпоса, пережившего века.

В своей научной работе автор стремился к более подробному, глубокому и обобщенному рассмотрению и изучению данной актуальной темы, выводы которого позволят более обоснованно исследовать и другие аспекты творчества поэта, а также влияния его творческого стиля на произведения других поэтов.

Цель и задачи исследования. Основная цель диссертации заключается в установлении более достоверного текста «Шахнаме» и на его основе исследование жизни и творчества Фирдоуси, опираясь на

сведения, приведенные самим поэтом в «Шахнаме». Таким образом, основным источником для данного исследования является детище великого поэта «Шахнаме». Для достижения поставленной в работе цели, автором, необходимо было решить следующие задачи:

а) исследовать биографию Фирдоуси, опираясь на источники, научные труды и сравнение приведенных фактов;

б) исследовать предисловие рукописи «Шахнаме», хранящейся во Флоренции, которую использовали лишь немногие фирдоусиведы; третье предисловие «Шахнаме», в котором приведено много фактов из жизни Фирдоуси и истории написания «Шахнаме»; последнее предисловие рукописи «Шахнаме», известного, как «байсунгарово» предисловие;

в) исследовать первые научные труды по биографии Фирдоуси с точки зрения современных методологий исследования литературного материала и выявить противоречия и достоверным фактам;

г) анализирование и фиксирование значительных дат жизни Фирдоуси, семейных отношений литератора, отраженных в «Шахнаме» с целью прояснения различных сторон жизни поэта;

д) изучить воздействие поэзии Фирдоуси на творчество поэтов последующих веков на примере Абдуррахмана Джами, показать ценность и достоинства уникального произведения поэта с точки зрения исследователей, историков, литераторов и разных западных и восточных поэтов.

Источники исследования. Диссертационное исследование основано в первую очередь на различных изданиях «Шахнаме» подготовленные в Москве, Лондон, Тегеран и Душанбе.

К числу важнейших источников исследования относятся исторические труды «История Систана», «История Табаристана, Руёна и Мазандерана» Сайид Захириддин бин Сайид Насириддин Маръаши, «Избранная история» (Таърихи гузида) Хамдуллах Мустауфи, «Перевод истории Ямини» Абушараф Носех ибн Зафар Джурфодикани, а также

литературные антологии и трактаты «Четыре беседы», Низами Арузи Самарканди, «Сердцевина сердцевин» («Лубоб-ул-албоб») Мухаммада Ауфи Бухараи, «Антология поэтов», Давлатшаха Самарканди, «Капище» («Оташкада») Лутфалибека Озара, «Семь поясов» («Хафт иклим») Амина Ахмада Рази, «Собрание красноречивых» («Мачмуъул фусахо») Ризокулихана Хидаята. В процесс работы также были включены источники исследования, таких как «Источники фирдоусиведения», Мухаммадамина Рияхи, «Библиография о Фирдоуси и «Шахнаме» от начала исследовательских работ и до 1385 года» составитель Ирадж Афшар, Библиография о Фирдоуси и «Шахнаме» (указатель библиографии литературы), составитель Абдулладжан Юнусов, «Национальный эпос Ирана», Теодор Нёльдеке, Предисловие Жюля Моля к изданию «Шахнаме».

Предмет исследования настоящей диссертации. Проблемы создания научно-критического текста «Шахнаме» Фирдоуси и восстановлении научной биографии поэта на основе его произведения.

Методология исследования. В работе была использована историко-сравнительная методология анализа литературных произведений. В процессе работы над темой исследования, автором были использованы основополагающие труды и опыт ведущих ученых, как отечественных, так и зарубежных, подобных М. Н. Османову, Е.Э.Бертельсу, Э.Брауну, Забехолла Сафо, Абдулхусайн Зарринкубу, Мухаммадамину Рияхи, Р. Хадизаде, Х.Шарифову, А.Абибову, М.Муллоахмадову, А. Саттарзаде, С.Амиркулову, А. Насриддинову, Н. Салими, М.Ходжаевой и др.

Новизна исследования. В диссертации, впервые, биография и жизнь Фирдоуси исследована на основе достоверного научно-критического текста «Шахнаме» и в сравнении с сообщениями источников и выводов научных трудов. В процессе работы были изучены, проанализированы и решены следующие вопросы, которые можно представить, как новые факты, впервые вводимые в научный оборот:

-при рассмотрении различных изданий «Шахнаме» Фирдоуси определяются более достоверные научно-критические тексты поэмы;

-в диссертации жизнь и творчество поэта – эпика исследованы на основе четырех разных предисловий «Шахнаме» в сравнении их сообщений друг с другом;

-личность Фирдоуси, ценность его великого произведения исследованы с точки зрения таких гениальных поэтов персидско-таджикской литературы, как Низами Ганджави, Аттар Нишапури и Абдуррахман Джами;

- впервые при изучении жизни и произведения поэта привлечены факты и сведения из исторических источников в сравнении текста «Шахнаме»;

- дата рождения поэта, его семья и период молодости изучены в соответствии с историческими и литературными источниками, здесь же показан образ поэта, отраженный в его поэме.

Теоретическая и практическая ценность исследования. Теоретическая ценность исследования заключается в том, что впервые воссоздана научно-обоснованная биография великого поэта средневековья с использованием не только литературных источников, но и исторических трудов, суждений и мнений известных поэтов персидско-таджикской литературы. Здесь следует отметить, что данное исследование проведено с применением современной методологии анализа литературных произведений. Практическая значимость работы в том, что результаты, полученные от исследования выбранной темы, могут быть использованы студентами филологических факультетов при прохождении курса «История персидско-таджикской литературы», при написании методических пособий и учебников, при проведении спецкурсов и спецсеминаров по истории классической персидско-таджикской литературы, а выводы от решения поставленных диссертантом задач могут быть использованы аспирантами и студентами

при написании диссертаций, курсовых и дипломных работ и научных статей.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования обсуждались и рекомендованы к защите на заседании Отдела истории литературы Института языка и литературы им. Рудаки АН РТ (протокол № 3 от 13 марта 2018 г.). Основные положения и выводы диссертации изложены на различных научных конференциях и опубликованы в виде научных статей.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трёх глав с разделами, заключения и библиографии.

Глава I.

Проблемы создания научно-критического текста «Шахнаме» Фирдоуси

1.1. Из истории издания «Шахнаме» Фирдоуси

Для объективного исследования жизни и творчества любого писателя или поэта необходимо, прежде всего, восстановление оригинального текста его произведений, поскольку текст является основой определения не только мировоззрения, но и биографии писателя. Поэтому, прежде чем приступить к изучению научного материала, посвященного Фирдоуси, мы акцентировали больше внимания на краткое рассмотрение древнейших рукописей и научно-критических текстов «Шахнаме» Фирдоуси.

Древнейшей датированной рукописью «Шахнаме», которая дошла до наших дней, является рукопись, принадлежащая национальной библиотеке Флоренции и датированная третьим вторником 614 лунного года. Эта рукопись была обнаружена в 1978 году итальянским ирановедом Анджело Микело Пиёмонтезе (Angello Michel Piemontese), представившим не только ученому миру, но и широкому кругу читателей [127, 256]. Рукопись, в основном, состояла из двух томов, содержащих первый раздел «Шахнаме», повествующего о последнем периоде царствования Кайхусрава. Однако, в последствие, предисловие выпало из рукописи, неизвестны также имя автора и место переписки рукописи, кроме того, отсутствуют графические изображения, взамен которых вставлены около 714 разукрашенных картин, не менее значимых, чем изображения. Рукопись Флоренции, как и другие рукописи «Шахнаме», несмотря на различные исторические события прошлой эпохи, всё же сохранилась как самая достоверная рукопись «Шахнаме».

Другая, датированная 675 годом лунного календаря, является рукопись «Шахнаме», хранящаяся в британской библиотеке в Лондоне, написанная в стиле насх (вид почерка в арабской графике), не имеющая иллюстраций, неизвестны также её автор и место переписания. Эта рукопись, хотя и считается достоверной, однако, согласно анализам

ученых, не обладает тем достоинством, которое имеет рукопись Флоренции [127, 257].

Третья, не имеющая дату, рукопись «Шахнаме» принадлежит восточной школе (мактабушшаркия), которая находилась в составе университета Син Жозеф в Бейруте [127, 257]. Эта рукопись не имеет иллюстраций и также написана почерком насх. Начало рукописи, содержащее 40 бейтов, выпало из предисловия, также вырезан и её конец, однако, наряду с предшествующими рукописями она также пользуется достоверностью, несмотря на то, что в ней реже встречаются различные предания. Кроме этих рукописей имеются и другие рукописи, однако, в силу несовершенства и неполноценности, они не пользуются авторитетом среди исследователей.

1.2. Научно-критический текст «Шахнаме» Фирдоуси

С начала XIX века начался новый этап шахнамеведения, при котором вносились исправления этого литературного шедевра и весомый вклад в научно-критическое издание этой книги внесли и западные исследователи. В 1808 году английский востоковед М. Ламсен на основе 27 экземпляров подготовил к исправлению и изданию текст «Шахнаме», однако его первый том был издан только в 1811 году в Калькутте.

В 1829 году переводчик главнокомандующего британскими военными силами в Индии Т. Мокон на основе 17 письменных экземпляров «Шахнаме», которые были переписаны в 15 веке, напечатал эпопею Фирдоуси в 4-х томах в Калькутте. Следует отметить, что Торнер Мокон считается одним из первых корректоров «Шахнаме», который, заметив введение месневи (поэм) других поэтов в текст «Шахнаме» Фирдоуси на протяжении прошлых веков, показал убедительными аргументами разделы, прибавленные в эту эпопею из «Барзунаме», «Гаршоспноме», «Бахманноме». Этот исследователь, кроме исправления ошибок текста экземпляров поэмы, «привел несколько её частей с прибавлениями, выразив при этом своё собственное мнение в них и, тем самым, отмечав звездочкой сомнительные ему места»[6, 9]. Подготовленный Т.Моконом экземпляр охватывает 55204 бейтов[6, 9]. Следует отметить, что этот ученый провел большую работу при составлении текста «Шахнаме».

Исправления, внесённые французским ученым Жюлем Моль на основе 30 письменных экземпляров по указанию французского государства, изменило текстологию «Шахнаме», и книга вышла в свет в 1838 – 1878 годах в восьми томах в Париже. Поскольку это издание содержало совершенный перевод «Шахнаме», им широко пользовались в европейских научных кругах и его новое издание было осуществлено в 1997 году в Тегеране издательством «Бехзод». Жюль Моль относится к числу наилучших корректоров «Шахнаме», посвятивший 40 лет жизни кропотливой работе по исправлению и изданию «Шахнаме».

Германский ученый И. А. Вуллерс, накопивший достаточный опыт при составлении и издании персидского письменного наследия, предпринял попытку создать на основе сравнительных работ изданий Т. Мокона и Ж. Моля новый исправленный вариант «Шахнаме», а составленный им «Бурхони котей» был горячо одобрен научными кругами. Это исправление осталось незавершенным и были изданы только три его тома, третий из которых был издан после кончины Вуллерса в 1884 году ученым Ландауером. В 1934 году в честь тысячелетия со дня рождения Фирдоуси экземпляры Вуллерса вновь были переизданы в Тегеране.

В честь тысячелетия со дня рождения Фирдоуси усилиями таких ученых, как Аббас Икбал, Муджтабо Минави и Саид Нафиси, также были внесены новые исправления и изданы экземпляры «Шахнаме» в 10 томах, однако, это издание не было одобрено исследователями, поскольку вышеназванные ученые, в основном, опирались на экземпляры Т. Мокона, Жюля Моля и И. А. Вуллерса, не используя, при этом, древние достоверные экземпляры.

В 1934 в Тегеране Мухаммадом Рамазони было исправлено и дополнено издание «Шахнаме» в 5 томах, которое считается публичным изданием.

Издание «Шахнаме» в Москве считается вершиной текстологии наследия Фирдоуси в XX веке. Это исправленное издание в 9 томах вышло в 1960-1971 годах в Москве под редакцией Е.Э. Бертельса и, после смерти этого крупного ученого, завершение этой ответственной работы было возложено на ученого А. Нушина. Е.Э. Бертельс отмечает следующее в предисловии этой книги: «В настоящее время мы предлагаем вниманию читателей древнейший текст «Шахнаме». Это и есть первый этап исследования по тексту этого шедевра и часть для последующего его исследования. Здесь мы должны признать, что, конечно, в настоящий текст допущено много ошибок и незавершенные работы, однако мы воздержались от такого испытания, чтобы «улучшить» этот текст и

сделать его «доступным для чтения», так как этот подход мог бы причинить вред нашей цели, которая заключается в систематическом изучении по тексту; также мог бы помешать нашему основному методу – утверждению экземпляров и древнейших составлений текста» [32, 14]. Превосходство этого исправления над другими состоит в том, что, с одной стороны, корректоры использовали рукопись британской библиотеки в Лондоне, датированного 675 лунного года, с другой стороны, ими указаны противоречия рукописей в конце страниц. Этот экземпляр также вновь был издан в 1971 году в Тегеране исправлениями и дополнениями Рустама Алиева и Мухаммаднури Османова. Этими составителями вновь исправлен и рассмотрен текст «Шахнаме» с учетом мнений знатоков этого шедевра литературы, представленные на основе его московского издания.

В последнее время, в Иране, изданы различные научно – популярные и научно-критические тексты «Шахнаме». К ним относятся составление и исправление «Шахнаме» или отдельных его разделов по инициативе таких исследователей, как Мухаммадали Фуруги, Исломии Нудушан, Мухаммад Дабирисиёки, Мухаммад Джафар Ёхаки.

Также, изданы посредством фотоснимков письменные экземпляры Флоренции, «Шахнаме» Бойсангури, иллюстрированный «Шахнаме» периода Сефевидов.

Значительной научной работой последних лет является исследовательское исправление «Шахнаме» доктором Джалол Холики Мутлак, который 36-ть лет жизни посвятил внимательному изучению древних достоверных экземпляров, а затем, исправлению критических текстов «Шахнаме». Полное и окончательное их издание осуществлено Центром исламской энциклопедии, с указанием заменителей экземпляров и с предисловием корректора в 8-ми томах.

«Основной экземпляр этого издания переписан в 614 лунном году (1219-1220 гг.) и известен под названием «Флоренский экземпляр». Джалол Холики Мутлак также исследовал 50 других письменных

экземпляров, выбрал из них 15 экземпляров и использовал их при исправлении. Означении этих экземпляров он пишет следующее: «Древнейшим экземпляром «Шахнаме» является экземпляр Национальной библиотеки Флоренции (датированный 614 лунного года) и содержащий первую половину «Шахнаме», однако самым древним и совершенным является экземпляр «Шахнаме» (датированный 675 лунного года), который хранится в Британском музее Лондона. Древнейшего совершенного экземпляра «Шахнаме» отделяет от времени его создания 2 века и за это время ни один экземпляр не дошел до наших дней. Перевод Бундори подготовлен 5-6 лет спустя и экземпляр, который послужил основой этого перевода, является более древним, чем Флоренский экземпляр. Словом, перевод Бундори не всегда поможет исследователям, поскольку не является буквальным переводом, а приводит много бейтов с сокращением» [91, 237].

В Таджикистане также издан на кириллическом алфавите научно-критический текст «Шахнаме» в 9-ти томах в 1964-1966 годах (новое издание- в 1981-1991 годах). В основу этого текста положен экземпляр Бойсангури, также использованы экземпляр И. А. Вуллерса с исправлением С. Нафиси и три рукописных экземпляра при составлении текста. На кириллическом алфавите текст «Шахнаме» подготовлен такими исследователями, как Камол Айни, Зохир Ахрори, Бахром Сирус, а в 7, 8 и 9-ых томах к ним присоединяется и Аликул Девонакулов. Согласно мнению видного таджикского литературоведа Худои Шарифзода «во 2 и 3-м изданиях «Шахнаме», осуществленных в 80-е годы прошлого века и в начале XXI века, бросаются в глаза некоторые ошибки и недостатки», однако «последние три тома подготовлены очень внимательно и осведомленно, и осуществлены с правильной поправкой текста, соблюдением правил правописания» [130, 6].

Из этих кратких высказываний можно прийти к заключению, что, несмотря на долгие и кропотливые усилия отечественных и зарубежных

шахнамеведов, до сих пор не подготовлен совершенный, наиболее достоверный и близкий к оригиналу произведения текст.

В результате исследования различных текстов «Шахнаме» Фирдоуси мы пришли к выводу, что пока самым достоверным научно - критическим изданием поэмы является текст издания русских востоковедов в 9-томах изданный в Москве. Однако следует отметить, что и этот текст издания является несовершенным. Поэтому ученым предстоит составить более совершенный научно-критический текст издания.

В процессе написания научной диссертации мы, в основном, опирались на экземпляре «Шахнаме», подготовленный на основе 9-томного экземпляра московского издания (1 и 2 том напечатаны под редакцией Е. Э. Бертельса, 3,4,5,6,7,9-е тома под ред. А. Нушина, а 8-й том- под ред. А. Озара в Тегеране в 1380 лунном году), а также на подготовленный Фаромарзом Нидои экземпляр, который был составлен на основе экземпляра московского издания и экземпляра Жюля Моля. Следует отметить, что подготовленный на основе 9-томного экземпляра московского издания текст «Шахнаме» пользуется большей популярностью среди ученых, как крупный научно-критический текст.

Глава второй

Проблемы воссоздания научные биографии Абулкасыма Фирдоуси на основе «Шахнаме»

2.1. Отражение жизни Фирдоуси в «Шахнаме»

О жизни Фирдоуси написано много. Этот великий поэт, как прославленный персидско-таджикский и всемирный эпик, на протяжении многих веков притягивал и притягивает к себе и своему бесценному произведению внимание многих отечественных и зарубежных ученых. Личность и мастерство Фирдоуси, как при его жизни, так и в последующие времена, были и остаются для литераторов и ученых большой школой и показательным жизненным уроком. Поклонники его уникального таланта, с убежденностью и признательностью, в своих повестях, рассказах и преданиях высказывали свои мысли о личности Фирдоуси и величии, внушительности его детища - «Шахнаме».

Поэтому, одними из авторитетных и достоверных источников для понимания личности и влияния его мастерства на творчество последующих поколений считаются эти исторические и народные повести, рассказы и предания, источником появления которых явилась всемирная слава его уникального произведения «Шахнаме», которая позднее приняла фантастический характер. Некоторые указания на блеск и величие его гениального произведения встречаются, также, и в стихах его современников. Асади Туси – первый поэт, который в своем произведении «Гаршаспнаме», оценивая величие Фирдоуси, говорит:

*Ки Фирдавсии Тусии покмагз,
Бидодаст доди суханҳои нагз.
Ба «Шахнома» гетӣ биёростаг,
Ба он нома номи накӯ хостаг [25, 36].*

*Фирдоуси из Туса с ясным умом,
Выдал прекрасные стихи.*

Своей «Шахнаме» он украсил мир,

Этим произведением захотел увековечить свое доброе имя¹

Повести и предания о личности Фирдоуси и славе «Шахнаме» появились среди народа и поклонников стиха Фирдоуси ещё при правлении Газневидов, точнее через век после смерти великого эпика и стали очень быстро распространяться и отражать социальные и культурные стремления и чаяния той эпохи. В итоге, это привело к тому, что о понимании личности и социальном значении миссии Фирдоуси появились разные, порой противоречащие друг другу, мнения и представления. Некоторые из этих повестей и преданий, будучи созданные друзьями и поклонниками Фирдоуси и отражающие социальные и культурные стремления и чаяния своего времени, переходили из века в век, в результате чего образ поэта, его судьба в сознании народа приняли сказочную форму. Естественно, такой воображаемый образ не всегда соответствовал истине, реальной биографии поэта и историческим датам и, в связи с этим, автором данного исследования было принято решение проанализировать, опираясь на научные изыскания, сведения о жизни Фирдоуси, приведенные в источниках.

Самым ранним источником, в котором приведены краткие сведения о жизни Фирдоуси, является «История Систана». В этом труде, написанном приблизительно в 445 году хиджры, приведен краткий рассказ о разговоре Фирдоуси и Махмуда [23, 21].

Известный иранский фирдоусиевед Мухаммадамин Рияхи в книге «Источники фирдоусиеведения» («Сарчашмахои фирдавсишиноси»), проанализировав вышеупомянутый рассказ, отмечает, что автор «Истории Систана», «в противовес поздним распространенным сказкам, заинтересовался истиной, что Фирдоуси (сначала) сложил «Шахнаме» в стихах и (затем) её посвятил Султану Махмуду» [105, 187].

¹Стихи даны в подстрочном переводе

Также, этот ученый, приведя из старейшей сатиры, относящейся к Фирдоуси, написанной приблизительно в пятом – шестом веках, два бейта о словах Махмуда, сказанных им Фирдоуси, что «вся «Шахнаме» ничего не стоит, разве что сказание о Рустаме и «в моем войске имеется тысяча мужей, подобных Рустаму», считает её правдивой:

*Маро гуфт «Хусрав, ки будасту Гев,
Ҳамон Рустаму Тусу Гударзу Нев.
Маро дар ҷаҳон шаҳриёрӣ нав аст,
Басе бандагонам чу Кайхусрав аст [105,187].*

*Мне сказал «Хосров, что были Гев,
Тот же Рустам и Тус, и Гударз и Нев,
Я в мире новый повелитель,
Достаточно у меня подданных, подобных Кайхосрову!»*

Ученый, приведя ответ Фирдоуси Махмуду: «Всевышний не создал никого, подобного Рустаму», замечает, что краткое сообщение «Истории Систана» близко к истине:

*Ҷаҳонофарин то ҷаҳон офарид,
Саворе чу Рустам наёмад падида [105, 188].*

*Создатель мира пока создавал его,
Верхового, как Рустам, больше не создал.*

После приведения таких доводов, Мухаммадамин Рияхи делает вывод: «Цель упоминания мной этих доводов та, что, всё, что говорится в «Истории Систана», соответствует или близко к истине. Т.е. мы хотим сказать, что в годы, близкие к эпохе Фирдоуси, неприязнь Махмуда по отношению к величайшему поэту Ирана, считали вызванным его восхвалением и воспеванием иранских богатырей и это правильное заключение» [105, 188].

В этом рассказе приведено несколько моментов, не имеющих реальной и научной основы, они являются выдумкой написавших их, например: первый момент, якобы Фирдоуси несколько дней Махмуду читал «Шахнаме», что выглядит не совсем верно, так как история правления Махмуда показывает, что, когда он пришел к власти, «Шахнаме» ещё до конца не была завершена, и даже после завершения этого ценного произведения, Махмуд постоянно находился на полях сражений и совершал свои разорительные походы, в связи с чем слушание, в продолжение нескольких дней, «Шахнаме» не соответствует обстановке того времени. Некоторые исследователи считают, что, возможно, Махмуд, когда готовился ко сну или во время редкого отдыха, слушал «Шахнаме» из уст чтеца «Шахнаме». Как намекает сам Фирдоуси в «Шахнаме», завистник или клеветник, каких было достаточно вокруг поэта, по - своему пересказал царю некоторые части поэмы, явившийся причиной неприязни Махмуда к поэту. Другой момент, ответ Фирдоуси Махмуду, что «...но я знаю, что Всевышний больше не создал никого, подобного Рустаму», на наш взгляд, также не могло быть произнесено, так как, если предположить, что Фирдоуси всё же их произнес, как он мог свободно уйти от невежественного шаха, окруженного большим количеством преданных людей? Здесь же говорится: «везирь царя сказал: Его надо убить» [23, 21] и этот везирь, сразу, не подумав, не зная мнения царя, не мог около царя отдать приказ о казни.

Но слова Махмуда, что «...в моем войске имеется тысяча мужей, подобных Рустаму», признаны частью ученых и это имеет две причины.

Первая причина заключается в том, что, предположительно, какой-нибудь придворный чтец «Шахнаме» или рассказчик повестей читал царю некоторые поэмы из «Шахнаме».

Вторая причина в том, что у Махмуда в войске были такие именитые воины, как Олтунтош Хаджиб и Абуабдуллах Тойи, которые в различных сражениях показали храбрость и отвагу, и, возможно, имея их

в виду, Махмуд некоторых своих воинов считал превосходящими Рустама.

В любом случае, сведения, имеющиеся в «Истории Систана», хотя и очень кратки, считаются важным предварительным источником для понимания мудреца Фирдоуси.

Первое предисловие «Шахнаме»

В сносках к предисловию рукописи «Шахнаме» Абумансури приведен материал, который, в основном, содержит тритемы. Первая – переложение в стихотворную форму «Шахнаме» поэтом Дакики и предание о Фирдоуси и Махмуде, затем сатира и ещё другое предание. Согласно мнениям исследователей последних лет, указанные вопросы отдельно и постепенно были рассмотрены учеными в последующие годы. Хотя материал, приведенный в продолжении предисловия Абумансури более похож на предание, позднее перекочевавшее и в антологии, но некоторые высказывания этого предисловия близки к истине. Например, Фирдоуси сначала «хотел сложить тысячу бейтово мести за Сиявуша и понести султану» [105, 191]. Эти слова показывают, что, впервые, эта часть «Шахнаме» была прочитана в присутствии султана Махмуда. К тому же, Фирдоуси в продолжении долгих лет занимался «Шахнаме».

Нужно заметить, что большая часть упомянутых в предисловии моментов не соответствуют историческим событиям. Например, в данном предисловии написано: «И это произведение было поручено написать в стихах поэту Дакики во времена правления Насра бинни Ахмада и Абулфазла Балъами» [105, 193]. Эти слова не соответствуют истине, так как в годы правления Насра бинни Ахмада и везирства Абулфазла Балъами ещё не была написана прозаическая «Шахнаме». Балъами был отстранен от занимаемого поста в 326 г.х.(938 г.н.э.) и в 329 г.х.(941 г.н.э) он умер. Наср ибн Ахмад умер в 333 г.х.(944 г.н.э.) и через 13 лет после его смерти, в 346 г.х., была написана прозаическая «Шахнаме» Абумансури. Поэт Дакики, в соответствии с сообщениями

антологий и приведенными достоверными доводами в исследованиях, приступил к написанию «Шахнаме» по приказу Нуха бин Мансура (который пришел к власти в 365 г.х. – Дж.М.), а в 367 или 369 г. был убит.

Также, в этом предисловии приведено, что Сабуктегин был рабом Насра ибн Ахмада Саманида, что также ошибочно, так как что рабом Саманидов был Алптегин, который, показав себя преданным Саманидам, был назначен на пост главнокомандующего войсками Хорасана, однако, через несколько лет, оставив этот пост, он ушел в Газну и там основал новое государство. Сабуктегин преданно служил Алптегинуза что Алптегин даже отдал дочь Сабуктегину в жены и, после смерти Алптегина, через какое-то время, Сабуктегин был назначен правителем Газны.

В предисловии также отмечается, что что Фирдоуси, «не соблюдая условия воспитанности, написал о своем вероисповедании», и вот этот бейт:

Гарат з-ин бад ояд гуноҳи ман аст,

Чунин асту ин дину роҳи ман аст» [105, 196].

Если это для тебя плохо, это моя ошибка,

Так сложилось, это моя вера и мой путь»

Не исключено, что принятие шиизма стало причиной того, что султан Махмуд не оценил многолетний, тяжелый труд Фирдоуси по созданию «Шахнаме», совершенно не заинтересовался его приятными и изящными поэмами. В результате, поэт, впав в безнадежность, пишет сатиру на Султана Махмуда, из которой в этом предисловии приведено 54 бейта.

Последняя часть предисловия под названием «Другое предание» («Ривояти дигар») повествует о поездке Фирдоуси в Газну с жалобой на сборщика налогов Туса, о его встрече с тремя поэтами в Газне, саду, находящемся за городом, также об участии поэта в соревновании по чтению своих рубаи и о дальнейших событиях, включенных во все поздние предисловия и антологии. Здесь следует подчеркнуть, что самым

ранним источником для всех последующих антологий и всего, того, что написано о Фирдоуси и его поэме, считается именно это предисловие.

Послесведений Фирдоуси в «Шахнаме» и краткого рассказа, приведенного в «Истории Систана», идут материалы о жизни Фирдоуси, сообщенные в «Четырех беседах» («Чаххор мақола») Низами Арузи Самарканди. В девятом рассказе этого труда приведены обширные сведения о жизни Фирдоуси, использованные, в дальнейшем, более поздними составителями антологий и исследователями. Автор, в этом рассказе, привел сведения об эпохе и месте проживания поэта, семейном занятии, о том, что у поэта была единственная дочь, что он двадцать пять лет работал над «Шахнаме», что писец по имени Али Дайлами осуществил её переписку и что чтецом её был Абдулаф. Затем, идут сведения о преподнесении поэтом «Шахнаме» Султану Махмуду Газневиду и о посланном царем вознаграждении в сумме двадцати тысяч серебряных дирамов, об обиде поэта, посчитавшего его недостойным такого грандиозного труда и о распределении им вознаграждения между банщиком и продавцом вина. Далее рассказывается о поездке Фирдоуси в Хари и о том, что он прятался в лавке Ибрагима Варрака, переезде его в Табаристан, встрече с военачальником Шахрияром и получении от него дара в сто тысяч дирамов. Низами Арузи продолжает и приводит рассказ о последующем признании Махмудом «Шахнаме» и посланных им поэту шестидесяти тысяч золотых дирамов, о смерти поэта и его похоронах, отношении проповедника, об отказе от запоздалого вознаграждения дочерью поэта и строительстве на дороге Нишапур – Мерв, на деньги, предложенные царем, рабата Чоха. Конечно, не все сведения, приведенные в этом труде, приняты исследователями. Если этот рассказ сравнить с жизненным путем Фирдоуси, то становится ясно, что только часть этих сведений соответствует датам и событиям жизни поэта. Но есть и такие исследователи, считающие эти сведения, по сравнению с сообщениями других источников, более близкими к истине. Так, Мухаммадамин Рияхи написал: «Если написанное Низами Арузи

ничего и не содержало бы, то эти разъяснения его, в противовес сведениям всех других источников о том что Фирдоуси начал писать «Шахнаме» по собственной инициативе и решению, является важным моментом для признания правдивости его рассказа». [105, 227-228] Действительно, автор «Четырех бесед» некоторые важные аспекты жизни Фирдоуси описал раньше других составителей антологий, ибо кроме скрытых намеков, имеющих в «Шахнаме», мы других достоверных сведений не имеем. В том числе, он отмечает, что «Устад Абулькасым Фирдоуси происходил из дехкан Туса, из селения, которого называли Бож», «В том селе он был уважаемым человеком». [2, 92-93] Также, Низами Арузи приводит из сатиры Фирдоуси на Султана Махмуда шесть бейтов, три бейта из которых содержатся и в «Шахнаме». Автор данной работы считает данный факт свидетельством того, что подобные тексты, приписываемые Фирдоуси, сочинены переписчиками «Шахнаме» или же любителями неповторимых стихов поэта. Низами Арузи часть своего рассказа взял из «Шахнаме», так как именно в поэме упомянуты имена Али Дайлами и Будулафа Хайя Кутайба, то, что он 25 лет работал над поэмой и т.д.

В последней части написанного Низами Арузи речь идет о сожалении Махмуда и последних днях жизни поэта и эту часть большинство исследователей считают самым ранним достоверным преданием о поэте, услышанном Низами Арузи от известного поэта Муиззи Нишапури, а сам Муиззи будто это предание слышал из уст Эмира Абдураззака и рассказал услышанное Низами Арузи. Но Низами Арузи не приводит никаких сведений о личности Эмира Абдураззака, и только по написанному исследователями Аббас Икбалом и Мухаммадамином Рияхи, можно предположить, что Эмир Абдураззак был одним из уважаемых и знатных людей своей эпохи.

Проанализировав написанное Низами Арузи в «Четырех беседах», автор приходит к выводу, что, по сравнению с более поздними источниками, этот источник более близок к истине, так как Низами Арузи

и его информаторы Муиззи и Абдураззак являются ближайшими людьми, жившими во времена Фирдоуси. Важным и показательным является, в изучении жизни и творчестве Фирдоуси и тот факт, что Низами Арузи в 510 году хиджры /1116 г.н.э. сам совершил поездку в Тус, чтобы почтить могилу Фирдоуси.

В книге «Известные нарушения в некоторых вопросах аннулирования» («Ан-наказ маъруф ба баъзе масолиб-ун-навосиб фи накз»), принадлежащей перу Абдуджалила Казвини Рази, предположительно написанной в 560 г.х., упоминается о Фирдоуси и «Шахнаме», также она намекает на вероисповедание Фирдоуси и пишет: «...из персоязычных поэтов, шиит и был фанатичен в вере» По своей вере Фирдоуси Туси был шиитом и в «Шахнаме» в нескольких местах указал на это. Поэт гордится тем, что был родом из Туса. Фирдоуси и пишет:

Хар вазиру олиму шоир, ки ӯ Туси бувад,

Чун Низомулмулку Газзоливу Фирдавси бувад» [9 , 251-252].

Любой везирь, ученый и поэт, выходец из Туса,

Подобен Низамульмулку, Газзали и Фирдоуси»

В книге «Удивительные существа» («Ачоиб-ул-махлукот»), сочиненной приблизительно между 555 – 562 годами хиджры, дважды речь идет о Фирдоуси.

Первый раз, в четвертой части книги, при упоминании Туса, считая Фирдоуси одним из великих людей Хорасана и «правителей», автор пишет: «...и если из Туса не вышел бы Низамульмулк, который прославлен, то из правителей в городах Хорасана гордятся Мудрецом Фирдоуси» [24 , 246]. Затем, в седьмой части книги он приводит эпизод, как Фирдоуси во сне видит Рустама: «Говорят Хасан Фирдоуси, когда рассерженный вышел от Махмуда, он из Газны направился в Мазандеран. Он увидел во сне Рустама Заля: Сказал «О, Рустам! Как я восхвалил твое мужество и прославил тебя на весь мир. Какое вознаграждение за это? Ответил, возвращайся в Тус, в таком-то месте есть сокровища. Выкопай его так, чтобы люди не видели, у Махмуда

Газневида ничего не проси, тебе достаточно этого сокровища». Поэт встал со сна и направился в Тус и на том месте построил дом. Его дело закончилось хорошо» [24 , 473].

Большая часть ученых не считает этот рассказ правдивым, и он более подробно приведен во втором предисловии «Шахнаме» (предисловие флорентийской рукописи – Дж.М.).

Автором указанной книги Мухаммадамин Рияхи считает Наджибуддина Хамадани, но другой ученый, доктор Сайид Мухаммад Дабир Сияки автором её считает Мухаммада бинни Махмуда Омули и называет её «Книга о чудесах» («Ачоибнома»). Дату сочинения книги Сайид Мухаммад Дабир Сияки относит приблизительно к 571 – 590 годам хиджры// 1176 – 1194 г.н.э.

Знаменитый эпик, всемирно известный поэт Низами Ганджави, считается одним из успешных последователей Абулкасыма Фирдоуси. Он был влюблен в его непревзойденный стиль и, в своем творчестве, широко использовал содержательные бейты из «Шахнаме». Этот великий поэт в нескольких своих произведениях с большим уважением упоминает Фирдоуси и его «Шахнаме», однако автор проанализировал лишь те бейты, в которых имеются какие-либо сведения о жизни Фирдоуси. Поэт, в своей поэме «Хосров и Ширин», написанной им в 1181 г.н.э., упоминая «Шахнаме», указывает на 60 - летний возраст Фирдоуси:

*Хакиме к-ин Хикоят шарх кардаст,
ҲХадиси ишқ аз эшон тарх кардаст.
Чу дар шаст уфтодаш зиндагони,
Хаданг афтодаш аз шастии ҷавони.
Ба ишқе - дар ки шаст омад писандаш,
Сухан гуфтан наёмад судманда. [6 , 53].*

*Мудрец, рассказавший эту повесть,
Преподнес предание о любви.
Когда подошла его жизнь к шестидесяти,
Сразу потерял живость молодости.
Любовь, которую он прославил в шестьдесят,
Не принесла ему никакой пользы.*

Необходимо заметить, что в «Шахнаме» сам поэт в двух местах также отметил свое шестидесятилетие и, естественно, Низами Ганджави взял этот факт из «Шахнаме»:

*Чу омад ба наздики сар теги шаст
Мадеҳ май, ки аз сол шуд мард маст [3, 353].*

*Как подошла близко голова под меч шестидесяти,
Не давай вина, ибо стал пьян муж от возраста.*

*Чунин сушт гаштам зи нерӯи шаст,
Бипарҳезу бо ӯ масов эч даст [31, 1165].*

*Так ослабел я от натиска шестидесяти,
Воздержись и не подавай ему никогда руки.*

Низами Ганджави в предисловии к этой поэме, обращаясь к поэту, также сделал намек на поэму Фирдоуси.

Повесть об отношениях Фирдоуси и Махмуда в шестом веке хиджры получила широкоераспространение, на что указывают цитаты, намеки или прямые указания на них в стихах поэтов этого времени. Низами Ганджави также не отстал от других, у него на эту тему имеются несколько интересных высказываний. Поэт, оскорбленный поведением Махмуда Газневида, несумевшего по достоинству оценить талант и труд великого Фирдоуси, в своем произведении под названием «Книга

счастья» («Икболнома»), написанного около 1203 г.н.э., обращаясь к правителю иракского Мавсила Изуддину Масъуду, говорит:

*Зи коси Низомӣ яке тоси май
Хӯрӣ ҳам ба оини Ковуси Кай.
Ситонӣ бад-он тоси тӯсиनावоз
Ҳақи «Шоҳнома» зи Маҳмуд боз.
Ду ворис шумор аз ду кони куҳан,
Туро дар сахову маро дар суҳан.
Ба воме, ки нодода бошад нахуст,
Ҳақи ворис аз ворис ояд дуруст [7, 47].*

*От литавров Низами один кубок вина,
Выпей по правилам Кай Ковуса.
После этого потребуй долю обласканного Тусом
Вознаграждение за «Шахнаме» вновь у Махмуда.
Считай нас двумя наследниками старины,
Ты в щедрости, я же в поэзии.
И долг, не отдавший первый,
Доля наследника от наследника правильно дойдет.*

Поэт и в поэме «Семь красавиц» («Хафт пайкар») также упомянул о жадности Махмуда и сатире Фирдоуси:

*Дар сахову суҳан чу мепечам,
Кор бар толеъ асту ман ҳечам.*

*Нисбати ақрабист бо қавсӣ,
Бухли Маҳмуду базли Фирдавсӣ [5, 41].*

*Я весь в щедрости и стихах,
Судьба решает всё, я же ничто.
Жадность Махмуда и поощрение Фирдоуси
Как хвост скорпиона ужалил дар поэта.*

Известный персидско-таджикский поэт Аттар Нишапури (ум.618 х.// 1221 н.э.), живший на два столетия позже Фирдоуси, в трех своих поэмах «Книга тайн» («Асрорнома»), «Божественная книга» («Илохинома») и «Книгаонесчастье «Мусибатнома»), вспоминал Фирдоуси. Так, в «Божественной книге», основываясь на рассказе «Четырех бесед» Низами Арузи, воспеваает великодушие Фирдоуси, для которого драмы весом в груз трех слонов, посланные Султаном Махмудом, не стоили цены вина:

*Агар Махмуд ахбори Ачамро,
Бидод он тилвори се дирамро.
Чи кард он тилвораи кам наярзид,
Бари шоир фуқоие ҳам наярзид.
Зиҳӣ ҳиммат, ки шоир дошт онгоҳ,
Кунун бингар, ки чун бархост аз роҳ [105, 258-259].*

*Если Махмуд завести об Аджаме,
Дал бы те три драма, как груз слона.
Всё равно его дар, равный грузу слона,
Для поэта оказался мал идаже для продавца вина.
Да здравствует благородство, которое было тогда у поэта,
Теперь посмотри, как он встал на дороге*

Важнее всех рассказ, приведенный в «Книге тайн». Аттар Нишапури, приведя этот рассказ, выразил свое восхищение величием, могуществом всепрощающего Бога и посчитал великим грехом то неуважение, проявленное Махмудом по отношению к трудам Фирдоуси, посвятившего почти тридцать лет своей дорогой жизни на создание «Шахнаме». Устами Абулкасыма Куррагани он упоминает причину этого неуважения к Фирдоуси, долгие годы, по мнению Махмуда, якобы восхвалявшего только ничтожного огнепоклонника.

*Чунин гуфт ӯ, ки Фирдавсӣ баче гуфт,
Ҳама дар мадҳи габри нокасе гуфт.*

*Ба мадҳи габракон умре ба сар бурд,
Чу вақти рафтани омад беҳабар мурд [105, 261].*

*Так он сказал, что Фирдоуси достаточно сказал,
Всё ничтожного огнепоклонника восхвалял.
В восхвалении зароастрийцев провел всю жизнь,
Когда пришло время ему уйти, безвестным умер.*

Но могущественный и всепрощающий Бог, из-за одного его бейта о единстве всего сущего (байти тавхиди), простил Фирдоуси все его грехи и дал ему место в раю.

*Хитоб омад, ки ай Фирдавсии пир,
Агар рондат зи неи он тӯсии пир.
Пазируфтам манат, то хуи бихуфтӣ,
Бад-он як байти тавҳидам, ки гуфтӣ [105, 262].*

*Послышалось обращение, эй, старый Фирдоуси,
Если прогонит тебя тот старец из Туса,
Я тебя встречу, чтобы спал спокойно,
Из-за того одного бейта о единстве, сказанного тобой.*

Мы должны отметить и то, что Аттар Нишапури, известный суфий, «взяв явно мысль из «Четырех бесед», на неё нанизал ветви и листья». [138, 259] К слову, в «Четырех беседах» упомянуто, что «в Табароне был шейх, проявивший фанатизм, который сказал: Я не разрешу, чтобы его (Фирдоуси – Дж.М.) похоронили на мусульманском кладбище, потому что он был рафизитом» [2, 93-94]. По мнению Мухаммадамина Рияхи, нишапурский поэт, вместо просто «Шейх», как у Низами Арузи, привел имя шейха «Абулкасым» и тот факт, что 25 лет жизни Фирдоуси потратил на создание «Шахнаме», взял из «Четырех бесед» Низами:

*Шунудам ман, ки Фирдавсии Тусӣ,
Ки кард ӯ дар ҳикоят пурфусусӣ.
Ба бисту панҷ сол аз нӯки хома,*

Ба сар мебурд нақиши «Шохнома» [105, 261].

*Я слышал, что Фирдоуси Туси,
В рассказах которого много напрасного (пустого),
Двадцать пять лет своей жизни
Потратил на написание «Шахнаме»*

Таким образом, можно сделать вывод, что после написанного поэтом из Туса в его «неразрушимом дворце» краткого рассказа, приведенного автором «Истории Систана», следующим ранним преданием о жизни Фирдоуси является все то, что повествуется в «Четырех беседах» Низами Арузи.

Автор «Четырех бесед» смог, кроме нескольких фактов о жизни поэта, также зафиксировать некоторые важные аспекты его жизни раньше других авторов антологий.

Низами Ганджави, очарованный стилем Фирдоуси, высоко содержательныебейты из «Шахнаме» Фирдоуси многократно использовал в своих произведениях, где также неоднократно, с большим уважением и почтительностью дал высокую оценку его мастерству, величию и его бессмертному произведению «Шахнаме».

Также один из знаменитых персидско-таджикских поэтов, сладкоречивый Аттар Нишапури, с преданностью и уважением, в своих трех поэмах «Книга тайн», «Божественная книга» и «Книга счастья», отметив мудреца из Туса, подчеркивает в поэме «Книга тайн» величие и всепрощение Бога. Одновременно, он считает большим грехом неуважительное отношение Султана Махмуда к Фирдоуси, который почти тридцать лет своей жизни потратил на написание этой великой поэмы.

Восьмисотлетнее предисловие к флорентийской рукописи «Шахнаме».

Среди четырех предисловий рукописей «Шахнаме», предисловие, написанное в конце VI -го или начале VIIго вв. хиджры // конец XII или

начало XII вв.н.э., является очень ценным. По сведениям шахнамеведов, в начале флорентийской рукописи имеется лакуна.

Флорентийская рукопись написана в месяце мухаррам 614 г.х. // май 1217 н.э. Впервые на это предисловие обратил внимание молодой итальянский ученый Анджело Пейму Ницше, который исследовал его и ознакомил с ним ученый мир.

По содержанию этого предисловия можно сделать вывод, что его авторы не были знакомы с предисловием «Шахнаме» Абумансури и не обратили особого внимания написанному самим Фирдоуси во введении к поэме. Авторы данного предисловия сочинили повесть, в которой прозаический текст книги «Праздники царей» («Сайр-ул-мулук») был в руках у человека по имени Хури Фируз, по происхождению из аристократов Фарса, который часть книги «Праздники царей» подарил Султану Махмуду, и она послужила Фирдоуси источником его для работы. Хотя этот рассказ не имеет под собой достоверную основу, но по сведениям источников, само предисловие написано в годы, близкие к жизни Фирдоуси. Судя по сообщениям данного предисловия, Фирдоуси поехал в Газну с жалобой на притеснения и несправедливость правителя Туса. Также, сообщается, что Султан Махмуд проявил по отношению к нему всестороннюю заботу, потому что, будто, понимал и ценил настоящую поэзию. После этого Фирдоуси приступил к сочинению своего бессмертного произведения. В этом предисловии упоминается и о соревновании, затеянном тремя известными и обласканными Махмудом поэтами, с целью проверки таланта и знаний Фирдоуси. В других источниках местом проведения этого соревнования называется сад, а в этом предисловии – собрание Султана. Также, написавшие это предисловие отметили, что Султан Махмуд «Тогда выбрал семь повестей из «Праздников царей» и отдал семи поэтам, чтобы они их переложили в стихи: Фаррухи и Асджади и Зайнаби и Мунджики и Абуханифа Аскоф создали хорошие поэмы и затем занялись этим» [105, 267].

Однако, как видим, вместо семи поэтов приведены имена пяти человек, среди этих имен отсутствует имя Унсури, который считался самым знаменитым сочинителем поэм той эпохи. По этому случаю Мухаммадамин Рияхи пишет: «Двое из тех пятерых не были современниками Махмуда: Мунджик Термизи умер в 377 г.х, до восшествия на престол Махмуда. Абуханифа Аскоф, также, жил на I век позже и был современником Санджара. По всей вероятности, это тот Абуханифа Аскоф, имя и стихи которого упомянуты в «Истории Бейхаки» («Таърихи Байхаки»), жившего во времена после Махмуда, во второй половине пятого века (хиджры – Дж.М.)»[105, 267-268].

В этом же предисловии приведен рассказ о сне Фирдоуси, будто видевшего во сне Рустама, в котором Рустам показывает Фирдоуси место спрятанного клада и, когда клад нашелся, Фирдоуси его разделил между поэтами. Этот рассказ раньше встречался в «Удивительных существах» («Ачойб-ул-махлукот») (соч. около 565 г.х.), автором которого является Наджибуддин Хамадани. Позднее, поэт Ибн Ямин переложил рассказ в стихи в виде китъа.

В этом же предисловии приведено, что Унсури написал поэму «Рустам и Сухраб». Большинство фирдоусиведов считают, что это предание впервые встречалось именно в данном предисловии и в более поздних источниках только повторялось. Авторы этого предисловия, также сообщают, что Фирдоуси до смерти Махмуда оставался у халифа, но это ошибочно сообщено, потому что Фирдоуси умер в Тусе раньше Махмуда. Но верным фактом в изучаемом предисловии является упоминание о враждебном отношении Ахмада бинн Хасана Майманди к Фирдоуси и, это в противовес мнению некоторых авторов антологий, считающих Майманди защитником поэта.

Факты, приведенные в этом предисловии, хотя и большей частью являются выдумками, не соответствующими фактам жизни Фирдоуси, но один момент весьма важен – это то, что данное предисловие одно из самых древних, написанное через 200 лет после смерти Фирдоуси, и оно

явилось основным источником для поздних авторов антологий. Всё же, мы считаем, некоторые сведения этого предисловия полезны в изучении жизни Фирдоуси.

Известный автор антологии Мухаммад Ауфи Бухарай в пятой главе своей книги «Сердцевина сердцевин» («Лубоб-ул-албоб») (написана приблизительно между 617-625 годами хиджры // 1120-1127 н.э.), которую считают имеющей отношение к книге «Прекрасные стихи великих царей и знаменитых султанов» («Латоифи ашъори мулуки кибор ва салотининомдор»), упомянул Фирдоуси и его шедевр: «...и Фирдоуси в надежде на вознаграждение сочинил «Шахнаме», в 60 тысяч бейтов, он смог показать в том сборнике свое величие и честь» [1, 24].

Ауфи, наряду с рассказом о высоком месте поэта в поэзии, указывает на вывод из «Шахнаме», на который опирался Масъуд Саъд Салман и называет поэта «Абулкасым Фирдоуси Туси», а его книгу «Шахнаме».

Автор книги «Произведения о странах» («Осор-ул-билод») —

Имодуддин Закария Казвини (г.р.600 – ум.672 г.х.// 1204 – 1274 н.э.) при изложении своих мыслей о городе Тус, высказался и о жизни Фирдоуси. По всей вероятности, автор названной книги свой материал собирал из преданий и легенд, распространенных, в то время, среди народа, или взял из имеющихся предисловий к «Шахнаме». Так, он упоминает, что «правитель Туса притеснял его (Фирдоуси – Дж.М). Он вынужден был обратиться во дворец Султана Махмуда Сабуктегина, чтобы найти защиту от притеснения и с этой целью стал искать средство (к выполнению своего замысла)».[105- С. 303] В этом предании сказка об испытании таланта Фирдоуси в соревновании с тремя поэтами (Унсуре, Фаррухи и Асджади) дополнена и введена в самое раннее предисловие «Шахнаме» и, возможно, Казвини воспользовался данным фактом из этого предисловия. Однако, рассказ об учителе Газзали, Кутбиддине, приведенный в этой книге, принял другую форму в поэме «Книга тайн» Аттара Нишапури. Разница состоит в том, что в рассказе Шейха Аттара

Абулкасым Куррагани отказывает близким Фирдоуси в погребении покойного поэта на мусульманском кладбище, а в рассказе Казвини Кутбиддин не разрешает друзьям посетить могилу Фирдоуси. Поэтому и Абулкасым Куррагани, и Кутбиддин видят во сне Фирдоуси, который их упрекает. По мнению Мухаммадамина Рияхи, источником для обоих рассказов является «Четыре беседы» Низами Арузи, [105, 302] так как в «Четырех беседах» шейх Табарана говорит: «Я не разрешу похоронить его на мусульманском кладбище».[105, 302] Следовательно, Аттар добавил в свой рассказ эпизод сновидения и просьбу о прощении шейхом; во-вторых, Казвини несущественно изменил рассказ, но, исследователи полагают, что для обоих авторов источником явилась книга «Четыре беседы» Низами Арузи.

Историк, ученый и поэт первой половины восьмого века хиджры Хамдуллах Мостоуфи Казвини, живший три века спустя после Фирдоуси, занявшись исследованием и упорядочением «Шахнаме», посвятил этому делу шесть лет. Мухаммадамин Рияхи считает Хамдуллах Мостоуфи первым иранским шахнамеведом и подчеркивает, что список, написанный на полях «Книги побед» («Зафарнома») Мостоуфи, является переписанным с той самой рукописи «Шахнаме», проверенной и упорядоченной самим историком[105, 308].

Х. Мостоуфи впервые, изучив и сравнив множество рукописей «Шахнаме», выбрал относительно лучший список и представил его своим современникам. Результатом шестилетнего труда над «Шахнаме» явился большой, накопленный опыт и освоение навыков поэтического мастерства, в конечном итоге, по совету друзей, он начал писать поэму, которую завершил через 25 лет и назвал «Книгой побед» («Зафарнома»). Поэма получилась большой по объему, она состоит из 75 тысяч бейтов и написана в стиле «Шахнаме» Фирдоуси. Необходимо отметить, что Мостоуфи настолько почитал великого эпика, что во всех своих произведениях обязательно с большим уважением упоминает имя Фирдоуси и приводит краткое сообщение о жизни поэта. Так, в

«Избранной истории» («Таърихи гузида») в пяти строках упомянуто имя Фирдоуси. При повествовании о жизни 25-го халифа из династии Аббасидов Алкодирубиллаха о поездке Фирдоуси он написал: «Между халифом Кадиром и Султаном Махмудом Сабуктегином прошли переговоры о Фирдоуси при посредстве переписки. Халиф защитил Фирдоуси. В письме, написанном Султаном халифу есть следующие строки: «...если не отошлешь Фирдоуси ко мне, то Багдад затопчу слонами». Халиф на обороте его письма написал: «Во имя Бога, милостивого, милосердного алиф, лом, мим» т.е. аламтара кайфа фаъла раббука биасхобилфил» [105, 313].

Этот рассказ взят из второго предисловия «Шахнаме» (Флоренция) и ученые доказали его вымышленность. Также, Мостоуфи сообщает, что «Дакики является современником Эмира Нуха Сомони. Он сложил тысячу бейтов из поэмы о Гуштаспе, как части «Шахнаме» и мудрец Фирдоуси, зная цену слову, ввел их в свою поэму «Шахнаме», но в укор сказал:

*Даҳон гар бимонад зи гуфтан тухӣ,
Аз он беҳ, ки носоз хоне нухӣ» [105, 313].*

*Если уста не смогут говорить,
Это лучше, чем расстелить пустую скатерть.*

Достоверно известно что эти строки принадлежат самому Фирдоуси и взяты из его бессмертного произведения. В дополнение к этому, автор «Избранной истории» приводит предание о встрече Фирдоуси с тремя поэтами в саду, отраженное во всех предисловиях «Шахнаме». Опираясь на слова Мостоуфи о шейхе Абулкасыме Куррагане, не разрешившего хоронить великого поэта на мусульманском кладбище, и, вскоре увидевшего Фирдоуси во сне, Мухаммадамин Рияхи делает вывод, что «То, что важно здесь, это то, что из-за стихотворного метра мы можем определить правильное произношение Куррагана (каф с заммой и ташдид) и делают ошибку люди, называющие его Гургани или

Джурджани» [105, 311-312]. По мнению Саид Хасана Такизаде, автор «Избранной истории» достаточно много информации позаимствовал из предисловия «Шахнаме», относящегося к Байсунгару. Следовательно, между «Избранной историей» и упомянутым предисловием много общего и, возможно, оба имеют один, более ранний источник». [117, 282-283] Мнение Такизаде, в какой-то степени, приемлемо, так как ученые, писавшие в прошлом о Фирдоуси, использовали ранние предисловия «Шахнаме» и всего незначительное количество источников, число которых очень незначительно.

Мухаммад ибн Али Шубанкара в 738 г.х // 1338 написал книгу под названием «Сборник генеалогий» («Мачмаъ-ул-ансоб»), посвятив её Абусаиду Эльхану. В этой книге, наряду с рассказом о том, что Махмуд был ценителем поэзии и целыми днями проводил время в беседах о стихах и одаривал поэтов дорогими подарками, имеется короткое сообщение о Фирдоуси.

Мухаммад ибн Али Шубанкара неуважительное отношение Махмуда к Фирдоуси и его бесценному произведению объясняет двумя причинами: «Одна та, что Унсури понял его мастерство и очернил его перед царем, потому что испугался, что, если он (Фирдоуси – Дж.М.) найдет путь к султану, то все поэты понесут урон. И другая заключается в том, что Фирдоуси был шиитом, а султан не любил всех, кто был шиитом и отрекся от суннизма, поэтому он его (Фирдоуси – Дж.М.) не приблизил к себе и не использовал его (мастерство – Дж.М.) Чтобы знали, плохая вера есть неуважение к миру и концу света. Несмотря на это, можно понять, что он обладал целым миром знаний и по причине склонности к плохой вере, Всевышний не дал ему славу, известность» [105, 283].

Хотя Шубанкара, судя по написанному им, критикует поэта за принятие шиизма, но признает его величие и место на арене словесного мастерства.

Третье предисловие «Шахнаме», около VIII в. // XIV век.

Третье предисловие «Шахнаме» написано приблизительно в пределах VIII в. // XIV века/. Авторы этого предисловия имели на руках предыдущие источники и материалы, потому что большая часть событий и явлений, относящихся к Фирдоуси, его жизни и истории написания «Шахнаме», приведенных в этом предисловии, имеются и в других, ранних источниках. Кроме одного предания, в котором рассказывается, будто некий человек послал часть из «Шахнаме» Дакики, в которой речь шла о династии Саманидов, в подарок Султану Махмуду, после чего Махмуд немедленно попросил у Саманидов прислать ему «Историю царей Аджамы» («Таърихи мулуки Ачам»), хранящуюся в их сокровищнице. Они прислали Махмуду сборный рассказ, начинающийся от Каюмарса и до Зава Тахмасба. Это предание не встречается ни в одном из ранних источников и сочинитель этой легенды, вероятно, был в неведении, что в период правления Махмуда династия Саманидов уже не была у власти. Также, в данном предисловии написано, что «Случилось так, что Абулкасым по дороге увидел очень красивое, благоухающее место, спешил и, привязав коня в тени дерева, сам заснул. Через какое-то время проснулся. В это же время Султан Махмуд выехал на охоту, по велению судьбы, он ездил только по этой дороге, где спал Абулкасым. Царь Махмуд, как только его увидел, про себя сказал, что этот мужчина из другого города.

Спросил: ты кто? Откуда идешь?

Ответил: Я иду из города Тус.

Спросил: Для чего идешь?

Сказал: Правитель Туса обидел меня, хочу у падишаха попросить защитить город Тус.

Если не защитит, тогда что будешь делать?

Абулкасым сказал: Если защитит, хорошо, если нет, то месть и конь, привязанный, на него посажу дочь царя и ...». Эта встреча поэта с Султаном Махмудом описана только в этом предисловии.

На основе приведенных сведений, можно сделать вывод, что информация, приведенная в данном предисловии, не соответствует истине и, к тому же, большинство фактов взяты из предисловий, составленных до данного предисловия, так как эти сообщения нам встретились в предыдущих предисловиях.

Предисловие Байсунгара, четвертое предисловие «Шахнаме»

Последним предисловием является знаменитое предисловие к «Шахнаме», известное как Байсунгаровское. Это предисловие было подготовлено мастерами и каллиграфами мастерской по переписке рукописей, принадлежащей Байсунгару, в 829 г.х. // 1348 н.э. по поручению названного царевича, внука Темура. С тех пор оно называется Байсунгаровским и получило широкое признание. Причиной быстрого распространения этого предисловия и использования его сведений авторами более поздних антологий является то, что в нем упомянуто имя царевича. Также, при его поддержке и защите, ибо царевич был большим любителем литературы, ученые его дворца провели сопоставление нескольких рукописей «Шахнаме» и составили для него одну рукопись и написали к ней настоящее, анализируемое автором предисловие. После развития печатного искусства, с небольшими изменениями, оно многократно издавалось в начале последующих «Шахнаме».

О ценности этого предисловия многие исследователи высказали различные мнения и суждения. Впервые, на него обратил внимание Жюль Моля, считающий все предания, занемногим исключением, явно не соответствовавшими известным историческим событиям, истинными, и потому, при издании подготовленного им к печати «Шахнаме», положил их в основу своих изысканий о жизни Фирдоуси.

После Жюль Моля, известный иранист Т.Нёльдеке, в результате своих подробных и глубоких исследований, доказал вымышленность преданий этого предисловия и, за основу жизнеописания Фирдоуси, принял те сведения, которые сам поэт привел в своей

грандиозной эпопее. Т.Нёльдеке допустил одну ошибку, доверяясь недостоверному сообщению антологии «Капище» («Оташкада») Лутфалибека Озара, слабую, не отвечающую стилю Фирдоуси также, поэму «Юсуф и Зулейха» приписал великому эпическому поэту. Вслед за ним, многие ученые, такие как: Шибли Нуъмани, Е.Э.Бертельс, К.И.Чайкин, А.А.Стариков, А.Тагирджанов, Саид Хасан Такизаде и другие поддержали вывод Нёльдеке, другими словами, все они повторили сообщение Озара. Однако, другая группа иранских ученых-литературоведов Муджтабо Минови, Забехолла Сафо, Саид Нафиси, Абдулазиз Кариб, Хайямпур, Мухаммадамин Рияхи, чешский ученый Ян Рипка, индийский исследователь Хафиз Махмудхан Ширани, таджикский литературовед Абдуманон Насреддинов в своих исследованиях доказали, что названная поэма не имеет отношения к Фирдоуси. Особенно интересны приводимые доказательства Махмудхана Ширани в его книге «Знакомство с Фирдоуси» («Дар шинохти Фирдауси»). У автора или авторов предисловия Байсунгара на руках имелись все предыдущие три предисловия «Шахнаме», всё сказанное о себе и своей жизни самим Фирдоуси в его бессмертном произведении и много других, известных к тому времени, источников, в которых речь шла о Фирдоуси или его жизненном пути. Они, собрав все сведения воедино, упорядочив их, подробно пересказали в этом предисловии.

В данном предисловии приведено, что, когда Фирдоуси захотел приступить к сочинению «Шахнаме», «он попросил у Шейха Мухаммада Маъшука Туси, который был святым, великодушной помощи». [105 -С. 353] Но написавший об этом факте не знал, что Мухаммад Маъшук Туси не был современником Фирдоуси, он жил век спустя после Фирдоуси. Авторы предисловия сообщают, будто Султан Махмуд приглашал Фирдоуси в Газну, где, в то время, Бадеъуддин Дабир выполнял обязанности руководителя аппарата государственной переписки и был личным писцом Султана. Бадеъуддин узнает о приглашении Султаном

поэта и, обращаясь к Унсури и Рудаки, говорит «при переложении в стихи этой книги (видимо он имел в виду прозаическую «Шахнаме» - Дж.М.) нельзя представить, какую пользу получит Фирдоуси. Потому что Султан теперь ясно понял, что эта услуга не по силам его придворным и этот факт явился показателем недостатков какой-то части придворных и, возможно, Фирдоуси сможет выполнить эту работу, то тогда наш стыд удвоится». Тотчас Рудаки и Унсури, представив, что, если стихи Фирдоуси будут лучше их собственных, то уважение к нему и почитание будут выше, чем к ним, написали Фирдоуси письмо, из содержания которого явствовало, что они хотели удержать Фирдоуси от поездки во дворец Махмуда. И этот факт так же неподтвержденный, так как, Рудаки был поэтом Саманидов и никак не мог быть современником Махмуда. Фирдоуси только увидел этот мир, когда Рудаки уже покинул его, а Махмуд же ещё и не родился. Также, в этом предисловии отмечено, что Фирдоуси, перед тем, как покинуть Газну, на стене соборной мечети Газны написал два бейта стихов. Однако, большинство исследователей доказали, что Фирдоуси не ездил в Газну, так как это был бы такой важный факт в его жизни, что он, обязательно, это событие отметил бы в «Шахнаме». Авторы анализируемого предисловия сообщают, что Маджидуддавла Рустам, сын Фахруддавла Дайлами (387 – 420 г.х. // 917 – 1029 н.э.), послал вознаграждение Фирдоуси за поэму о Рустаме и Исфандияре. Об этом Мухаммадамин Рияхи написал, что «Очевидно, здесь намек на славу Маджидуддавла, как книголюба и на написанное Ибн Асиром Махмудом после покорения Рея и задержание Маджидуддавла в 420 с упреком в чтении им «Шахнаме». [105, 355] По другому сообщению этого предисловия, когда Фирдоуси обиделся на Султана Махмуда и потерял надежду на получение вознаграждения, он пишет сатиру и отдает её в руки Аязу и просит его в подходящий момент отдать Султану. Затем Насириддин Мухташам, наместник Кехистана, увозит поэта в Кехистан, и тот факт из предисловия также безоснователен, потому что среди современников Фирдоуси и Махмуда,

ни в одном источнике, не упомянут человек с таким именем. Авторы этого предисловия о «Книге путешествий» («Сафарнома») Насира Хосрова так рассказали: «В 437 г.х. я ехал по дороге из Сарахса в Тус. Когда достигли местечка Чоха, увидели новый и большой рабат (постоялый двор, построенный благотворителем – Дж.М.), сказали, что этот рабат построен на вознаграждение Фирдоуси, посланное Султаном Махмудом. Когда оно пришло в Тус, поэт умер, а его наследник не принял вознаграждения. Когда Султану доложили об этом, он приказал там построить какое-нибудь здание и так появился этот рабат Чоха»[105, 415]. Но такого факта в рукописях, современных Насиру Хосрову, не найдено, однако, это сообщение, приведенное авторами байсунгаровского предисловия, стало причиной многих споров. В любом случае, стиль текста, приведенного авторами данного предисловия, не соответствует стилю письма философа и поэта Насира Хосрова и, возможно, этот факт также является вымыслом сочинителей легенд и сказок, введенный в текст предисловия.

Однако, можно с уверенностью утверждать, что предисловие Байсунгара явилось источником для всех, кто что-либо писал о Фирдоуси, в том числе, авторы таких антологий и сборников, как «Собрание красноречивых» («Мачмаъ-ул-фусахо»), «Сад чистых душ» («Равзат-ус-сафо»), «Жизнеописание возлюбленных» («Хабиб-ус-сияр»), «Удивительные события» («Бадоеъ-ул-вакоеъ»), «Собрание правоверных» («Мачолис ул-муъмнин»), «Гора влюбленных» («Арафот-ул-ошикин») и др. большую часть своих материалов взявших из этого предисловия. Для того, чтобы ясно и правильно понять суть поздних сочинений, следует выявить ценность всего написанного в этом, и ранних предисловиях, и антологиях.

«Антология поэтов» («Газкират-уш-шуаро») Давлатшаха Самарканди (сочинена в 892 г.х // 1487 г.н.э.) считается одной из ранних антологий. Давлатшах привел сведения о Фирдоуси, его жизни и произведениях наряду со сведениями о других поэтах, однако,

написанное о жизни Фирдоуси этим автором антологии, является повтором сказок и преданий, написанных в более ранних источниках. Тем не менее, «Антология поэтов» Давлатшаха приобрела широкую славу, и, на этом основании, большая часть составителей антологий и востоковедов, используя материалы этого источника, допустили в своих трудах ошибки. Так, автор антологии «Собрание красноречивых», Ризакулихан Хидаяти автор антологии «Зерцало воображения» («Мирьот-ул-хаёл») Шералихан Луди свои материалы взяли из «Антологии поэтов» Давлатшаха Самарканди, а сам Давлатшах широко использовал материалы ранних источников, особенно, сведения «Четырех бесед» и предисловия Байсунгара. В его антологии имеется небольшой материал, противоречащий сведениям ранних источников. В том числе, в противовес многим источникам, он считает Ахмада ибн Хасана Майманди покровителем Фирдоуси, а имя Исмаила Варрака, отца поэта Азракию которого, согласно сообщениям ранних источников, Фирдоуси, после того, как бежал из Газны, укрылся в Герате, сменил на Абулмаоли Саххафа [105, 429-430]. Ещё один из вымыслов автора «Антологии поэтов» заключается в искажении фактов при описании биографии Асади Туси. По Давлатшаху Самарканди, наставником Фирдоуси был Фирдоуси и, в последние дни своей жизни, Фирдоуси просил его заняться дополнением «Шахнаме», и Асади Туси за одну ночь написал четыре тысячи бейтов концовки «Шахнаме». Вымышленность этой истории ясна без комментариев, потому что Асади Туси жил после Фирдоуси спустя пятьсот лет (полвека) и свою поэму «Гаршаспнаме» («Гаршосбнома») закончил в 458 г.х.// 1066 н.э. и, по преданию, умер в 465 г.х.// 1073 г.н.э. Следует подчеркнуть, что, хотя написанное Давлатшахом в «Антологии поэтов» о жизни Фирдоуси содержит много ошибок и вымыслов, однако, он высоко оценил мастерство поэта и ценность великой поэмы великого Фирдоуси.

Один из прославленных персидско-таджикских поэтов Нуриддин Абдуррахман Джами (1414-1492), в седьмом саде (главе – Дж.М.) своей

книги «Весенний сад» («Бахористон»), которая была написана им в 1487 году для своего малолетнего сына, приводит краткие сведения о жизни и творческом наследии некоторых известных персидско-таджикских поэтов. Необходимо отметить, что Джамии, по сравнению с жизнеописанием других поэтов, на описании жизни Фирдоуси остановился более подробно, что, по нашему мнению, является показателем большого уважения автора к гениальному поэту из Туса. Также, судя по многочисленным исследованиям и сохранившимся трудам Джамии, жившем в XV-ом веке, в этот период, весьма значительно возросли влияние и авторитет Фирдоуси и его бесценного произведения.

Абдуррахман Джамии, считает автор данного исследования, для своих произведений использовал ранние источники, пересказал известные предания с большим мастерством, однако автор данного исследования считает, что нет необходимости здесь в повторении этих сказок и преданий. Однако, нужно отметить, что Мавлана Джамии смог в одном китъа, использовав несколько красивых поэтических оборотов, охарактеризовать как Махмуд не оценил самого поэта и его труд:

Хуш аст қадриносӣ, ки чун хамида сипеҳр

Сиҳоми ҳодисаро кард, оқибат қавсӣ.

Бирафт шавкати Маҳмуду дар замона намонд,

Чуз ин фасона, ки нашнохт қадри Фирдавсӣ [11, 153].

Хорошо, когда ценят (человека), как благосклонная судьба

Устрашила событие,

Ушло величие Махмуда и ничего не осталось,

Кроме этой сказки о том, что он не оценил Фирдоуси.

Мухаммад Казвини перевел антологию «Собрание изящных» («Мачолис-ун-нафоис») Алишера Наваи в 927 – 929 г.х. //1549 – 1551 в Стамбуле с чагатайского тюркского на персидский язык. В перевод этой антологии он добавил главу под названием «Восьмой рай» («Бихишти

хаштум»), содержанием которой стали биографии и образцы стихов поэтов, не вошедших в основной текст антологии.

«В этой главе речь пойдет о жизни Фирдоуси, материал о которой взят из известных источников и новых фактов не имеется. Кроме того, что к эпизоду, когда Шейх Абулкасым Куррагани не стал читать молитву на похоронах Фирдоуси, о чем говорится в «Книге тайн» («Асрорнома») Аттара, он добавил такой пункт:

Шейх спросил у него (Фирдоуси – Дж.М.): за что тебя Всевышний Бог простил и определил в рай?

Фирдоуси ответил: за две вещи: одна то, что ты не стал читать молитву за мой упокой, и вторая то, что я в одном бейте воспел единственность Бога (тавхид):

*Чаҳонро баландиву настӣ туй,
Надонам чий ҳарчӣ ҳастӣ, туй.» [105,439-440]*

*Величие и низость мира – от тебя,
Не знаю ничего, всё, что существует – это ты*

Знаменитый писатель Зайниддин Махмуд Васифи, в течение 918 по 958 г.г.х. // 1512 по 1551 н.н.э., собрал все, что видел и слышал, свои мысли и выводы в своем весьма ценном произведении «Удивительные события» («Бадоеъ-ул-вакоеъ»). Язык произведения плавен, прост и понятен и очень красочны и живы описания. Автор произведения рассказал распространенную историю о Фирдоуси и Султানে Махмуде Газневиде по просьбе Султана Келдимухаммада на одном из его собраний, но не отметил источник, откуда он её взял. Однако, по помещенным в книге материалам можно сделать вывод, что он использовал «Четыре беседы» Низами Арузи и байсунгаровское предисловие «Шахнаме» и ничего нового в биографию поэта не добавил. Он привел 44 бейта сатиры, приписываемой Фирдоуси, которых нет в других источниках, и из содержания и стиля бейтов ясно, что они не соответствуют творческому почерку Фирдоуси.

На других страницах этой книги, наряду с анекдотами, ходившим среди поэтов и меценатов, Васифи упомянул, что: «Аслам Туси, являющийся родственником Фирдоуси Туси, рассказывал, что он (Фирдоуси – Дж.М.) в восхваление Ходжа Низамульмулька Туси сложил рубаи:

*Олам, ҳама паргору кафи хоча нуқат,
Пайваста ба гирди нуқта мегардад хат.
Муҳточ ба ту кеҳу меҳу дуну васат,
Касро надихад Худой давлат ба галат.*

*Весь мир – это циркуль, а длань ходжи
Постоянно вокруг точки чертит линию.
Нуждаются в тебе млад и стар, низкий и средний,
Не дает богатство Бог человеку ошибочно.*

Когда это рубаи прочитали Ходжа, Ходжа экспромтом в ответ на то рубаи написал, что:

*Сесада барраи сафед чун синаи бут,
К-аз ранги дигар набошадаи ҳеч нуқут.
Чупон бидихад равон ба дорандаи хат,
Аз галлаи хоси мо на аз ҷойи галат [4, 350-361].*

*Триста белых ягнят, словно грудь красавицы,
Другого цвета у них не может быть.
Пастух воздаст обильно имеющему стиль,
Из особых наших зерен, а не из ошибочного места.*

Ни в одном источнике и научном исследовании не сказано, что Аслами Туси состоял в родственных отношениях с Фирдоуси и стиль рубаи совершенно не соответствует стилю стихов современников Фирдоуси. Также, нигде не приводится тот факт, что у Низамульмулька имелся поэтический талант.

Первую критику и серьезное исследование о жизни Фирдоуси мы встречаем у автора «Собрания правоверных» («Мачолис-ул-муъмнин») Кази Нуруллаха Шуштари в двенадцатом собрании, в котором приведены биографии 23 известных поэтов. Этот автор, наряду с другими поэтами, привел подробную биографию Фирдоуси. Шуштари, как и многие авторы антологий, свой материал о жизни Фирдоуси взял из «Четырех бесед», «Антологии поэтов» и предисловия Байсунгара. Но, по словам известного иранского фирдоусиеда Мухаммадамина Рияхи, «Значение его работы состоит в том, что он первым из авторов антологий четыре века ранее, занялся критикой недостатков преданий о Фирдоуси и, в своей работе, обратился к настоящему, достоверному источнику, т.е.к самой «Шахнаме». Например, за исключением того, что говорил сам Фирдоуси в «Шахнаме», с целью отказа от распространенных сказок, он выяснил, что Фирдоуси начал писать «Шахнаме» не в Газне, а в Тусе, и что бейтов с восхвалением халифов, в оригинале «Шахнаме» нет. Фирдоуси, те несколько бейтов, добавил в список, который подарил Махмуду» [105, 451-452].

Однако, Кази Нуруллах Шуштари, также иногда допускает ошибки, к примеру, для подтверждения своих мыслей, он приводит бейты из сатиры Фирдоуси, в то время как исследователи доказали вымышленность этой сатиры. К тому же, имя Абудулаф, встречающееся в последних бейтах «Шахнаме» и в «Четырех беседах» Низами Арузи, и Абудулафа, правителя Нахичевани и покровителя поэта Катрана, которому в 458 г.х. // 1066 н.э. Асади посвятил свою поэму «Гаршаспнаме», Кази Нуруллах Шуштари считает одним лицом, и это утверждение ошибочно. В добавок к этим ошибкам, он отмечает, что Султан Махмуд казнил Ахмада ибн Хасана Майманди, что также неправильно, так как Хасан Майманди, после завершения правления Махмуда, был ещё жив, находился при министерстве султана Масьуда Газневида и прожил до 424 г.х // 1033 н.э. Несмотря на такие ошибки, Кази Нуруллах Шуштари считается одним из первых авторов антологий,

который, изучив большую часть преданий и сказок, являвшихся плодом ума и любви друзей и приверженцев Фирдоуси, а также и авторов антологий и различных сборников, пришел к интересным выводам, он же, по сведениям, содержащимся в «Собрании правоверных» («Мачолисул-муьминин»), посетил усыпальницу Фирдоуси.

Как следует из сообщений антологий и вышеупомянутых источников, о личности, жизни и творчестве, отношениях с правителями Фирдоуси создано много вымыслов, и, как следствие, ошибочных выводов. Причина появления таких мнений и сказок, прежде всего, величие личности Фирдоуси и огромное воздействие его бессмертного произведения «Шахнаме» на умы и мышление людей, на прогресс культуры, самопознание и культурного пробуждения народа на различных этапах истории. Также поэма «Шахнаме» Фирдоуси оказала огромное влияние на развитие языка и литературы, в общем, на всю цивилизацию иранских и таджикского народов. Следует отметить, что в исторических трудах средневековых авторов, даже у более поздних, мы можем найти, в большом количестве, истории царей и богатырей Древнего Ирана, взятые из «Шахнаме».

Таким образом, Кази Нуруллах Шуштари является одним из первых авторов антологий, сумевший проанализировать и разобраться в большей части преданий и сказок о Фирдоуси, созданных почитателями его таланта и просто любителями литературы, и доказать достоверность некоторых и ошибочность других.

Имя, кунья и псевдоним Фирдоуси. В исследовании жизни и произведения тусского мудреца «Шахнаме» считается наиболее лучшим, достоверным и точным источником. Этот поэт – эпик, наряду с сочинением богатырских поэм и преданий, в своем произведении, приводит факты из своей жизни, о возрасте, семье, однако нигде не упомянуто имя поэта. Только в ниже приведенном бейте он приводит свой псевдоним:

*Зи Фирдавсӣ акнун сухан ёд гир,
Суханҳои покизаву дилпазир [58, 74].*

*От Фирдоуси теперь научись речи,
Речам чистым и берущим за душу.*

Или:

*Ба Фирдавсӣ овоз додӣ, ки май
Махӯр, чуз ба оини Ковуси Кай [31, 765].*

*Фирдоуси дал слово, что вино
Не пей, кроме как по ритуалу Кай Ковуса*

Хотя поэт в «Шахнаме» привел слово Фирдоуси, но нигде не указывает причину, почему псевдонимом он выбрал это слово. В других источниках кунья поэта приведена, как Абулкасым, и поэтический псевдоним Фирдоуси. Так, Асади Туси в своей поэме «Гаршаспнаме» говорит: Другие источники, также, его прозвищем или поэтическим псевдонимом называют Фирдоуси. Так, Асади Туси в своем произведении «Гаршаспнаме» привел:

*Ки Фирдавсии Тусии покмагз,
Бидодаст доди суханҳои нагз.
Ба «Шахнома» гетӣ биёростагт,
Бад-он нома номи накӯ сохтагт.
Ту ҳамшаҳри ӯрову ҳампешай,
Ҳам андар сухан чобукандешай.
Ба «Шахнома» Фирдавсии нагзгӯй,
Ки аз пеши гӯяндагон бурд гӯй.
Басе ёди разми ялон карда буд,
Аз ин достон ёд н-оварда буд [25, 36].*

*Фирдоуси из Туса, чистый помыслами,
Дает справедливо жизнь прекрасным словам.*

*С «Шахнаме» мир украсился,
Этим произведением имя свое облагородил.
Ты с ним соотечественник и одной деятельности,
И в речах быстро мыслящий.
«Шахнаме» Фирдоуси ты хвалишь,
Потому что он победил многих пишущих,
Достаточно он вспомнил битвы богатырей,
Но об этой поэме он не вспоминал.*

В дополнение к этому, авторы источников и научных трудов, почетным прозвищем поэта считают Абулкасым. Например, известный русский востоковед Е.Э. Бертельс писал: «Абулкасым было почетным прозвищем поэта. Некоторые из авторов предполагают, что это прозвище принято в честь Султана Махмуда, потому что у него тоже было это прозвище. Возможно, в то время, частое использование этого прозвища и связано было с Махмудом, но сомнительно, чтобы и Фирдоуси руководствовался этим принципом и взял это прозвище себе. Нельзя забывать, что Абулкасым было и прозвищем пророка и это было причиной его широкого распространения в мусульманских странах [54, 199].

Нужно заметить, что кунью и псевдоним поэта большинство отечественных и зарубежных ученых безоговорочно приняли, и уже давно они используются вместо имени поэта. Хотя поэт, в своем произведении всей жизни, не указал на причину выбора такого псевдонима, но многие авторы антологий по этому поводу высказали свое мнение. Давлатшах Самарканди, в своей «Антологии поэтов», написал: «и некоторые говорят, что Саври бинни Абумаъшар, которого называют правителем Хорасана, в селении Тус имел подземное водохранилище (корез) и сад под названием Фирдавс (рай – Дж. М.), отец поэта был садовником в этом саду и псевдоним Фирдоуси (райский – Дж. М.) отсюда» [22, 57].

В противоположность этому мнению, Фасех Хавофи, в своем труде «Сборник красноречия», («Мачмаъ – ул- фасехи») отметил, что Султан Махмуд, признав и похвалив поэтическое мастерство Фирдоуси, сказал: - «Да пусть знает Бог, что наше собрание ты превратил в рай» [58-С. 242] (фирдавсна перс. яз – Дж. М.) и это слово стало псевдонимом поэта.

Однако, мнения упомянутых авторов антологий большая часть современных фирдоусиведов отвергла. В любом случае, смысл слова «фирдоуси» - «райский» и оно персидского происхождения.

Так, Е.Э. Бертельс, считая слово «Фирдавс» - «рай» перешедшим из древнего иврита или языка древней Греции, отмечает, что «Таким образом, этот псевдоним (Фирдоуси-Дж.М.) означает блеск, достоинство и бесконечный, созидательный талант носящего его» [54, 199]. Однако, согласно объяснениям авторитетных этимологических словарей, слово «фирдавс» персидского происхождения и означает «райский» [129, 31].

Многие источники называют имя поэта по –разному: некоторые считают его имя Мансуром, другие – Хасаном, ещё Ахмадом и Мухаммадом. Имя отца поэта, также, точно не известно, в различных источниках оно приводится по-разному: Хасан, Ахмад, Али, Исхак, Фахриддин, а имя деда как Шарафшах или же Фаррух. Так, Хамдуллах Мустоуфи, в «Избранной истории» («Таърихи гузида»), имя поэта упоминает, как Хасан ибн Али Туси, а Давлатшах Самарканди в «Антологии поэтов»-как Хасан ибн Исхак ибн Шарафшах. Авторы байсунгаровского предисловия «Шахнаме», в своем подробном сообщении о Фирдоуси, его называли Мансур ибн Фахруддин Ахмад ибн Фаррух. Составители более поздних антологий привели имя поэта, назвав имена и его предков. Так, Ризакулихан Хидаят имя поэта привел в таком виде: Хасан ибн Исхак ибн Шарафшах Мухаммад ибн Мансур ибн Фахруддин ибн Хаким Мавлана Фаррух.

Из всех приведенных имен поэта, на наш взгляд, близко к истине мнение Фатх Али Бундари, в 620 г.х // 1223 н.э. переведшего «Шахнаме» на арабский язык, где поэта он упоминает так: «Мудрый эмир,

повелитель слов, сайид поэтов Абулкасым Мансур бин Хасан-ул-Фирдоуси Туси» («Амири хаким маликулкалом сайидушшуаро Абулкосим Мансур бинил Хасан-ул-Фирдавсиюттуси»). «Особенно то, что в старейшей существующей на сегодняшний день рукописи «Шахнаме», то есть в рукописи музея Флоренции, датированной 614 годом лунной хиджры, в двух разукрашенных заставках внизу двух первых страниц настоящего текста «Шахнаме», также поэта, как и Бундари, назвали Абулкасым Мансур бинил Хасан-ул-Фирдоуси Туси» [127, 133].

В любом случае, можно быть уверенным, что имя поэта Мансур сын Хасана, потому что, как выше было упомянуто, и, в древнейшей рукописи «Шахнаме», т.е. в рукописи музея Флоренции, датированной 614 г.х. // 1217 н.э, и у Бундари Исфагани, который перевел «Шахнаме» на арабский язык через два столетия после ее создания, имя поэта приведено в таком виде.

Во многих исторических и литературных источниках перед куньей и псевдонимом поэта поставлено звание «хаким» и, по этому поводу, у исследователей также мнения расходятся. Так, известный таджикский литературовед Муллоахмад Мирзо, в книге «Давай, не отдадим мир злу», исследовав это слово с разных аспектов, пришел к выводу, что «...хаким в отношении Фирдоуси, прежде всего, применено в смысле широко образованный, ученый, знакомый с различными науками своего времени, особенно, с философией, фикхом (мусульманское право – Дж. М.) и практической мудростью» [80, 43].

В авторитетных персидских и таджикских этимологических словарях слово «хаким» объясняется, как «философ» и «врач», в некоторых случаях имеет значение «рассудительный, разумный и воспитанный».

В «Шахнаме» одиннадцать раз упомянут город Тус, в связи с разными событиями, происшедшими в этом городе, но автор поэмы ни разу нигде не упомянул о том, что он родился в нем. Авторы антологий и по этому поводу высказали разные точки зрения. Низами Арузи написал,

что «Устад Абулкасым Фирдоуси был из дехкан Туса, из селения, который назывался Бож и относился к территории Табарана. Это большое селение и в нем более тысячи человек. Фирдоуси в том селе пользовался уважением, потому что там такого интеллигентного, как он, человека не было» [2, 45].

Автор «Антологии поэтов» Давлатшах Самарканди родиной поэта называет селение «Разон», подконтрольное Тусу. Некоторые другие писатели, например, известный таджикский писатель Сатым Улугзаде родиной поэта считает селение Шодоб. Большинство фирдоусиведов, считая самым ранним источником о жизни Фирдоуси труд Низами Арузи, приняли его сообщение о месте рождения поэта и убедительными доводами подтвердили, что поэт, действительно, родился в селении Бож или Пож (совр. Фоз), вблизи города Тус – этот город расположен приблизительно в 15 км. от нынешнего города Мешхед (Иран) – Дж.М.), в семье земледельца. Как известно, Низами Арузи, в своей книге отметил, что «...в 510 г.х. //1116 н.э. посетил усыпальницу Фирдоуси, расположенную в древней местности, в селении Бож».

Почти все авторы источников и исследований, приведшие сведения об Абулкасыме Фирдоуси, отметили, что, по происхождению, он был из земледельцев (дехконзода). Слово «дехконзода», хотя и имеет значение «крестьянин», «землепашец», во времена Сасанидов и жизни Фирдоуси означало социальную группу. Дехканом назывался землевладелец среднего достатка. Они также занимали посты старейшины селения или градоначальника. Эта прослойка больше, чем другие классы и слои населения, помнила, оберегала и придерживалась древних иранских традиций, обычаев и ритуалов. У представителей этого класса переходили из поколения в поколение древнеиранские книги, документы и памятные вещи предков. Поэтому слово «дехкан» в переносном смысле использовалось вместо слова «иранец» (ирони). Фирдоуси, также, при использовании этого слова, имел в виду его переносное значение:

*Зи эрону аз турку в-аз тозиён,
Нажоде падида ояда андар миён.
На дехқон на турку на този бувад,
Суханҳо ба кирдори бози бувад [31, 1493].*

*От иранца и тюрка и арабов,
Потомки появляются, между прочим.
Не дехканин, не тюрк и не араб,
Слова для игры оказываются.*

В общем, фирдоусиведы сведения о том, что поэт происходил из прослойки дехканов, взяли из вышеприведенных бейтов «Шахнаме». Как мы указали ранее, эта социальная прослойка, в основном, состояла из образованных и эрудированных иранцев, которые старались дать своим детям разностороннее и глубокое образование. Именно эти старания родителей Фирдоуси привели к такому блестящему результату, их сын стал знаменитым на весь мир поэтом-эпиком, его имя золотыми буквами записано на страницах истории.

Таким образом, автор данного исследования делает вывод о том, что поэт, в своем шедевре, только в двух бейтах, приведя свой псевдоним, нигде не указал ни место рождения, ни имя или кунью, ни имена своих предков. Этот вопрос автор попытался решить при посредстве сведений антологий, других литературных и исторических источников.

По дате рождения поэта в источниках и научных трудах нет единого мнения.

Древнейший источник, после «Истории Систана», в котором имеются сведения о Фирдоуси и его «Шахнаме» - это «Четыре беседы» Низами Арузи Самарканди, написанный в 550 г. х. //1155 г.н.э., другими словами, через полтора века после смерти Фирдоуси. Автор «Четырех бесед» считает датой рождения Фирдоуси 329-330 годы хиджры, соответствующие 941-942 г.н.э. Большая часть исследователей, опираясь

на этот источник, также считают датой рождения поэта 329-330 годы хиджры. К ним относятся Забехолла Сафо, Абдулхусайн Зарринкуб, Махмуд Шафеъи Кадкани (Кайвон), Икбал Ягмаи и Мухаммад Джаъфар Ёхаки. Известно, что Жюль Моль и Теодор Нёльдеке, в фирдоусиведении, достигли больших успехов, чем другие ученые. Эти два выдающиеся исследователи так внимательно и серьезно сравнили источники, в которых зафиксировано что-либо о биографии поэта, с написанным самим поэтом в «Шахнаме» и сделали соответствующие выводы, что с 1905 года все исследования о жизни Фирдоуси основываются на их результатах. Жюль Моль особое внимание обратил на бейты, приведенные в конце «Шахнаме»:

*Чу сол андар омад ба ҳафтоду як,
Ҳаме зери Шаър андар омад фалак.
Сию панҷ сол аз сарои сипанҷ,
Басо ранҷ бурдам ба умеди ганҷ.
Кунун умр наздики ҳаштод шуд,
Умедам ба якбора барбод шуд.
Зи ҳичрат шуда панҷҳаштод бор,
Ки гуфтам ман ин номаи шахрёр [31, 1515].*

*Как годы подошли к семидесяти одному,
Под темноту вошла вся моя судьба.
Тридцать пять лет в этом бренном мире,
Достаточно испытал мучений в надежде на богатство...
Теперь жизнь к восьмидесяти подошла,
Вся надежда моя сразу умерла...
От хиджры прошло пять раз по восемьдесят,
Когда я завершил эту повесть о царях.*

Упомянутый ученый, внимательно изучив первый бейт, пришел к выводу, что Фирдоуси в 400 году хиджры// 1010 г.н.э. достиг 71–летнего возраста, поэтому факту возможно, этот великий поэт родился в 329 г.х.

//941 н.э. Также он отмечает, что слова «Теперь жизнь к восьмидесяти подошла» («Кунун умр наздики хаштод шуд») - это преувеличение, и написано оно для рифмы со строчкой «пять раз по восемьдесят» («зи хичрат шуда панч хаштод бор»). Для подтверждения своих слов Жюль Моля приводит много доводов. По словам ученого, Фирдоуси, в начале поэмы о Йездигурде, конкретно говорит, что ему 63 года и затем возносит хвалу Султану Махмуду. Если предположить, что Фирдоуси родился в 320 г.х., а «Шахнаме» завершена в 400 г., и поэт в её конце упоминает, что «жизнь теперь подошла к 80» («Кунун умр наздики хаштод шуд»), соответствие с этим, если вычесть из 400 – го года восемьдесят лет, в таком случае получается дата - 320 год. Следовательно, автор считает, что поэт родился в 320 г. Хиджры, и, в этом случае, 63 - ление поэта приходится ближе к 383 году. Как известно, Султан Махмуд пришел к власти в 387 году хиджры. Другим доводом в пользу этого предположения является то, что Фирдоуси, в поэме о большой войне «Кай Хосрова с Афрасиябом», так пишет:

*Бад-он гаҳ ки шуд сол панҷоҳу ҳашт,
Навонтар шудам чун ҷавонӣ гузашт.
Фаридуни бедордил зинда шуд,
Замону замин пеши ӯ банда шуд [31,649].*

*После того, как подошли года к пятидесяти восьми,
Слабее стал я, так как молодость прошла...
Фаридун с живым сердцем, ожил,
Время и земля стали его рабами.*

Ясно, что Фирдоуси эти бейты написал в честь достижения Махмудом власти. Если поэту в 387 году было 58 лет, то выходит, что он родился в 329 (387 – 58) году.

Теодор Нёльдеке, в противовес мнению Жюль Моля, считает, что Фирдоуси родился в 323 или 324 г.х. //936 или 937 н.э. И для Нёльдеке, для такого вывода, доводами послужили несколько указаний самого

поэта в своей эпопее. Во-первых, заключительные бейты «Шахнаме» содержат указания на жизнь Фирдоуси. Так, в одном бейте он указывает на свой 65 - летний возраст:

*Чу бигзаит сол аз барам шасту панч,
Фузун кардам андешаи дарду ранч [31,1515].*

*Годы уходят, мне уже шестьдесят пять,
Прибавляются раздумья о болезнях и мучениях.*

Затем, он приводит ещё 13 бейтов и после них указывает, что его возраст подошел к 71 - му году.

*Чу сол андар омад ба ҳафтоду як,
Ҳаме зери Шаър андар омад фалак [31,1515].*

*Как годы подошли к семидесяти одному,
Под темноту вошла вся моя судьба.*

Через два бейта ниже он констатирует, что подошел к «восьмидесяти»:

*Кунун умр наздики ҳаштод шуд,
Умедам ба якбора барбод шуд [31,1515].*

*Теперь жизнь к восьмидесяти подошла,
Вся надежда моя сразу умерла.*

Нёльдеке, намек поэта на 65 - летие и «близко к 80-ти» посчитал реальным сведением,и, сопоставивэтидведаты рядом,решил, что ониотносятся к двум разным рукописям «Шахнаме»,последнюю же рукопись, поэт, закончив в 400 г.х. //1010 н.э., подарил Султану Махмуду. Другая рукописьбыла завершена поэтом в 65 - летнем возрасте и, 25 - го мухаррама 389 года хиджры, была преподнесена эмиру Ханланджана (местечко вблизи Исфагана – Дж. М.) по имени Ахмад ибн Мухаммад ибн Абибакр. Далее, Нёльдеке решает, что «таким образом, он (Фирдоуси – Дж.М.), если в начале 389 года был в возрасте 65 - ти лет, во

второй половине 400 г.х. в возрасте 76 или 77 лет, то дата его рождения приходится на 323 или 324 г. х.»[117,150].

С этим выводом немецкого ученого согласен и Сайид Хасан Такизаде, высказавший свое мнение. Затем, Мухаммадали Фуруги, в то время занимавший пост премьер - министра Ирана, в продолжение трудов Нёльдеке и Такизаде, в 1313 году солнечной хиджры (1934 н.э.), внес предложение в правительство о проведении 1000 - летья со дня рождения Фирдоуси. Предложение было принято, и 1934 год, можно считать, стал годом Фирдоуси. Юбилей гениального поэта торжественно был проведен в столице Ирана Тегеране, на его Родине городе Тус, а также в столицах многих государств, в том числе, в Москве и Сталинабаде (ныне Душанбе). Также в Тусе, в том году, была построена новая усыпальница поэта, на могиле же был поставлен памятник с высеченной датой его рождения – 324 г.лунной хиджры.

Однако, на этом споры о дате рождения великого эпика не закончились. Вскорестало известно, что Ахмаду Ханланджани подарил «Шахнаме» не сам Фирдоуси, а каллиграф, служивший у этого эмира и занимавшийся перепиской рукописей, он же переписал «Шахнаме» с другого списка и преподнес своему хозяину во вторник, 25 - го мухаррама 689 г.х. Однако, так как в арабском шрифте, буквы син (в кириллице –«с») и шин (в кириллице - «ш») пишутся одинаково и разница лишь в трех точках наверху у«шин», Нёльдеке число 689 прочитал как 389 и, это ошибочное прочтение, стало причиной серьезной ошибки в определении даты рождения поэта. Первым не согласился с выводом Нёльдеке и с мнениями Сайид Хасана Такизаде и Мухаммадали Фуруги Мухаммадтаки Бахар, считая результат исследования Жюль Моля более близким к истине и, приведя несколько неоспоримых доводов, доказал, что поэт родился в 330-331 г.х. // 940 н.э. Другой исследователь, Мухит Табатабайи считает, что поэт родился между 318 и 320 г.л.х. годами // 930 до 932 н.э. Известные иранские ученые, такие, как Бадебуззаман Фурузанфар, Сайид Нафиси, Муджтаба Минови и

Забехолла Сафо, в своих исследованиях годрождения поэта определили между 323 – 329 г.х. // 935 -941 н.э.

Однако, известный фирдоусиевед Алириза Шапур Шахбази в своей книге под названием «Проанализированное жизнеописание Фирдоуси» («Зиндагиномаи тахлилии Фирдавси»), охватывающей важнейшие аспекты жизни Абулкасыма Фирдоуси, в своем исследовании, собравшем все сведения о поэте, накопившиеся за последние два века в трудах разных ученых после анализа указаний самого поэта, исследует годы его жизни, также, собрав все сведения о поэте, накопившиеся за последние два века в трудах разных ученых, подвергает их тщательному анализу. После этой кропотливой работы он подтверждает и поддерживает выводы Жюль Моля. К месту надо заметить, что этот исследователь определил дату рождения поэта, проделав более точную, кропотливую и большую работу с фактами из поэмы Фирдоуси, чем другие ученые. Внимание Шахбази, более всего, привлекли бейты, в которых поэт говорит о своем 63 - летию. Поэт, в части «Шахнаме», относящейся к началу истории Сасанидов, трижды говорит о своем 63 - летнем возрасте. Вначале, в части, повествующей о восхождении на трон Бахрама Второго:

*Майи лаъл пеш овар, ай рӯзбех,
Чу шуд соли гӯянда бар шасту се [32,1043].*

*Рубиновое вино носи, о, счастливый,
Так как говорящему стукнуло шестьдесят три.*

Второй раз, он упоминает о своем возрасте в конце поэмы о Шапуре. Втором, приблизительно после 800 бейтов после выше приведенного бейта:

*Чу одина ҳурмузди баҳман бувад,
Бар ин кори фаррух нишеман бувад.
Майи лаъл пеш овар ай Ҳошимӣ,
Зи хумме, ки ҳаргиз нагирад камӣ*

*Чу шасту се шуд сол, шуд гӯи кар,
Зи беши чаро ҷӯям ойину фар [32,1475].*

*В пятницу наступит первый день бахмана,
В этом блистательном дворце пир будет.
Принеси рубиновое вино, эй, кравчий,
Из сосуда, в котором оно никогда не убавляется.
Когда мне стукнуло шестьдесят три, оглох я,
Более того, что имею, почему должен искать ещё.
В третий раз, перед описанием царствования Йездигурда Первого:
Аё шасту сесола марди кӯҳан,
Ту аз бода то чанд ронӣ сухан[32,1048].*

*Что ты, шестидесятирехлетний старый муж,
До каких пор будешь говорить о вине.*

«... во втором отрывке интересен факт о Хурмузде бахмане (хурмузд – первый день каждого месяца – Дж.М.), как выяснилось в процессе исследования, только в 371 году хиджры месяц бахман начинался в пятницу.

Фирдоуси, перед этим, указывает на то, что он достиг шестидесяти - трехлетнего возраста и говорит себе, что бросит работу и будет праздновать, указывают на его (празднования – Дж.М.) точную дату, то есть в ночь хурмузда (начала) месяца дей (10 - ый месяц солнечного года хиджры, соотв. 22 дек.-20 янв. – Дж. М.)

*Шаби урмузд омад зи моҳи дай,
Зи гуфтан биёсойу бардор май [32,1438].*

*Подошла ночь начала месяца дей,
Успокойся, брось писать и поднимай вино.*

Ночь начала месяца дей, в действительности, приходится на тридцатое озара, (озар - 9 месяц солнечной хиджры, соотв. 22 нояб. – 21

дек.) это был вторник и через три дня, третьего дея, Фирдоуси отпраздновал свое шестидесятитрехлетие.

Нужно помнить, что Фирдоуси происходил из сословия дехкан, и, естественно, использовал годовой налоговый календарь, который был составлен в конце эпохи Сасанидов и начале исламского периода, в соответствии с определенными сезонами сбора сельскохозяйственного урожая. В этом календаре год брался хиджры, а названия месяцев и дней были иранские, год имел 12 месяцев по тридцать дней и специально добавлялись ещё пять дней «дополнительных». Поэтому каждый год был короче на шесть часов, чем солнечный год. В этом случае, то, что Фирдоуси считает 67 полных лет по 365 дней, на самом деле, оказывается на 16 дней меньше, чем 67 лет солнечного года. Это имеет такой смысл, что мы должны дату рождения Фирдоуси считать третьего дея 308 (= 371 – 63) йездигурдского летоисчисления (третье января 940 года н.э.), равного пятнице 13 дея (= 27 озара + 16) 317» [167- С.44-45]

Известный литературовед И. С. Брагинский считает, что дата рождения Фирдоуси точно не установлена, и приблизительно предполагает, что он родился между 932 – 941 годами н.э. //320-329 хиджры. Другой востоковед Е.Э. Бертельс, исследовав жизнь Фирдоуси и его «Шахнаме», приходит к выводу, что поэт родился между 932-935-936 годами н.э.(320-323-324 хиджры), в те годы, когда государство Саманидов было могущественным.

М. Н.- О. Османов издал, на русском языке, книгу под названием «Жизнь и творчество Фирдоуси». Он пишет, что настоящие имя и год рождения Фирдоуси точно не известны. Османов, опираясь на ранние и более поздние источники и содержание самой «Шахнаме», считает год рождения поэта, приблизительно, близким к 940 году н.э. (328 г.х.). Но таджикские ученые, Садриддин Айни (опираясь на «Знамена энциклопедий» («Комус-ул-аълум») и Абдурауф Фитрат, относят год рождения Фирдоуси к 935 н.э.(323 г.х.). Уместно заметить, что статья А. Фитрата под названием «Фирдоуси», была написана в 1934 году в честь

тысячелетия Фирдоуси и, в те годы, считалась первым подробным исследованием жизни и творчества Фирдоуси в новом таджикском литературоведении. В статье конкретно освещены вопросы эпохи и окружения поэта, причины написания поэмы «Шахнаме», использование автором поэмы древней иранской мифологии, мастерство поэта в описании батальных сцен. Другой таджикский ученый, Халик Мирзозаде, считает годом рождения поэта 934 н.э., не приведя никаких убедительных доводов.

В трудах других исследователей приведены разные годы рождения поэта. Для точного и убедительного определения даты рождения поэта только его произведение «Шахнаме» может быть важным, основным и наиболее достоверным источником.

В заключительной части «Шахнаме» имеются бейты, в которых содержатся указания на 57 или 58, 65, 71 - летний возраст и близость восьмидесятилетия поэта. Исследователи доказали, что эти цифры, имеющиеся в «Шахнаме» настоящие, авторские и ни одна из этих цифр не является добавленной.

Большая часть фирдоусиведов годом завершения «Шахнаме» считают 400 год хиджры, ссылаясь на два ниже приведенных бейта:

*Сар омад кунун қиссаи Яздгирд
Ба моҳи Сифандормаз рӯзи ирд.
Зи ҳичрат шуда панҷ ҳаштод бор,
Ки гуфтам ман ин номаи Шаҳриёр [31,1515].*

*Начата теперь повесть о Йездигурде,
В феврале месяце двадцать пятого дня.
От хиджры прошло пять раз по восемьдесят,
Я завершил книгу о царях.*

Если взять этот 400-ый год хиджры за основу при вычислении даты рождения поэта и его 71 - ление (Возраст подошел к семидесяти одному –

Чу сол андар омад ба хафтодуяк) вычтем из 400, то получим, что поэт родился в пределах 329-330 годов хиджры (941-942 н.э.),

Наиболее важным в «Шахнаме» является упоминание поэтом трижды своего 57 - ми или 58 - летнего возраста, что также может служить достоверным и убедительным фактом для вычисления даты рождения поэта.

Так, поэт в поэме о Сиявуше два раза упоминает эту дату:

Азон пас, кибинмуд пан чоҳуҳаишт,

Ба сар бар фаровон шиғифтӣгузаишт [32, 355].

После того, как измерено пятьдесят восемь,

На голову посыпалось много удивительного.

Или:

Чу бардоштам чоми пан чоҳуҳаишт,

Нагирам ба чуз ёди тобуту таишт [32. 460].

Когда поднял кубок пятидесяти восьми,

Ни о чём не думаю, кроме гроба и большого таза.

В описании большой битвы Кайхосрова с Афрасиябом (в части восхваления Султана Махмуда) Фирдоуси вновь упоминает о своем 57-ми или 58 - лети:

Бад-он гоҳ, ки буд сол пан чоҳу ҳаишт,

Навонтар шудам чун Чавонӣ гузаишт.

Фаридуни бедордил зинда шуд,

Замину замон пеши ӯ банда шуд [31, 649].

Тогда, когда мне стукнуло пятьдесят восемь,

Ослаб я, так как молодость прошла.

Фаридун с живым сердцем, ожил,

Земли и время стали его рабами.

По мнению абсолютного большинства сегодняшних исследователей, второй бейт этого отрывка является намеком на приход к власти Махмуда Газневида в 387 г.х //997 г.н.э. В этом году умирает отец Махмуда Сабуктегин. Исмаил, брат Махмуда, пытается занять место отца, но Махмуд силой его отстраняет. Махмуд даже отказывается подчиняться эмиру Абдулмалику Самани и у халифа Аббаса получает указ на создание государства Газневидов. Это подтверждают размышления известного фирдоусиеда Мухаммадамина Рияхи: «58 - ление поэта стало одной из двух незабываемых для него дат, и оно открывало новый этап в его жизни. В том году, с одной стороны, его одолевали чувства жалости об ушедшей молодости и пришедшей старости, тревожили слухи о нападениях тюрков на территорию государства Саманидов и поражениях Нуха ибн Мансура Саманида и, постепенно, угасала надежда поэта на возрождение величия и независимости Ирана. С другой стороны, 14 числа месяца раджаб 387 г.х. умер Нух ибн Мансур, в его царствование была начата «Шахнаме» и, возможно, поэт надеялся на оценку его труда со стороны этого царя и первый вариант книги был завершен в его эпоху. Хотя, после Нуха, два года престол занимал его сын Абдумалик, в начале 389 года хиджры он был смещен, и, в дальнейшем, потерял зрение. Позднее Мунтасир Саманид пытался роскошествовать и блистать, но мудрый и проницательный Фирдоуси посчитал смерть Мансура ибн Нуха крушением государства Саманидов» [104, 72].

Таким образом, из всего вышеизложенного, можно сделать с уверенностью вывод, что Абулкасыму Фирдоуси, в 387 году хиджры (997 н.э.) было пятьдесят восемь лет, и он родился в пределах 329 – 330 г.х (941 – 942 н.э.).

2.2. Молодость, семья поэта и время написания «Шахнаме»

Фирдоуси, в «Шахнаме», ничего не упоминает ни о своей семье, ни о своих предках и родственниках. Об этом поэте, до 367 г.х. //977 н.э., когда он приступил к сочинению «Шахнаме», в источниках нет достаточных сведений, и только из сообщения самого поэта в «Шахнаме» можно узнать, что в 357-358 г.х // 968-969 н.э. у него родился сын. По этой дате можно предположить, что поэт женился не позже 356 г.х //967-968 н.э. или раньше. О супруге поэта нет никаких точных сведений ни в одном источнике или научном исследовании. Некоторые фирдоусиведы полагают, что «дорогая половина» - «мехрубон чуфт», приведенная в начале поэмы «Бежан и Манижа», возможно, и является его супругой:

*Бад-он тангї андар бичастам зи чой,
Яке мехрубон будам андар сарой.
Хурӯшидаму хостам з-ӯ чарог,
Даромад бути мехрубонам ба бог [31. 537].*

*В том волнении я вскочил с места,
В том доме я был дорог и любим.
Я закричал и попросил у неё лампу,
Вошла моя любимая красавица в сад.*

Это предположение, возможно, правильно, однако, это может быть и воображаемая любимая женщина поэта. В том случае, если эту женщину воспримем, как жену поэта, то тогда выходит, что его жена была образована, могла читать и играть на чанге (чанг - национальный музыкальный инструмент-Дж.М.), то есть и она, подобно Фирдоуси, по происхождению была из сословия дехкан, которые обучали грамоте и различным искусствам своих дочерей:

*Бинех пешаму базро соз кун,
Ба чанг ор чангу май огоз кун.*

*Бирафт он бути меҳрубонам зи бог,
Биёвард рахшанда шамъу чарог [31, 537].*

*Сядь передо мной и укрась пир,
С чангом вступи в бой и начни пить вино.
Ушла та любимая красавица из сада,
Ослепительная, принесла свечи и свет*

В предисловии повести о царствовании Хурмузда поэт заявляет, что его «любимая»-«нигор», которая была его «весной» - «бахор», ушла, с её уходом сад остался без украшения. Возможно, здесь поэт намекает на смерть своей жены.

*Нигоро! Баҳоро! Кучо рафтай?
Ки ороиши бог бинҳуфтай [31, 1295].*

*Красавица! Весна! куда ушла ты?
Оставила сад без украшения.*

Прежде этого, в конце царствования Ануширвана, (Сказание Нуширвана о провозглашение своего сына Хормозда наследником престола) поэт говорит о своем 61 - летнем возрасте.

*Чу солат шуд, эй пир, бар шасту як,
Маю чому ором шуд бенамак[31, 1289].*

*О, старик, тебе уже 61 год,
Вино, кубок успокоились, стали невкусными (без соли.)*

Если предположение о намеке поэта на смерть жены правильное, и поэт написал царствование Хурмузда после царствования Ануширвана, следовательно, супруга поэта скончалась в 390 г. х. //1000 н.э. или раньше.

У поэта имеются ещё бейты, включенные в повествование о царствовании Ардашера Бабакана, которые больше, чем выше приведенные бейты, подтверждают смерть его жены:

*Ало ай харидори мағзи сухан,
Дилат баргусил з-ин саройи кӯҳан.
Ки ӯ чун ману чун ту бисёр дид,
Нахоҳад ҳаме бо касе орамид [31, 1013].*

*О, покупатель сущности речи,
Твоему сердцу надоел этот старый мир,
Он, как и я, как и ты, многое видел,
Не хочет успокоиться с кем-либо.*

Нижеприведенные бейты не оставляют сомнений в смерти супруги поэта:

*Бихуспад равонҳар ки боло бичафт,
Ту танҳо бимон чун ки ҳамроҳ рафт[31, 1013].*

*Да не уснет душа, когда воспарила верх,
Ты остался одинок, так как спутник ушел.*

Как мы отметили выше, у Фирдоуси был сын, который умер в 37 - летнем возрасте:

*Чавонро чу шуд сол бар сию ҳафт,
На бар орзу ёфт гетӣ бирафт [31, 1421].*

*Когда молодому исполнилось тридцать семь лет,
Мечты его не сбылись в этом мире, он ушел.*

Поэт, на смерть сына пишет элегию, полную горя и печали, очень искреннюю, простым языком. В этой элегии он также указал, что ему было 65 лет, когда случилась эта неожиданная трагедия, весьма сильно повлиявшая на поэта, он с горечью и болью отмечает, что была его очередь покинуть этот мир, но, к сожалению, этот мир оставил его наследник:

*Маро сол бигзаит бар шасту панч,
На некӯ бувад, гар биёзам ба ганч.
Магар баҳра гирам ман аз панди хеи,
Барандешам аз марги фарзанди хеи.
Маро буд навбат, бирафт он ҷавон,
Зи дардаи манам чун тани беравон [31,1412],*

*Года идут, мне уже шестьдесят пять,
Не будет к добру, если буду радоваться богатству.
Подошло время самому учиться у своих советов,
Я всё думаю о смерти своего сына.
Был мой черед, ушел тот молодой,
От горя и боли по нему, я подобен телу без души.*

После необходимых вычислений становится ясно, что между сыном и отцом была разница в 28 лет, следовательно, поэт в 28 лет стал отцом. Из написанного поэтом выходит, что его сын умер в 394 году хиджры. Если сын был первенцем, значит, поэт обзавелся семьей в 27 лет или немного раньше.

Горю поэта не было предела и всю горечь, боль и обиду на несправедливость судьбы, он выразил в высоких, прекрасных стихах, в которых он и обижается на сына за то, что оставил старого отца в одиночестве:

*Бирафту гами дардаи эдар бимонд,
Дилу дидаи ман ба хун дарнишонд.
Кунун ӯ суи рӯшаноӣ расид,
Падарро ҳамае ҷой хоҳад гузид.
Ҳамоно маро чаим дорад ҳамае,
Зи дар омадан хаим дорад ҳамае [31,1412].*

*Ушел и горе и боль здесь оставил,
Сердце и глаза мои в кровь окунул,
Теперь он достиг света,
Для отца хочет выбрать место...
Мне шестьдесят пять, ему тридцать семь,
Не спросил [разрешения] у этого старого, один ушел.*

Несмотря на то, что смерть сына привела поэта к рассеянности, волнениям, семью в бедственное состояние, поэт, как любящий отец и как умудренный жизнью мудрец, желает душе сына спокойствия в другом мире и Всевышнего молит простить ему совершенные им грехи:

*Равони ту доранда равшан кунад,
Хирад пеши ҷони ту ҷавшан кунад.
Ҳамехоҳам аз довари Кирдгор,
Зи рӯзидеҳи пок Парвардгор.
Ба яксар бибахшад гуноҳи туро,
Дурахшон кунад тирагоҳи туро [31, 1412].*

*Душу твою имеющий силу [т.е. Бог-Дж.М.] озарит,
Разум перед твоей душой станет кольчугой [т.е. защитой].
Прошу узащитника - Бога
У дающего чистое дневное пропитание Бога,
Все твои грехи простит,
И озарит твое мрачное место.*

Хабиб Ягмаи о сыне Фирдоуси написал, что «этот сын с отцом грубо обходился и, в конце концов, гневно, отвернувшись от отца, покинул отцовский дом и умер на чужбине.

Очевидно, когда сын, оставил отца одного, жена Фирдоуси к тому времени уже умерла, то у Фирдоуси больше не было заботящегося и поддерживающего человека» [136, 31].

Этот исследователь свои выводы об уходе сына из дома отца сделал, исходя из ниже приведенного бейта:

Ҳаме буд Ҳамроҳ бо ман дурушт,

Барошуфту якбора бинмуд нушт [31,1412].

Был со мной мой спутник груб,

Внезапно разгневался и показал спину [т.е. ушел – Дж.М.]

Однако, на наш взгляд, из содержания выше приведенных бейтов и бейта, только что приведенного, выходит, что поэт везде пишет о смерти сына, об уходе его из этого мира, а не о гневе и смерти на чужбине.

В любом случае, смерть сына для творческой деятельности, здоровья и экономического состояния семьи поэта оказала неблагоприятное воздействие. Из написанного поэтом в своей эпопее можно ясно представить, что после смерти сына Фирдоуси особенно остро почувствовал одиночество, старость, бессилие и свою усталость.

Низами Арузи Самарканди сообщает в своем труде о том, что у Фирдоуси была дочь и будто она после смерти отца была жива. В других легендах, приведенных в некоторых предисловиях рукописей «Шахнаме», подобных Стамбульской рукописи, датированной 731 г.х. //1340 н.э.; Каирской, датированной 740г.х.; Лейденской, датированной 840 г.х.; Ватиканской, датированной 848 г.х.//1444 н.э.; Оксфордской, датированной 852 г.х. //1448 н.э. и Берлинской, датированной 894 г.х. //1489 н.э., упоминается, будто у Фирдоуси был младше него брат по имени Масъуд или Хусайн. Однако, большинство фирдоусиведов усомнились в этом факте и не приняли это сообщение, т.к. в своем великом произведении, кроме безвременной смерти сына, поэт не упоминает никого из членов своей семьи.

Авторы антологий, о юношеском периоде жизни поэта, так же ничего не сообщают и он сам, в своем труде, никаких воспоминаний об этом времени не приводит. Достоверно известно, что он по происхождению дехканин, следовательно, получил соответствующее этому сословию воспитание и, по всей вероятности, его детство и юношество были обеспеченными и безоблачными. «С тех времен Сасанидов, когда обучение чтению и письму ограничивалось детьми высшего сословия,

дети дехкан, литераторов и писцов – секретарей также несли этот груз» [104, 77]. Отсюда, Фирдоуси, по всей вероятности, полностью овладел необходимыми науками своего времени, дополнительно изучил арабский язык, как язык халифата, являющегося обязательным для изучения. Судя по великому произведению, Фирдоуси хорошо знал среднеперсидский язык – пехлеви, на котором сохранилось много преданий и сказаний о древнем Иране.

Теодор Нёльдеке был уверен, что Фирдоуси не знал пехлевийский язык, но Дармстетер и Жюль Моль считали, что поэт хорошо знал язык пехлеви, и это мнение подтверждается его дружбой с человеком, знавшим пехлеви, нашедшего для поэта прозаический текст «Шахнаме» на этом языке, а также убедившего его написать знаменитую эпопею:

*Кушоода забону чавонит ҳаст,
Сухан гуфтану паҳлавонит ҳаст [31, 32]*

*Раскрой уста и молодость ещё есть,
Дар речи есть и пехлевийский есть.*

Большинство фирдоусиведов считают, что в вышеприведенном бейте слово «пахлавони» использовано в смысле «пехлевийский». Ещё один пример на знание им пехлевийского языка:

*Басе ранҷ бурдам басе нома хондам,
Зи гуфтори тозиву аз паҳлавонӣ [104, 78]*

*Достаточно я мучился, достаточно книг прочитал,
Повествования на арабском и на пехлеви.*

Но Шапур Шахбази написал, что «Фирдоуси не изучал язык и письмо пехлеви и, если в «Шахнаме» имеются обороты и строки [из этого языка], очевидно, они переведены из пехлевийских источников. Несомненно, они не прямые [переводы], а пересказ слов из персидских источников, имеющих пехлевийские корни» [167, 58-59]. Этот же

фирдоусивед отмечает, что Фирдоуси не знал также арабский язык, потому что фактов, подтверждающих знание им арабского языка, не имеется. Но «Фурузанфар сказал, что Фирдоуси был знаком с арабскими диванами и был сильным знатоком арабистики» [129 ,78]. В «Шахнаме» встречаются бейты, интересные мысли, на которые явно оказали влияние аяты (стихи) Корана или повести о пророках (хадисы). Например, бейты в начальной части, относящейся к «большой битве Кейкавуса с Афрасиябом», сказанные в восхваление Махмуда Газневида:

*Паси лашкараш ҳафтсад жандапил,
Худойи қаҳон ёрашу Чабраил [31, 649].*

*За его войском семьсот богатырей,
Да будет в помощь ему Всемирный Бог и Гавриил.*

Из 4 - го аята суры Тахрим (Запрещение). «...Бог предопределяющий его дела и также Гавриил» («...фаинналлоҳа ҳува мавлоҳу ва чибрилу...») [8 - С. 560]

Также в поэме «Бежан и Манижи» поэт приводит:

*Гаҳе май гусориду гаҳ чанг сохт,
Ту гуфтӣ, ки Ҳорут найранг сохт [31, 537].*

*Иногда потягивал вино, иногда вступал в бой,
Ты мог подумать, что Харут строит козни.*

Поэт, в этом бейте, ссылается на 102 - ой аят суры Бакара (Корова): «...последовали тому, что снизошло на двух ангелов – Харута и Марута». («... валокина-ш-шаётина кафару юъалимуна-н-носа-с-сихра ва мо унзила ʔалал малакайни бибобила Ҳорута ва Морута...»)[8 ,16].

В некоторых местах «Шахнаме», особенно в предисловии этого произведения, имеются намеки на то, что Фирдоуси был знаком с теологией, логикой и греческой философией. Из описаний действий богатырей в «Шахнаме», можно предположить, что Фирдоуси был обучен физическим упражнениям, которые в те времена были

прерогативой семей, обеспеченных и занимающих высокие посты в обществе. Вероятно, родители поэта приложили много усилий, чтобы в сыне заложить любовь к наукам, вообще, знаниям и к Родине. Как известно, для создания своего литературного шедевра, Фирдоуси потратил всю свою драгоценную жизнь и дважды его редактировал. Исследования большинства фирдоусиведов показывают, что «...поэт в сорок лет, в 370 году хиджры, начал стихотворный вариант «Шахнаме», положив в основу её прозаическую версию, называемую Абумансуровской «Шахнаме» и, через тридцать лет, в пределах 400 г.х. // 1010 н.э., завершил свою работу. Подтверждение этому выводу мы находим в знаменитых бейтах в конце «Шахнаме»:

*Басе ранч бурдам дар ин сол сї,
Ачам зинда кардам бад-ин порсї.
Сар омад кунун қиссаи Яздигирд
Ба моҳи сифандормӯз рӯзи ирд.
Зи ҳичрат шуда панч ҳаитод бор,
Ба номи чаҳондовари кирдгор»[104, 82].*

*Достаточно мучений пережил я за эти тридцать лет,
Возродил Аджам своим фарси.
Завершил теперь повесть о Йездигурде,
В месяце феврале, в пятницу.
От хиджры прошло пять раз по восемьдесят,
В честь создавшего мир, Всевышнего.»*

Фирдоуси до того, как приступил к написанию «Шахнаме», в молодые годы написал несколько небольших целостных поэм. Например, поэмы «Бежан и Манижа», «Заль и Рудоба», «Сиявуш и Судоба», «Аквандив», «Белый див», «Сухраб», «Рустам и Исфандияр». Этим сказаниям нет в «Худойнамак»-е, поэтому исследователи считают перечисленные поэмы самостоятельными произведениями поэта.

Фирдоуси, в своем произведении, неоднократно упоминает о своем преклонном возрасте, от 58 - ми до почти 80 –ти лет, но, к сожалению, не приводит никаких сведений о своем детстве и юношеских годах. При приближении к шестидесяти годам, с сожалением вспоминая свою юность, он говорит, что был красив, волосы были черные, а плечи и руки сильные. Скакал по площадям на лучших конях и участвовал в спортивных играх. В общем, жил спокойно, занимаясь сложением стихов:

*Ҳамон гӯш аз овои ӯ гашт сер,
Ҳамаш лаҳни булбул ҳам овои шер.
Дарег он гулу мушку хушобу сӣ,
Ҳамон теги бурандаи порсӣ[31, 460].*

*Те уши сыты его голосом,
Все соловьиные мелодии стали, как рычание льва,
Как жаль тех цветов, мускуса, сладких напитков и тридцати,
Того режущего меча языка фарси.*

Фирдоуси свою юность провел в годы, по словам Мухаммадамина Рияхи «...при политике Саманидов, основанной на согласии и свободе мысли, любви и заботе о культуре. В правление этой династии процветала свобода мышления, и последователи разных верований и инакомыслие жили спокойно. Существование групп с разным мышлением, и свобода дискуссий между ними явилась причиной расцвета разномыслия»[104,78]. Поэт рос в такой среде и его ум был свободен от религиозного фанатизма и невежества.

В своем произведении Фирдоуси говорит, что он был высокого роста, с широкими плечами и красивым лицом:

*Ало, эй дилорой сарви баланд,
Чӣ будат, ки гаштӣ чунин мустаманд.
Бад-он шодмониву он фару зеб,
Чаро буд дили рушанат пурниҳеб [31,1165].*

*О, украшающий сердца, стройный кипарис,
Что случилось с тобой, ты стал такой печальный.
С той веселостью и той роскошью,
Почему твое светлое сердце стало полно страха?*

Фирдоуси, в действительности, жил так, как его сасанидские предки. Поэт старался больше читать книги, слушать музыку и участвовать на праздниках и различных мероприятиях.

Личность Фирдоуси в «Шахнаме» местами, связанными с его жизнью, очень хорошо освещена. Например, из содержания бейтов, относящихся к самому поэту, можно составить представление о нем, как о человеке, воспитанном, искреннем, открытом, приятном и верном. В общем, он воспел жизнь и то, что приносит человеку счастье и радость. Ему были ненавистны фанатизм, невежество и глупость.

Здесь нужно отметить одно очень важное событие, происшедшее в годы юности поэта в Тусе, оказавшее на последующее развитие и расцвет литературы и на самосознание и самопознание иранцев и таджиков громадное воздействие. В эти годы некий влиятельный, умный и благородный правитель из Туса издал приказ, чтобы чиновники и везиры собрали чтецов древних сказаний, преданий и поэм, и знатоков истории Ирана и обязали их, чтобы всё, что они знают о древней истории и культуре Ирана, рассказали или изложили на бумаге. Затем соответствующие чиновники сообщения чтецов древних дастанов и знатоков древней истории упорядочили в форме большой книги. Этого благородного человека Фирдоуси вспоминает, не называя имени и титулов, но с восхищением и уважением:

*Ба Кайвон расидам зи хоки нажанд,
Аз он некдил номдор арчманд.
Ба чаимаш ҳамон хоку ҳам симу зар,
Каримӣ бад-ӯ ёфта зебу фар.*

*Саросар чаҳон пеши ӯ хор буд,
Чавонмард буду вафодор буд [31,32].
Я достиг Сатурна от ничтожной земли,
От того добросердечного, известного и почтенного.
В его глазах золото и серебро, та же земля,
Милосердие в нем стало украшением.
Весь мир перед ним был унижен,
Он же был мужественен и верен.*

Известный иранский исследователь «Шахнаме» Джалол Халик Мутлак поставил целью выявить личность этого человека и его кропотливые поиски дали результат. Приведя убедительные и авторитетные доводы, он определил, что «он - это Мансур бинни Абумансур Мухаммад бинни Абдураззак Туси. Сын того человека, благодаря приказу которого существует прозаический вариант «Шахнаме»[127, 196]. Здесь к месту будет заметить, что прозаический вариант «Шахнаме», принявший целостную форму по приказу Абумансура Мухаммада бинни Абдураззака Туси, не только обессмертил имена его и его помощников, но также, обогатив персидскую историю, литературу и язык, стал основным источником для Фирдоуси, создавшего всемирно известную, вечную стихотворную версию «Шахнаме», являющейся гордостью иранцев и таджиков. Судя по сообщениям большей части источников, когда собиралась прозаическая «Шахнаме», Фирдоуси было 17 лет. После того, как прозаическая «Шахнаме» Абумансури, в месяце мухарраме 346 года хиджры //июнь 952 года н.э., была издана в виде книги, по словам Фирдоуси, «повести были прочитаны каждым желающим», они привлекли внимание ученых и образованных людей, однако к сожалению, в 351 году хиджры этот умный и проникательный человек был казнен по приказу одного из Саманидов. В любом случае, теплое и искреннее воспоминание и бескорыстное и объективное восхваление Абумансури Абулкасымом Фирдоуси является показателем того, что благодаря ценному труду, составленному

Абумансури, поэт сочинил свою бессмертную поэму «Шахнаме», и, вскоре, она стала одним из гениальных шедевров персидско-таджикской литературы. Затем, Фирдоуси упоминает одного любезного друга из своих земляков, который искренне помог поэту приобрести рукопись «книги» о богатырях (Абумансуровскую Шахнаме), и убедил поэта написать произведение на эту же тему в стихотворной форме, будучи уверенным, что Фирдоуси сможет выполнить эту чрезвычайно ответственную и громадную работу, так как верил в его неповторимый, незаурядный талант и красноречие:

*Гушода забону ҷавонит ҳаст,
Сухан гуфтани паҳлавонит ҳаст.
Ту ин номаи хусравон боз гӯй,
Бад-ин ҷӯй назди меҳон обрӯй [31, 32].*

*Ты красноречив и у тебя молодость,
Для речей у тебя пехлевийский есть.
Ты начни эту книгу о царях,
Этим ты у великих заслужишь уважение.*

Этот близкий друг Фирдоуси упоминается в «байсунгаровском предисловии «Шахнаме», где он назван Мухаммадом Лашкари, однако, фирдоусиведами данный факт не признаётся. В «Шахнаме» Фирдоуси упоминает некоего «высокомерного высокопоставленного сановника» («мехтари гарданфароз»):

*Бад-ин нома чун даст бурдам дароз,
Яке меҳтаре буд гарданфароз.
Ҷавон буду аз гавҳари паҳлавон,
Хирадманду бедору равшанравон [31, 32].*

*Когда я начал писать эту книгу,
Был некий высокопоставленный сановник,*

*Был он молод и из отважных богатырей,
Умный, проищательный и образованный....*

Из вышеприведенных бейтов можно сделать вывод, что этот великодушный и умный человек всесторонне помогал поэту, когда он начал писать «Шахнаме» и всячески убеждал его продолжать эту важную работу. Некоторые фирдоусиведы, в том числе и Мухаммадамин Рияхи, считают, что «любезный друг» («дусти мехрубон»), и «великодушный сановник» («мехтари гарданфароз») – это одно лицо [137,92-93]. Однако, по мнению автора данного исследования, из порядка бейтов и отдельных намеков поэта в восхвалениях, можно с убежденностью сказать, что - это две отдельные, разные личности. Несмотря на то, что не указаны имя и другие личные данные «любезного друга» («дусти мехрубон»), известный иранский ученый Джалол Халик Мутлак уверен, что «великодушный сановник» («мехтари гарданфароз»), имя которого также поэт не указал, это Мансур или амирак Мансур, сын Абумансура Абдуразака [127, 127]. Талантливого и известного, в то время, молодого поэта по имени Абумансур Ахмад бинни Мухаммад Дакики Фирдоуси упоминает:

*Чавоне биёмад кушодазабон,
Сухан гуфтане хубу табъи равон.
«Ба назм орам ман ин номаро гуфт ман»,
Аз ӯ шодмон шуд дили анчуман [31, 31].*

*Пришел молодой человек, красноречивый,
Красиво говорящий и с приятным характером,
«Я напишу стихами эту книгу, - сказал он»,
Этому обрадовались сердца всех собравшихся.*

Дакики, по приказу Нуха ибн Мансура Саманида, начал писать грандиозную поэму «Шахнаме», однако, успев написать всего лишь 1000

бейтов о царствовании Гуштаспа, этот талантливый юноша был убит своим рабом, вследствие чего поэма «Шахнаме» осталась незаконченной.

*Бар ӯ тохтан кард ногоҳ марг,
Ниҳодаш ба бар яке тира тарг.
Якояк аз ӯ бахт баргашта шуд,
Ба дасти яке банда баркушта шуд [31, 31].*

*Неожиданно настигла его смерть,
Натуру его настигла стрела темноты.
Одно за другим счастье от него отвернулось,
Рукой одного раба он был убит.*

Позднее, Фирдоуси тысячу бейтов, сложенных Дакики, ввел в свою эпопею, указав их автора. В предисловии к «Царствованию Гуштаспа» Фирдоуси отмечает, что он видел во сне Дакики, и этот поэт ему сказал:

*Аз ин бора ман пеш гуфтам сухун,
Агар бозёбӣ бахилӣ макун.
Зи Гуштосбу Арҷосб байте ҳазор,
Бигуфтам сар омад маро рӯзгор.
Гаронмоя назди шаҳаншаҳ расад,
Равони ман аз хок бар маҳ расад.
Кунун ман бигӯям сухан к-ӯ бигуфт.
Манам зинда ӯ гаит бо хок ҷуфт [31, 765].*

*Об этом я раньше вел речи,
Если вновь вернешься к ним, не будь забывчив,
О Гуштаспе и Арджаспе тысяча бейтов
Я сложил, но пришла к концу жизнь.
Если уважаемый дойдет до шаханшаха,
Моя душа вырвется из земли, достигнет луны.
Теперь я сложу речи, которые он сказал,
Я же живой, он же стал парой праху.*

Абулкасым Фирдоуси, включив тысячу бейтов Дакики, которого поэт считал своим наставником, возродил его имя и стих:

*Ҳам ӯ буд гӯяндаро роҳбар,
Ки шоҳе нишонид гар бар гоҳ бар [31,79].*

*Он был для меня, говорящего, руководителем,
Которого царь посадил во дворце.*

Фирдоуси, признавая, с одной стороны, Дакики одним из талантливых юношей, смеловзвывшегося за написание «Шахнаме», с другой стороны, считает стихи Дакики слабыми, и его бейты незрелыми:

*Нигаҳ кардам ин назм суст омадам,
Басе байт нотандуруст омадам [31, 794].*

*Я посмотрел эти стихи слабые,
Достаточно бейтов незрелых.*

Написанные Дакики бейты, как и «Шахнаме» Абумансури, быстро распространились в народе, получив признание, однако преждевременная смерть поэта прервала его работу. Абулкасым Фирдоуси, не имевший себе равных в создании эпических произведений и уже накопивший некоторый опыт, взялся за продолжение этой грандиозной работы. По мнению автора данной работы, а также многих литературоведов, Фирдоуси был прав, считая свои стихи лучше стихов молодого Дакики.

*Чу ин нома афтод бар дасти ман,
Ба моҳӣ гироянда шуд шастии ман.
Ман инро навиштам, ки то шахрёр,
Бидонад сухан гуфтани нобакор [31, 794].*

*Когда эта книга попала в мои руки,
Мой крючок стал ловить рыбу.*

Я написал это, чтобы царь,

Знал, что как может писать сей ничтожный.

Фирдоуси, наряду с жалобами на старость и немощь и бедственное экономическое положение семьи, также жалуется на некоторых своих современников, которые, представляясь защитниками и единомышленниками поэта, в действительности, таковыми не были, сплетничая и завидуя за спиной поэта. Из своих современников поэт выделяет двух человек, которые были настоящими его защитниками и поддержкой. Одним из них был Хайй Кутайб – сборщик налогов Туса:

Намондам намаксуду ҳезум на чав,

На чизе надид аст то чавдарав.

Бад-ин тирагӣ рӯзу бими хироч,

Замин гашта аз барф чун кӯҳи оч.

Ҳама корҳо шуд андар нишеб,

Магар даст гирад Ҳаййи Қутеб [32, 1510].

Остался я без цели, без дров и ячменя,

Ничего не предвидется до сбора ячменя.

В эти бедственные дни ещё страх подати,

Земля покрыта снегом, как белая гора.

Все дела пошли под откос,

Если только не поддержит Хайй Кутайб.

Другим человеком был Али Дайлами Будалаф:

Аз он номвар номдорони шаҳр,

Алӣ Дайлами Будалафрост баҳр.

Ки ҳамвора корам ба хубӣ равон,

Ҳамедоит он марди равшанравон [31, 1515].

Из всех знаменитых людей города известнее

Али Дайлами Будалаф, от него польза.

*Постоянно мои дела завершаются хорошо,
При поддержке того просвещенного мужа.*

Эти два человека, которых Фирдоуси вспоминает с уважением и восхищением, ценили стихи поэта и не хотели от него «бесплатных стихов» («сухани ройгон»).

Как известно из «Шахнаме», когда Фирдоуси приступал к работе, он был сильным, здоровым молодым человеком, обладавшим имуществом, садом и ухоженными полями.

*Агар зиндагонӣ бувад дерёз,
Бар ин дини хуррам бимонам дароз.
Яке мевадоре бимонад зи ман,
Ки борад ҳама бори ӯ бар чаман[31, 275].*

*Если жизнь будет длинной,
Я останусь в этой цветущей вере долго.
От меня останется плодовое дерево,
Его плоды будут сыпаться в цветник.*

Действительно, поэт смог создать большой сад, полный плодовых деревьев, то есть, другими словами, каждая содержательная поэма бессмертного произведения Фирдоуси подобна дереву, плодами которого наслаждаются и получают удовольствие тысячи и тысячи людей на нашей планете.

Как уже было отмечено выше, Фирдоуси приступил к созданию своей эпопеи после смерти Дакики:

*Ки ин номаро даст пеи оварам,
Зи дафтар ба гуфтори хеи оварам [31, 31].*

*Приступлю я к написанию этой книги,
С тетради перенесу своими словами.*

Здесь нужно заметить, что почти все фирдоусиведы считают, что поэт приступил к сочинению «Шахнаме» около 367 г.х //978 н.э. В это

время, в иранском обществе, большую популярность получила прозаическая версия «Шахнаме» под названием «Шахнаме» Абумансури. Это произведение получило известность, как история древнего Ирана и инструмент для сравнения и сопоставления прошлого и культуры иранцев и арабов. Дакики, известный уже в то время поэт, который жил и работал в столице государства Саманидов Бухаре, в которой, в царской библиотеке Саманидов хранилось это произведение, получил его экземпляр. Дакики начал писать поэму с части «Шахнаме» Абумансури, больше всех ему понравившихся – это поэма о Зороастре и его последователях. Неоконченное произведение Дакики понравилось читателям, слава о нем достигла слуха молодого поэта Фирдоуси, который, вдохновлённый услышанным, стал искать экземпляр «Шахнаме» Абумансури. Мечтой поэта стало сочинение эпического произведения стилем «Шахнаме» Абумансури и Дакики, и возможно, превзойдя их, достичь больших успехов, что оказалось, не очень легким делом. Фирдоуси, живший, в это время, в Тусе, решил поехать в Бухару, в «столицу царя всего мира», т.е. к Нуху ибн Мансуру Саманиду для получения разрешения на изучение и широкое использование оригинала рукописи, другими словами, поэт хотел, чтобы Саманидский правитель издал указ о поручении ему продолжения дела Дакики и поддержал его материально и финансово:

Дили рӯшани ман чу баргашт аз ӯй

Сӯйи тахти шоҳи ҷаҳон кард рӯй [31, 31].

Мое открытое сердце отвернулось от него,

И обратилось к трону царя всего мира.

Однако политическая обстановка того времени и личные трудности не позволили поэту осуществить свое намерение, так как правители разных территорий воевали между собой и дороги были не безопасны, особенно, такие долгие, как из Туса в Бухару. К тому же, «на переложение

в стихотворную форму книгитакого большого объема, как «Шахнаме» Абумансури, потребовалось бы несколько лет постоянной работы, нужно было, вовремя, платить налог за землевладение, но не было средств»[129 , 91]. Фирдоуси также занимали мысли о том, хватит ли у него сбережений и жизни, чтобы закончить такого большого объема работу, поэтому поэт, на некоторое время, отказался от поисков рукописи, обратился к друзьям и, наконец, любезный друг, поддержавший, в свое время, идею поэта о сочинении стихотворной формы «Шахнаме», нашел для Фирдоуси «ту пехлевийскую книгу», т.е. прозаическую «Шахнаме» Абумансури. В начале своей работы поэту материально помогал Мансур, сын Абумансура Мухаммада ибн Абдураззака, но это спокойствие длилось не очень долго, так как в 377 г.х.// 987 н.э. Мансур был казнен. Поэт пишет:

*Маро гуфт к-аз ман чӣ бояд ҳама,
Ки ҷонат сухан баргирояд ҳама.
Ба чизе ки бошад маро дастрас,
Бикӯшам ниёзат наёрам ба кас [31, 32].*

*У меня спросил, от меня, что требуется,
Чтобы твоя душа горела словом.
Что мне будет доступно, тем
Постараюсь удовлетворить твою нужду, не отдам никому.*

Надо заметить, что поэт в «Шахнаме», кроме Мансура, явно не говорит о материальной помощи со стороны кого-то другого. Симпатия и уважение Фирдоуси к Мансуру настолько велики, что после введения в предисловие «Шахнаме» восхвалений Махмуду Газнеvidу, он оставил написанные ранее восхваления Мансуру. Известно, что в 377 г.х.//987 н.э. Мансура схватили в Нишапуре, затем отправили в Бухару, далее о его судьбе ничего неизвестно и можно только предполагать, что он был казнен. После этих событий, в «Шахнаме», поэт ни разу не пишет о спокойствии в своей жизни и о материальном достатке. Только много

жалоб на старость и бедность, на свалившуюся неожиданно беду – смерть сына. Несмотря на все эти беды и трудности, поэт в 384 г.х./994 н.э., т.е. за три года до прихода к власти Махмуда Газневида, завершает первую редакцию своей грандиозной эпопеи. С распространением первой редакции «Шахнаме» Фирдоуси не посчитал работу законченной, он ещё на протяжении 16 лет дополнял и редактировал свое произведение. Приблизительную дату сочинения некоторых частей «Шахнаме» можно определить, изучив особенности их стиля, например, поэма о Бежанеи Манижео которой мы говорили ранее, считается первой поэмой, написанной поэтом. Также, описание царствования четырех первых царей фирдоусиведы считают первыми работами Фирдоуси. Как сообщает сам поэт, поэму о Сиявуше он написал в 58 лет, т.е. в 377 г.х./987 н.э., или же чуть позже этого времени, как говорит поэт:

*Аз он нас ки бинмуд панчоҳу ҳашиг,
Ба сар бар фаровон шигифтӣ гузашиг [32, 355].*

*После того, как наступило пятьдесят восемь,
Много удивительного пришлось пережить.*

В 59 лет или ближе к 60 - ти годам, приблизительно в 388 г.х./998 н.э., поэт написал поэму «Месть за Сиявуша», являющейся продолжением ранее упомянутой поэмы. В это время, поэт уже был не тем стройным и крепким молодым человеком, писавшим поэму о Бежане и Маниже; жалуясь на бедственное материальное положение и недуги старости, ослабление зрения, он с болью вспоминает свои молодые годы. Его единственная мечта и желание заключались в одном, чтобы жизнь его продлилась до завершения «Шахнаме».

*Ҳамехоҳам аз рушани кирдугор,
Ки чандон замон ёбам аз рӯзгор.
К-аз ин номвар номаи бостон,
Ба гети бимонам якедостон [32,460].*

*Я хочу от света Всевышнего,
Чтобы он продлили мне жизнь на некоторое время,
Чтобы от этого известного (т.е. меня) книга о прошлом,
Мог миру я оставить, как эпопею.*

Через год, т.е. в 389 г.х./ 999 н.э., в возрасте 60 -ти лет, он начал писать часть о царствовании Ануширвана:

*Чунин суст гаштам зи нерӯи шаст,
Бипарҳез бо ӯ масов эч даст [31, 1165].*

*Так я ослаб от давления шестидесяти,
Остерегайся его, не давай ему руки*

Несмотря на то, что поэт, в это время, жалуется на боли в ногах, слабость зрения и выпадение зубов, судя по его же высказываниям, он много работал и в возрасте 61–го года, т.е. до 390 г.х./1000 н.э., написал о царствовании Ануширвана почти 4300 бейтов, тогда, как вся поэма, полностью, состоит из 4500 бейтов. Интересно откровение поэта о том, что в этом возрасте даже вино не доставляет ему удовольствия:

*Чу солат шуд, ай пир, бар шасту як,
Маю чому ором шуд бенамак [31, 1289].*

*Тебе исполнилось шестьдесят один, о, старик,
Вино, кубок и спокойствие – всё не вкусно.*

Через два года, т.е. в 392 г.х./ 1002 н.э. поэт написал о царствовании Бахрама Бахрамиёна до Шапура Зулактофа, в общем, он сложил всего 700 бейтов, неизвестно, с какими событиями в жизни поэта в то время, связано отсутствие у него вдохновения. Ещё через два года, в 394 году хиджры/1004 г.н.э., соответствующему 65 - летию поэта, Фирдоуси, в обращении поэмы о великой битве Кайхосрова, восхваляя Махмуда, с шемящей безнадежностью жалуется на бедность и свое болезненное состояние. Одновременно, он просит везиря Махмуда Фазла бинн

Ахмада Исфарайини о посредничестве между ним и султаном, чтобы царь помог ему:

*Кучо фариро маснаду марқад аст,
Нишастангаҳи Наср бинни Аҳмад аст.
Зи дастури фарзонаи додгар,
Пароканда ранчи ман омад ба бар [31, 649].*

*Где постелен ковер и есть верховая лошадь,
Там местопребывание Насра бинни Ахмада.
Благодаря разумному указу справедливого (царя),
Рассеялись мои мучения.*

В соответствии с ранееотмеченным, Фирдоуси указывает на то, что он 35 лет своей жизни потратил на создание «Шахнаме»:

*Сию панҷ сол андар саройи сипанҷ,
Басе ранҷ бурдам ба умеди ганҷ.
Чу барбод доданд ранчи маро,
Набуд ҳосиле сию панҷи маро [31, 1515].*

*Тридцать пять лет в этом преходящем мире,
Достаточно мучений пережил в надежде на богатство.
Когда закончились мои мучения,
Не оказалось урожая у этих тридцати пяти.*

В двух бейтах, приведенных нами ниже, из других рукописей «Шахнаме», указано, что поэт потратил тридцать лет жизни на создание «Шахнаме»:

*Басе ранҷ бурдам дар ин сол сӣ,
Ачам зинда кардам бадин порсӣ [136, 191].*

*Достаточно мучений пережил я за эти тридцать лет,
Возродил Древний Иран (Аджам) своим фарси.*

Или:

*Чу сї сол бурдам ба «Шахнома» ранч,
Ки шоҳам бубахшад ба подош ганч [136, 191].*

*Так как тридцать лет я промучился с «Шахнаме»,
Думая, что мой шах подарит вознаграждение за это.*

Бундари Исфагани, переводчик «Шахнаме» на арабский язык, также уверен, что поэт потратил на создание своего бессмертного произведения тридцать лет жизни [58 , 41].

Низами Арузи в «Четырех беседах» об этом пишет так: «Двадцать пять лет был занят этой книгой, чтобы её закончить».[2- С. 93] Шейх Фаридуддин Аттар Нишапури в поэме «Книга тайн» («Асрорнома»), возможно, следуя высказыванию Низами Арузи, написал:

*Шунидам ман, ки Фирдавси Туси,
Ки кард у дар хикоят нурфусуси.
Ба бисту панч сол аз нуки хома,
Ба сар мебурд накиши «Шохнома» [105, 261].*

*Слышал я, что Фирдоуси Туси,
Бесполезно провел годы, повествуя,
Двадцать пять лет своим пером,
Претворял в жизнь планы «Шахнаме»*

Ученые – фирдоусиведы признали все три варианта, но отдают предпочтение тридцати пяти годам, так как эта дата приведена в конце тех рукописей «Шахнаме», которые соответствуют последней редакции произведения, т.е. 400 году хиджры. Но, если вернуться к дате первой редакции «Шахнаме», зная, что поэт закончил её в 384 г.х., то выводы Низами Арузи и Шейх Аттара о том что Фирдоуси потратил на написание своего шедевра двадцать пять лет, оказываются вполне правомерными, так как поэт, приступил к сочинению своего бессмертного

произведения приблизительно в 365 г.х. и до прихода к власти Султана Махмуда (389 г.х.) как раз и проходит 25 лет. В двух вышеприведённых бейтах, и в переводе на арабский язык, осуществленный Бундари, говорится о 30 годах, и это число также признано фирдоусиоведами, так как, со времени продолжения поэтом работы Дакики и до последней редакции «Шахнаме» (369 или 370 до 400 г.х.) выходит, что 30 лет жизни поэта посвящены этому грандиозному труду.

Таким образом, все три упомянутые в таком порядке даты для периода работы поэта над «Шахнаме» вполне приемлемы и признаны учеными. Из проведенного автором исследования, следует вывод, что Абулкасым Фирдоуси завершил свой беспримерный труд в возрасте 71 года 20 - го числа, месяца исфанд, 400 -го года лунной хиджры, что соответствует 8 -му марта 1010 г.н.э. и посвятил созданию своего шедевра 35 лет жизни.

2.3. Отражение отношений Фирдоуси и Султана Махмуда Газневида в «Шахнаме»

Абулкасым Фирдоуси и его гениальное произведение не пришлось ко двору Султана Махмуда, он столкнулся с непониманием и отчуждением во дворце. Талантливый поэт, потративший всю свою жизнь и состояние на создание бессмертного произведения, прославившего персидско-таджикскую литературу, нуждался в покровительстве такого могущественного правителя, как Султан Махмуд Газневид. Как известно, в те времена, любой поэт, писатель или ученый старался свой труд посвятить какому-либо правителю, чтобы обеспечить свою жизнь и иметь возможность распространить свое произведение. Во всех уголках государства Газневидов были распространены слухи о щедрости султана Махмуда, о его заботе и покровительстве литераторам, о его дарах им золотом и серебром. Эти слухи зародили в душе Фирдоуси надежду на благосклонность царя. Поэт решил посвятить свое произведение Махмуду Газневиду и подарить ему. Фирдоуси надеялся за свой шедевр получить достойное вознаграждение от султана и обеспечить свою старость и, наконец, освободиться от бедности. Надежда и причина стремления к сближению поэта с правителем кроилась в том, что, в начале своего правления, Махмуд показал себя любителем богатого культурного наследия иранцев и продолжателем добрых традиций Сасанидов и Саманидов.

Восхваления Махмуда в разных рукописях и изданиях «Шахнаме» по количеству бейтов неодинаковы. В некоторых списках «Шахнаме» эти восхваления встречаются десять раз, а в списке, подготовленном к изданию Халиком Мутлаком и издании Москвы, которые считаются самыми авторитетными и вызывающими доверие, тринадцать раз встречаем восхваления султана. В «Шахнаме» издания Халика Мутлака самая большая ода в честь Махмуда насчитывает 72 бейта, а самая короткая всего 3 бейта. Известный таджикский литературовед Худои Шарифзаде, придерживаясь принципа разделения восхвалений

литераторов прошлого, оды Фирдоуси в честь Махмуда разделил так: «1. Стихи, которые можно отнести к группе полных касыд. Этого вида касыды имеют от 19 до 72 бейтов и их всего 5 общим количеством 201 бейт. 2. Остальные 7 коротких восхвалений, составляющих 42 бейта» [130- С. 323]. Также, этот ученый подчеркивает, что «Фирдоуси восхваления Султану Махмуду помещает внутри поэмы или в начале её и в таком месте, где стиль и течение речи соответствуют вводу хвалы. Всё это показывает, что Фирдоуси мастерски овладел стилем касыд на персидском и арабском языках» [130, 323].

Первое восхваление Султана Махмуда в объеме 48 бейтов встречаем в «Предисловии» («Дибоча») «Шахнаме»:

*Бад-ин нома ман даст бурдам фароз,
Ба номи шоҳанишоҳи гарданфароз [31, 32].*

*Я приступил к написанию этой книги,
Во имя гордого царя царей.*

В этом бейте указывается, что эта книга была начата в честь царя царей, (имеется в виду Махмуд Газневид - Дж. М). однако, поэт начал свой труд, когда Махмуд был не у власти и к приходу его к власти первая редакция «Шахнаме» уже была завершена. Этот бейт, по содержания очевидное восхваление, было поэтом введен позже.

Затем Фирдоуси восхваляет Махмуда в ниже следующих бейтах:

*Чаҳонофарин то чаҳон офарид,
Чун ӯ шаҳрёре наёмад надид.
Чу хуришед бар гоҳ бинмуд тоҷ,
Замин шуд ба кирдори тобанда оҷ [31,32],*

*Создатель мира пока создавал мир,
Такой, как он, царь не появлялся.*

*В тот миг, подобно солнцу, он показал корону,
Земля стала сверкать, как слонобая кость.*

Следующие бейты указывают на появление месторождения золота, по мнению Фирдоуси, это явление признак большогосчастья Махмуда.

*Абулқосим он шоҳи тирӯзбахт,
Ниҳод аз бари тоҷи хуриед тахт.
Зи Ховар биёрост то Бохтар,
Падид омад аз фарри ӯ кони зар [31, 32],*

*Абулкасым, тот счастливый царь,
Поставил трон из части короны солнца,
Украшив, начиная с Востока и до Бохтара,
От его сияния появилось месторождение золота.*

Появление месторождения золота в начале царствования Султан Махмуда подтверждает и иранский ученый Сайидмухаммад Дабир Сияки [58, 57-58] и, вероятно, это произошло в действительности, таккак о появлении такого месторождения в начале царствования этого Султана, кроме Фирдоуси, сообщают Фаррухи Систани, Унсури Балхи и Хамдуллах Мустоуфи.

Хамдуллах Мустоуфи в «Избранной истории» («Таърихи гузида») так пишет: «В начале его царствования в Систане в земле появилось месторождение красного золота в виде дерева. Чем больше копали, то его было больше и выходило чистое золото. До того дошло, что окружность месторождения стало в три газа аз – мера длины Дж.М.) Во времена Султана Масъуда, во время землетрясения в горах, оно исчезло»[15, 395].

Унсури об этом так написал:

*Гуфтам, ки ҳадди Ғазнин аз фарри ӯ чӣ кард,
Гуфто, ки зари сурх падид оварид кон [26, 245].*

*Я сказал, что случилось в пределах Газны от его сияния,
Сказали, что месторождение красного золота появилось.*

Фаррухи Систани, также в пяти своих касыдах, говорит об этом месторождении и указывает его местоположение в горах Газнина.

Несомненно, Фирдоуси придерживался традиций и обычаев иранцев и потому очень серьезно относился к сновидениям и их разъяснению. Поэт, увидев во сне Султан Махмуда и его роскошный дворец, отмечает, что ожил Фаридун с живой душой:

*Фаридуни бедордил зинда шуд,
Замону замин пеши ӯ банда шуд [31, 649].*

*Фаридун с живой душой ожил,
Время и земля стали его рабами.*

Из этих восхвалений можно понять, что Фирдоуси, по всей вероятности, в начале прихода к власти Махмуда надеялся, что тот будет справедливым правителем, в стране воцарятся порядок и справедливость. Поэт Махмуда называет даже царем Византии, Индии, Турана и Кашмира, отдает Китай, Иран и земли Турана:

*Яке гуфт ин шоҳи Рум асту Ҳинд,
Зи Қонуҷ то пеши дарёи Синд.
Ба Эрону Турон варо бандаанд,
Ба рою ба фармони ӯ зиндаанд [31, 33]*

*Один сказал - это царь Византии и Индии,
От Каннуджа и до берегов Синда.
Люди Ирана и Турана – его рабы,
По его повелению и указам живут они.*

Поэт уверен, что Султан Махмуд достоин преподношения такого произведения, как «Шахнаме», ибо он не видит другого более достойного человека.

*Ман ин нома фаррух гирифтам ба фол,
Ҳаме ранҷ бурдам ба бисёр сол.
Суханро нигоҳ доштам сол бист,
Бад-он то сазовори ин ранҷ кист [31, 795].*

*Я этот сон разгадал, как счастливый,
Много трудностей я познал за много лет...
Я хранил написанное двадцать лет,
До того, кто же будет достойный этих трудов*

Судя по тому, какой огромный труд вложил Фирдоуси в свое детище ради того, чтобы возродить древнюю, блестящую историю Ирана, историю его царей, мы уверенно можем сказать, что это был человек, очень любивший свою страну, свой народ и его прошлое, старался, в своей книге, возродить древние праздники и обряды и внести посильный вклад в развитие и процветание национальной культуры. Отсюда также можно сделать вывод, что, если бы он считал Махмуда человеком безграмотным и чужаком – завоевателем, он никогда свое бесценное произведение не подарил бы ему. По мнению Алиризо Шапура Шахбази «...старый поэт, наконец, свою «Шахнаме» дарит Султану, по его мнению, достойного такого сокровища»[129, 111]. Решение поэта подарить свое сокровище Султану Махмуду пришло в 394 году хиджры // 1003-1004 н.э., поэту было тогда 65 лет. Об этом Фирдоуси говорит в предисловии поэмы «Большая битва Кайхосрова»:

*Чунон сол бигзоштам шасту панҷ,
Ба дарवेशиву зиндагонӣ ба ранҷ.
Чу панҷ аз бари соли шастам нишаст,
Ман аз шасту шаш сушт гаштам чу маст. 31, 649]*

*Как перешагнул за шестьдесят пять лет,
Жизнь стала дервишеской и трудной.*

*Как пять сел на мои шестьдесят,
В шестьдесят шесть ослабел, как пьяный...*

Однако, из бейтов завершающей части «Шахнаме» становится известно, что Фирдоуси в 71 - летнем возрасте закончил рукопись, предназначенную для Махмуда.

*Чу сол андар омад ба ҳафтоду як,
Ҳаме зери шаър андар орам фалак.
Зи ҳичрат шуда панҷ ҳашиод бор,
Ба номи чаҳандовари кирдгор [31, 1515].*

*Теперь возраст мой подошел к семидесяти одному,
Всё с бейтами провожу судьбу.
От хиджры прошло пять раз по восемьдесят,
Во имя Бога созидającego.*

В своей работе фирдоусиевед Мухаммадамин Рияхи, основываясь на содержании трактата «Украшение собрания» («Зиннат-ул-мачолис») Мадждуддина Мухаммада Хусайни, отмечает следующее: «Поэтому становится известно, что Фирдоуси, в 65 - ть лет, в 394 - ом году хиджры принял решение подарить «Шахнаме» Махмуду и, в течение последующих шести лет, приводил её в такой вид, чтобы поэма понравилась Махмуду, и в 400 или 401 - ом году хиджры преподнес её царю»[104,118].

Из написанного самим Фирдоуси в «Шахнаме» ясно, что положение поэта в те годы было очень тяжелым, поэт был уже стар и немощен и, к тому же, пребывал в очень трудном материальном положении. Вдобавок ко всему, его подкосила смерть 37 - летнего сына и смерть последнего саманидского правителя, которому поэт хотел подарить «Шахнаме». В совокупности, всё это привело Фирдоуси к безверию и депрессии. В это время к власти пришел сильный правитель Махмуд Газневид, который объявил себя преемником Саманидов и покровителем персидского языка и культуры, и это вселило в сердце поэта пламя надежды и «Шахнаме»

поэт переделал в его честь. Однако, доподлинно неизвестно, каким образом эта рукопись попала в руки Султана Махмуда, также, об этом нет никаких сведений в исследованиях фирдоусиедов. Из содержания «Шахнаме» известно, что Фирдоуси был в тесных, дружественных отношениях с эмиром Насром, братом Махмуда, который являлся главнокомандующим войском Хорасана и жил в Нишапуре. Возможно, поэт свое сокровище доставил Султану при посредстве его брата:

*Нахустин бародарш кехтар ба сол,
Ки дар мардуми кас надорад ҳамол.
Зи гетӣ парастанди фарри Наср.
Зияд шод дар сояи шоҳи аср.
Касе к-аиш надар Носириддин бувад,
Сари тахти ӯ тоҷи парвин бувад [31, 33].*

*Его первый брат, младший на год,
Среди народа нет равного ему.
Судьбой дан ему блеск Насра,
Пусть радостно живет под тенью царя века.
Тот, чей отец Насриддинном² является,
У изголовья его престола корона Плеяд будет.*

Очевидно, что выдуманные рассказы в более поздние века, в том числе, о поездке Фирдоуси в Газну для того, чтобы лично преподнести «Шахнаме» Махмуду, и события, развернувшиеся после этого, не имеют под собой реальной почвы, однако, то, что «Шахнаме» все же попала во дворец Султана и побывала в руках Махмуда – это неоспоримый факт.

Об отношениях Фирдоуси и Махмуда высказались авторы антологий, различных рассказов и повестей, чтецы и декламаторы, в общем, все любители и почитатели поэзии Фирдоуси. В основу их соображений легли сведения о неприязни Махмуда к поэту из-за

² Имеется в виду Сабуктегин

различия в вероисповедании – поэт был шиитом, царь – суннитом, из-за восхвалений в поэме зороастрийцев и жрецов – огнепоклонников, иранских богатырей, порицания арабов и негативного описания тюрков. Эти высказывания авторов антологий приняли некоторые современные фирдоусиведы. К ним относится Мухаммад Джаъфар Ёхаки, который отметил, что «... «Шахнаме» является иранским произведением, и оно горькое для тюрков, что Фирдоуси – шиит, а Махмуд – суннит и фанатик, невежественен, и как Махмуд надеялся на его восхваление, которого он в произведении не нашел»[50, 19]. Эти соображения противоречат сведениям, приведенным самим Фирдоуси в «Шахнаме». Предположим, что поэт положительно относился к шиитам, нельзя это считать какой-то крамолой, так как в те времена, до образования государства Сефевидов, жесткого противостояния между суннитами и шиитами не было. К тому же, имеются неоспоримые доказательства невраждебного отношения Махмуда к шиитам, что подтверждают сторонники шиизма. Например, «Махмуд одну из своих дочерей выдал замуж за Манучехра бинни Кабуса, одного из эмиров рода Зияридов, которые были шиитами. В «Истории Табаристана» (2 том, стр. 14, 15) описаны сватовство и отправка невесты в дом жениха. Другой факт, известно, что Махмуд отправил из Газны в Рей для Газоури Рази, поэта, исповедующего шиизм, дорогие подарки. От Кисойи Марвази, другого поэта-шиита, остались стихи, написанные в его восхваление». [105- С. 95] Также, поэт, в «Шахнаме», описал многих туранских героев, таких, как Пирон, Хумон, Агрирас и Джахан, которые в характеристике Фирдоуси поуму, знаниям, правдивости и смелости не уступают героям - иранцам. Великий правитель туранцев Афрасияб по многим своим качествам представлен поэтом лучше Кейкабуса. В «Шахнаме», наряду с отрицательными героями -туранцами, такими как Гарсеваз и Арджасп, которых поэт осуждает, имеются отрицательные герои и среди иранцев, например, это Гургин и Тус. Возможно, одна из основных причин

появления рассказов о неприязненных отношениях поэта и Махмуда было то, что Фирдоуси не был знаком с высокомерным характером Султана, отчего он, в своей поэме, осмелился местами давать Махмуду наставления и советы воздержаться от деспотизма, угнетения и призывал его к справедливости, что, естественно, не понравилось царю. «Разумные наставления бескорыстного мудреца были далеки от того, что хотел услышать от поэтов Махмуд. Это было в протвовес тем восхвалениям, которые сыпали к ногам правителя Газны поэты-одописцы и затем получали полные кошельки золота. Махмуд легко вспыхивал и впадал в гнев, его сын Масъуд также, от более легких советов, приходил в ярость.

Например, как написал Бейхаки, Масъуд Рази написал касыду в восхваление Масъуда Газневиды и в ней он эмиру дал такой совет:

*Мухолифони ту мӯрон буданд мор шуданд,
Барор зуд зи мӯрони моргашта димор.*

*Твои враги были муравьями, стали змеями,
Скорее истреби муравьев, превратившихся в змей*

Эмир разгневался и сослал поэта в Индию. Бейхаки добавляет «Этот бедный дал очень хороший совет, хотя был болтлив, и поэтам от правителей не дай такое получить» [105, 89].

Другая причина холодного отношения Султана Махмуда к Фирдоуси в том, что этот великий поэт в «Шахнаме» пытался внимание царя привлечь к успехам и величию героев – иранцев, надеясь, что Махмуд, поняв его стихи, будет учиться у истории или же, говоря другими словами, в своей деятельности будет руководствоваться теми правилами и законами управления государством, которые поэтописал в своем шедевре. Например, в главе «Речь в восхваление Махмуда», в начале царствования Ашканидов, поэт так обращается к Махмуду:

*Ситам номаи азли шоҳон бувад,
Чу дарди дили бегуноҳон бувад.*

*Ситоши набурд он ки бедод буд,
Ба ганчу ба тахти меҳӣ шод буд [31, 977].*

*Насилие - причина отстранения царей,
Оно - боль сердец невинных.
Не удостоился восхвалений тот, кто был несправедлив,
Нужно радоваться богатству и большому трону.*

Махмуд, посчитав советы поэта неуважением к своему высокому положению, не заинтересовался бессмертным произведением и не оценил многолетний труд поэта. Политические изменения, также, стали причиной подобного отношения со стороны Махмуда. Если мы внимательно просмотрим источники и надежные исследования, то увидим, что Султан Махмуд, в начале своего царствования, представлял себя настоящим иранцем. Придворные поэты, в том числе Унсури, Фаррухи, Манучехри в своих стихах постоянно называли территорию, управляемую Газневидами, Ираном, Ираншахром и землями иранцев, а царей этой династии, особенно Махмуда, восхваляли как царя Ирана, шаха Ирана, принца Ирана, главой царевичей иранских земель и даже правителем Аджамы. Его везирей называли по традиции иранцев «кадхудо» - достопочтенный, министр иранской земли и их детей царевичами Ирана. Махмуд, для подтверждения своего происхождения от Сасанидов, составил вымышленную генеалогию, по которой его род восходил к Йездигурду третьему Сасаниду. Действительно, в начале деятельности Султана Махмуда были весьма заметны некоторые его старания по возрождению сасанидской культуры и управления государством. Например, Султан Махмуд защищал земли и народ Ирана от притеснений представителей тюркского рода Афрасияба, победившего Саманидов. Важнее всего то, что, после завоевания арабами Средней Азии, впервые, при Махмуде, при безмерных стараниях его первого везира Фазла бинни Ахмада Исфаройини, всё государственное

делопроизводство было переведено на персидский язык вместо арабского языка. Однако, позднее, Махмуд, достигнув своих целей и превратившись в могущественного правителя своего времени, больше не считал нужным защищать культуру и национальные ценности персоязычного населения. Так как «...укрепил основы своего трона и больше не видел нужды в защите иранцев и видел пользу для себя в аппарате халифата, за те шесть лет, в течении которых Фирдоуси готовил «Шахнаме» для преподношения ему, царь постепенно обратил свои взоры к Багдаду. Тогда там у власти был один из невежественнейших и националистически настроенных халифов из рода Аббасидов ал-Кадир-ул-биллах (381 – 422 г.г. х), халиф, который послужил Фирдоуси прототипом царя – злодея Заххака, как считают некоторые исследователи, ненависть поэта к Заххаку – это отражение ненависти Фирдоуси к этому арабскому халифу»[104, 127]. Персоязычное население газневидского государства было против проарабской политики Султана Махмуда, в результате, они не могли оставаться в стороне, когда стали запрещать праздники и обряды, оставшиеся от предков и содействовавших формированию национального самосознания и самопознания у будущих поколений. Великий поэт, созданием бессмертной эпопеи «Шахнаме», подтвердил свою безмерную любовь к своим героям – иранцам и самому Ирану, и высоко оценил традиции и обычаи своих предков. Известный иранский фирдоусиевед Алириза Шапур Шахбази неприязнь Махмуда к Фирдоуси считает последствием того, что сам поэт не пришел во дворец. Он писал так: «Фирдоуси, подобно своим современникам, идущим во дворец за славой и вознаграждением, не пошел во дворец для изъявления уважения и покорности царю, он только послал свое произведение. Это стало, с одной стороны, неуважением надменному царю, окруженному одописцами и восхвалителями, и, с другой стороны, это стало причиной того, что не был соблюден традиционный ритуал преподношения «Султану покровителю» дара руками самого поэта. То, что поэт не

пошел во дворец вместе со своим произведением, отняло возможность знакомства и получения достойного вознаграждения и стало препятствием для соответствующего интереса к этому произведению» [129, 120]. К тому же, мудрые наставления и советы Фирдоуси, всецело отличались от льстивых дифирамбов придворных поэтов-одописцев Махмуда и, конечно, не понравились правителю, привыкшему к восхвалениям и лести. В восхвалениях Фирдоуси, обращенных к Махмуду, в противоположность придворным поэтам, не осуждались и не критиковались богатая древняя культура и старые праздники и традиции персоязычных народов. Например, в нижеприведенных бейтах Унсури, осудив древние праздники, считает обычаи времени Махмуда более приемлемыми:

*Ту марди диниву ин расм расми габрон аст,
Раво надорӣ бар расми габракон рафтан.
Чаҳониён ба расми ту таҳният гӯянд,
Ту ро ба расми каён таҳният нагӯям ман [26, 360].*

*Ты религиозен, а этот обычай – обычай зороастрийцев,
Ты считаешь недопустимым жить по обычаям огнепоклонников.
Люди мира восхваляют твои традиции,
Тебе обычаи Сасанидов не буду хвалить я.*

Возможно, подобно этим, неприемлемые речи придворных поэтов и неуважительное отношение Султана Махмуда стали причиной того, что поэт, с сожалением, в «Письме Рустама сына Хормуза брату» пишет:

*На ҷашну на ромии на кӯшии на ком,
Ҳама чораву танбалу соз дом [31, 1494].*

*Ни праздника, ни музыки, ни стремления, ни желания,
Все мысли, лень и ловушки.*

Также, этот великий эпик считает, что люди ради собственной пользы, представившись сторонниками религии и, работая во вред народу, используют религию в корыстных целях:

Зиёни касон аз пайи суди хеш,

Биҷӯянду дин андар оранд неш [31, 1494]

Во вред людям, в поисках собственной пользы,

Ищут и для этого выставляют вперед религию.

В противовес стихам придворных поэтов, «Шахнаме» Фирдоуси полна мудрых наставлений и советов. Поэт, намекая Махмуду, высокомерного правителя призывает к разуму, справедливости и, как образцы для подражания, вспоминает известных древних царей.

Как мы уже упоминали, во всех уголках государства были распространены слухи о заботе и предоставлении Махмудом покровительства поэтам и о его любви к поэзии и литературе, но, как утверждает Мухаммадамин Рияхи «...Махмуд непонимал стихов» [105,87] и это стало одной из причин его негативного отношения к Фирдоуси и его детищу. Ясно, Махмуду было необходимо, чтобы поэты, в своих стихах, восхваляли его разбойничьи, грабительские военные походы и преподносили их, как героические победы, а самого Махмуда, как героя-победителя неверных. Однако, неоспорим тот факт, что Махмуд, прикрываясь преданностью к вере, показывая себя истинным мусульманином перед халифом и преданным халифату, на самом деле, прикрывал свои нечистые замыслы, соответственно, он не мог искренне принять такое произведение, как «Шахнаме» Фирдоуси, открыто прославляющее древний Иран и его обычаи, традиции и царей. Махмуд боялся уронить себя в глазах багдадского халифа.

Из содержания стихов придворных поэтов можно понять и то, что они, иногда, писали стихи в угоду вкусу правителя ради достаточного обеспечения себя и семьи, ради собственного спокойствия. Но мудрец

Фирдоуси, посвятивший себя возрождению национальных древних преданий и повестей и стремившийся поднять авторитет своей родины, не мог поступиться своими принципами и подражать придворным поэтам.

Как выше было отмечено, Фирдоуси, в 394 -ом году хиджры, решил подарить «Шахнаме» Султану Махмуду и, более шести лет, вносил восхваления царствующему Махмуду, стараясь, чтобы поэма ему понравилась. В начале поэмы о царствовании Ашканидов речь идет о годовой подати, которую государство разрешило не платить всвязи с жестоким голодом, наступившим в странах Хорасана и в Нишапуре, и, по данным Абунасра Утби, [12, 216-217] это случилось в 401 году лунной хиджры //1010 г.н.э., тогда, в Нишапуре, от голода умерло около 1000 человек. В эти тяжелые времена, Султан Махмуд издал указ открыть все зернохранилища и раздать запасы зерна населению.что спасло многих жителей от голодной смерти. Фирдоуси, восхитившись таким поступкомцаря,запечатлел его в «Шахнаме», приветствуя и восхваляя действия Султана:

*Гузашта зи шаввол даҳ бо чаҳор,
Яке офарин бод бар шахриёр.
Аз ин муждае дод баҳри хироч,
Ки фармон буд аз шоҳи бофарру тоҷ.
Ки соли хироче нахоҳанд беш,
Зи диндори бедору в-аз марди кеш [31,976].*

*Прошло от шавваля четырнадцать дней,
Прославить должно правителя.
Радостная весть пришла о подати,
Что вышел указ от венценосного царя.
Что голодным год не будет больше,
Верующему и бодрствующему и своему народу.*

В соответствие с этим, некоторые ученые, в том числе Саид Хасан Такизаде и Забехолла Сафо, считают 400 - ый год – годом преподнесения поэтом «Шахнаме» Султану Махмуду. Мухаммадамин Рияхи же считает, что «...этот указ был издан по поводу захвата крепости Бахимнигар в Индии в 400- ом году хиджры, при этом войском Махмуда было захвачены несметные богатства и неисчислимое количество золота и серебра» [104 ,121]. Вероятнее всего, этот голод случился в 401 - ом году и продолжался в течение года, закончившись в 402 году. Из заключительных бейтов «Шахнаме» также становится ясно, что, Фирдоуси, несомненно, именно в 400 - ом году хиджры, подарил свое детище Махмуду Газневиду, тем не менее, среди ученых нет единого мнения. Из всего изложенного, подтвержденного самим поэтом в «Шахнаме», видно, что поэт, через младшего брата всесильного Махмуда, Эмира Насра, подарил свое произведение Султану, и, хотя произведение Фирдоуси и не вызвало восторга у Махмуда и придворных, поэт не потерял надежду на признание и вознаграждение, надеясь, что командующий войском царя, т.е. его младший брат Эмир Наср, захочет внимательно, не спеша изучить поэму, и не оставит поэта без вознаграждения.

*Чу солори шоҳ ин суханҳои нағз,
Бихонад, бубинад ба покиза мағз.
Зи ганҷаи ман эдар шавам шодмон,
К-аз ӯ дурбодо бади бадгумон.*

*В-аз он пас кунад ёд бар шаҳрёр,
Магар тухми ранҷи ман ояд ба бор [31, 1447].*

*Когда командующий царя эти красивые слова
Прочитает, увидит светлые мысли
Его дару я буду очень рад,*

Да будут далеко от него плохие мысли.

И затем вспомнит о принце,

Неужели зерна моих мучений принесут плоды.

Но и эта надежда поэта не оправдалась и постепенно он перестает надеяться на улучшение и отношений, и улучшение своего материального положения.

Эпопея Фирдоуси состоит из 60 тысяч эпических и лирических бейтов. После многих лет трудов, мучений и бедствий, свалившихся на поэта, в возрасте 71 - го года, Фирдоуси остается один на один со своими горестями, бедственным материальным положением и, потому, до последних дней своей жизни великий поэт провел в страданиях и бедности.

Из исторических источников известно, чтомогущественное государство Саманидов было завоевано тюркскими племенами во главе с Эльханами, впоследствии же, Махмуд, очень легко одержав над ними победу, основал сильное, независимое государство Газневидов, однако, сын Махмуда Масъуд Газневид, впоследствии, не смог оказать должное сопротивление туркменам, которыми руководимыми Сельджуками, и, в 1040 году н.э., они победили независимое газневидское государство. Это событие произошло всего через 10 лет после смерти Махмуда Газневида.

После прихода к власти Сельджукидов, «Шахнаме» Абулкасыма Фирдоуси у них получила высокую оценку и была оценена по достоинству. Таким образом, шедевр персидско-таджикской литературы, вошедший в сокровищницу мировой литературы, и в XXI в. вызывает восхищение и любовь ценителей высокой поэзии.

Согласно различных исторических источников, к моменту завершения поэтом «Шахнаме», отношения Фирдоуси и Султана Махмуда были очень холодными, к тому же, разные драматические события того времени стали причиной ещё большего их ухудшения. Поэт вынужден был осудить монарха несколькими впечатляющими, острыми сатирическими бейтами, что и очернило в истории имя этого

высокомерного правителя. Решение Фирдоуси сочинить сатиру на Махмуда является известной, неоспоримой истиной, что подтверждает множество исторических и литературных произведений. Сам поэт в предисловии к дастану «Хосров и Ширин», приводит бейты, отражающие его мысли, то есть, так жалуется на Газневидского правителя и его холодность:

*Чунин шахрёриву бахшандай,
Ба гетӣ зи шоҳон дурахшандай.
Накард андар ин достонҳо нигоҳ,
Зи бадгӯю бахти бад омад гуноҳ.
Ҳасад бурд бадгӯй дар кори ман,
Табаҳ шуд бари шоҳ бозори ман [31, 1447]*

*Ты такой царь, прощающий,
Во всем мире самый блестящий.
Не бросил взгляда на эти дастаны,
Из-за клеветы я стал несчастливый
Завидовал клеветник моей работе,
Уничтожен перед шахом мой базар.*

Судя по словам поэта, «Из-за клеветы я стал несчастливый» - «Зи балгую бахти бад омад гуноҳ», завистники оклеветали поэта перед царем. То, что неприязненные отношения между поэтом и Махмудом Газневидом существовали, подтверждают, кроме бейтов самого Фирдоуси, приведенных в некоторых местах «Шахнаме», средневековые авторы в своих трудах. К примеру, автор «Истории Систана», в «Четырех беседах» Низами Арузи Самарканди, в предисловиях «Шахнаме», в том числе, в первом или древнем, третьем или среднем, Казвини в своем «Признаках стран» («Осор-ул-билод») и поэты в своих стихах, такие, как Низами Ганджави и Атгар Нишапури. Следует отметить, что Усман Мухтари (ум. 512 -548) намекает на холодные отношения между

правителем и поэтом, раньше Низами Арузи Самарканди, в своей поэме «Книга о царе» («Шахриёрнома»). Он, обращаясь к Алоуддавла Масъуду Газневиду, так говорит:

*Забони ман аз ҳаҷв кӯтоҳ бод,
Ҳамеша саногӯи ин шоҳ бод.
Зӣ Фирдавсӣ акнун суҳан ёд дор,
Ки шуд бар сари разми Исфандиёр [105, 220].*

*Да будет короток мой язык на сатиру,
Пусть он всегда восхваляет этого шаха.
О Фирдоуси теперь послушай речь,
Который описал бой Исфандияра.*

Большинство исследователей считают, что эти бейты указывают на «Сатиру» Фирдоуси в осуждение Махмуда. По словам фирдоусиведа Мухаммадамина Рияхи «эти слова Мухтари, в противовес стараниям людей, подобных профессору Махмуду Ширани, которые по стилю совсем отвергают сатиру, достоверные документы доказывают, что Фирдоуси сочинил сатиру на Махмуда, которая через сто лет, после написания «Книги о царе» («Шахриёрнома») (492-598) при дворе индийских Газневидов, была забыта. Но в существующую сатиру, имеющую от 7 до 150 бейтов, введены строки из сатиры Фирдоуси, для определения бейтов, принадлежащих Фирдоуси, требуется провести отдельное исследование».

Профессор Хафиз Махмудхан Ширани, известный пакистанский ученый, приложил немало усилий, чтобы доказать, что сатира не принадлежит Фирдоуси. Статьи этого ученого в книге под названием «Познавая Фирдоуси» («Дар шинохти Фирдавси»), при посредничестве доктора Шахида Чавхадари, были изданы в Тегеране в 1369 году на персидском языке. Именно этот ученый, собрав авторитетные и достоверные доказательства, подтвердил, что поэма «Юсуф и Зулейха»

не имеет отношения к Абулкасыму Фирдоуси. Так как эта поэма при сопоставлении с «Шахнаме» оказывается слабой и несовершенной, не имеющей никакой ценности. Но в отношении сатиры его усилия оказались безрезультатными. Он, сравнив 48 бейтов из сатиры, по поводу которой идет спор, с 48 бейтами из «Шахнаме», пришел к выводу, что сатиру целиком написали другие или же украли из «Шахнаме». «Доказательства Ширани, при сравнении с бейтами «Шахнаме», основаны на непроверенных изданиях «Шахнаме» и некоторые стихи, которые он выискал для доказательства своей цели, сегодня считаются добавленными» [46, 750]. Профессор Хафиз Махмудхан Ширани статьи о сатире Фирдоуси написал почти 60-70 лет тому назад. Естественно, что в то время, Махмуду Ширани не были доступны глубокие и подробные исследования, проведенные в последние полвека и осветившие многие неясные стороны жизни и бесценного произведения Фирдоуси. По мнению Али Абулхусайни (Мунзар) «Открытая Ширани дискуссия по «Сатире», в свое время, была достойно оценена, он сконцентрировал свой спор и исследование, опираясь на те бейты упомянутой сатиры, которые приведены в «Четырех беседах» Арузи и ранних предисловиях «Шахнаме» [46, 750]. После того, как Султан Махмуд, не оценив шедевр Абулкасыма Фирдоуси «Шахнаме», не высказал к нему никакого интереса, действительно, поэт сочинил сатиру на царя с осуждением обвинением в жадности. Но, до настоящего времени неизвестно, из скольких бейтов состояла сатира, так как на протяжении веков любители и поклонники поэзии Фирдоуси в текст сатиры вносили многое от себя, пытаясь таким путем, отомстить Махмуду Газнеvidу за поэта, что намного усложняет работу исследователей. Несмотря на это, в сатире имеются бейты, которые по поэтическому мастерству, очень сильными соответствуют красивому языку и стилю Фирдоуси, пример:

*Парасторзода наояд ба кор,
Агарчанд бошад падар шахриёр.*

*Рожденный быть слугой, пусть не приходит к власти,
Даже если его отец царь*

Или:

*Ба некӣ набуд шоҳро дастгоҳ,
Вагарна маро барнишондӣ ба гоҳ [105, 235].*

*Нет добра в шахском дворце,
Иначе меня иногда приглашал бы.*

Таким образом, можно сделать вывод, что поэт из Туса, после того, как обиделся на правителя Газны из-за того, что последний не оценил его шедевр, на создание которого поэт потратил более половины своей жизни, написал сатиру на Махмуда. И, хотя мнения фирдоусиведов расходятся в этом вопросе, опираясь на доказательства, приведенные выше, сделанный вывод можно считать окончательным и доказанным.

В вопросе даты смерти поэта мнения исследователей также не совпадают.

Дата смерти Фирдоуси, через четыре века после неё, в предисловии Байсунгара, указана 416 - ым годом хиджры. Однако, авторы этого предисловия, приводя эту дату, не указали ни одногодостоверного источника, а авторы антологий, составленных в последующие века, только повторили её. После байсунгаровского предисловия, Давлатшах Самарканди в своей «Антологии поэтов» («Тазкират-уш-шуаро») датой смерти Фирдоуси считает 411 - ый год хиджры, в то же времяне приводя каких-либо достоверных доказательств или названий источников. Известный иранский литературовед Забехолла Сафо считает мнение Давлатшаха правильным: «словам Давлатшаха можно поверить и считать их близкими к истине» [114, 480]. Однако, обратившись к «Шахнаме», в которой поэт местами приводит свой возраст, становится

ясной ошибочность слов Давлатшаха, о чем Мухаммадамин Рияхи правильно сказал, «если написанное Давлатшахом будем считать достоверным и авторитетным, тогда должны принять, что Фирдоуси прожил 82 года, и, если примем дату, указанную в предисловии Байсунгара, тогда должны предположить, что он жил 87 лет. Мы же знаем, что он после 60 лет страдал от старости и немощи, кажется маловероятным, что мог ещё прожить 17 или даже 22 года» [104, 143].

Поэт уже в 58 лет чувствовал себя старым и высказывался о том, что устал от скучной и печальной жизни. В 60 лет он говорит, что жизнь человека, в большинстве случаев, не превышает 70 лет и, если перейдет этот рубеж, то такой человек переносит много мучений и страданий. На основе своего жизненного опыта он пишет:

*Ҳар он гаҳ, ки сол андар омад ба шаст,
Бибояд кашидан зи бешии даст.
Зи ҳафтод барнагзарад бас касе,
Зи даврони чарх озмудам басе* [31, 651].

*Когда возраст подходит к шестидесяти,
Необходимо отказаться от его излишка.
Сверх семидесяти не должен жить человек,
Я испытал это за долгую жизнь*

В заключительной части «Шахнаме» мы встречаем бейты, в которых поэт указал свой возраст 57 или 58, 65, 71 и около 80 – ти лет, и этот вопрос автор исследовал в первом разделе второй главы диссертации. По этому поводу Рияхи пишет: «Самый большой возраст, указанный Фирдоуси (по рукописи Страсбурга) таков – «Теперь мой возраст подошел к семидесяти шести» («Кунун солам омад ба хафтоду шаш») и это соответствует 405 году хиджры и, возможно, поэт умер после этой даты через один – два года, во всяком случае, до 411 года хиджры» [105, 145].

После смерти Фирдоуси, согласно сведениям Низами Арузи Самарканди, шейх Табарана не разрешил хоронить Фирдоуси на мусульманском кладбище. Он сказал: «я не допущу, чтобы его понесли на мусульманское кладбище, потому что он был рафизитом и сколько бы люди не просили его разрешить похоронить на кладбище, шейх не согласился. Во внутренней части ворот был сад, принадлежащий Фирдоуси, его и похоронили в том саду. И сегодня могила его там и я в 510 х.к. // 1116 н.э. посетил ту могилу». Давлатшах Самарканди считает, что имя этого шейха, не разрешившего похоронить великого поэта на мусульманском кладбище, Абулкасым Курракани, жившего в середине пятого века, однако данный факт большинство фирдоусиведов подвергают сомнению, и, в том числе Мухаммадамин Рияхи, который написал, что «...то, что фанатичный правовед не разрешил похоронить прах Фирдоуси на кладбище, похоже на правду, но превращение этого сообщения в форму сказки, что вместо правоведа Шейха Абулкасыма Курракани был танцор на мероприятиях, ошибочно и является клеветой на того суфия. Шейх Абулкасым Курракани Абдуллах ибн Али ибн Абдуллах Туси (род. 380 – ум. 469 г.х.) и когда умер Фирдоуси ему ещё не было и тридцати лет и потому не мог иметь такого влияния, чтобы против всех приверженцев и поклонников Фирдоуси «устроить такую интригу и провокацию» [104, 148].

Фирдоуси похоронили в его собственном саду в городе Табаран, вблизи ворот Разон. В 1313 - ом году солнечной хиджры // 1934 н.э. в Иране торжественно было отмечено тысячелетие со дня рождения Фирдоуси и, в связи с этим событием, усыпальница поэта была отреставрирована и отремонтирована, поставлено новое мраморное надгробие. Но, к сожалению, дата рождения Фирдоуси на надгробии оказалась высеченной ошибочно - 324 - ый год лунной хиджры. В данном тщательном и подробном исследовании, на фактах из произведения

самого поэта «Шахнаме», доказано, что этот величайший эпик мирового значения родился в 329-330 г.х.// 941-942 н.э.

Глава третий

Жизнь и литературное наследие Фирдоуси в исследованиях европейских и азиатских ученых

3.1. Жизнь и литературное наследие Фирдоуси в исследованиях европейских ученых

Европейские ученые осуществили много ценных и полезных исследований о жизни Фирдоуси и истории написания его знаменитой эпопеи «Шахнаме», но важнее всего то, что это бесценное произведение ими было переведено на различные европейские языки, и, целью данной диссертации является изучение только тех работ европейцев, которые посвящены биографии Фирдоуси и истории сочинения «Шахнаме».

В Европе имя Фирдоуси не было широко известно до конца XVIII века. Первые сведения о «Шахнаме» и Фирдоуси приводит в своих изысканиях Сэр Уильям Джонс (Sir William Jones) (1746 – 1794), [155] у которого о «Шахнаме» не было достаточно сведений, поэтому он посчитал это произведение творческим результатом нескольких поэтов, имена которых, кроме Фирдоуси, были стерты временем со страниц истории. Причиной такого ошибочного вывода Джонса является большой объем «Шахнаме». Действительно, «Шахнаме» по объему превосходит все известные европейские эпические произведения, написанные в стихотворной форме, она больше знаменитой «Илиады» в восемь раз. Хотя Джонс очарован Фирдоуси и сравнивает его с Гомером, ему кажется невозможным, чтобы такая большая книга была плодом труда одного поэта. В начале XIX в., когда в Европе началась эпоха романтизма в литературе, европейские ученые и литераторы с особым интересом и рвением занялись изучением восточной литературы. Поэты – романтики обратили особое внимание творчеству восточных поэтов. В Германии романтический стиль достиг особых высот, где там восточная литература (особенно персидская и арабская), привлекла многих поклонников и почитателей. Известнейший немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте (Goethe, Johann Wolfgang von) (1749-1832) является одним

из преданных почитателей восточной литературы, особенный восторг у него вызывала персидская литература, в которой он выделял прославленного Хафиза Ширази.

Гёте, в конце своего «Западно-восточного дивана», упоминает некоторых персидско-таджикских поэтов классического периода, в том числе и Фирдоуси, и, с удивлением, отмечает, как «землепашец» смог достичь таких высот совершенства и мастерства и сочинить такую книгу, как «Шахнаме», слава о которой распространена по всей планете[153]

О жизни Фирдоуси и его «Шахнаме» первое научное исследование, написанное Йозефом фон Хаммер – Пургшталем (Joseph von Hammer-Purgstall) (1774-1856), увидело свет в Германии.[154]. Хаммер был пленен высокими стихами Фирдоуси и назвал его не только величайшим поэтом Ирана, но считал величайшим поэтом всего Востока и, в эпической поэзии, возвел его на высочайший пьедестал. Однако, во всем, что написал Хаммер о биографии Фирдоуси, содержатся те же ошибки, что и почти во всех работах таких европейских ученых и литераторов, как Гёте (Goethe), Моль (Mohl), Торнер Макан (Turner Macan), Итало Пиззи (Italo Pizzi) и др. То есть он, думая, что все предания и сказки, зафиксированные в антологиях и различных трактатах, сочиненные на протяжении веков почитателями таланта Фирдоуси и его произведения, достоверными, пересказал их и, следовательно, в его книге только часть материала соответствует истинным фактам жизни поэта.

Другое, весьма важное исследование, осуществленное о Фирдоуси и «Шахнаме», принадлежит перу всемирно известного немецкого востоковеда Теодора Нёльдеке (Theodor Noldeke) (1836-1930) и составляет часть его знаменитой книги «Национальный эпос Ирана».[92]

Нёльдеке, сначала занялся исследованием жизни Фирдоуси, при этом он оставил в стороне все выдуманные предания и сказки, не отражающие истинной жизни поэта, обратившись к произведению поэта – «Шахнаме». Так, он осветил отношения Султана Махмуда и Фирдоуси

на достоверных примерах, доказав неправомерность многих утверждений ученых по этому вопросу. Нёльдеке пишет, что поэма «Шахнаме», предположительно, была завершена до того, как к власти пришел Султан Махмуд Газневид. Также он пишет, что, к счастью, Фирдоуси был свободен от влияния невежественных и фанатичных представителей религии, хотя нельзя говорить, что он не был верующим и не почитал предписания веры. Этот востоковед к объяснению личности Фирдоуси также подошел осторожно, с большой бережностью, отмечая, что судить о Фирдоуси, с точки зрения современных этических норм, неправильно, исходя из возможности, что современный читатель удивится тем восхвалениям, высказанным поэтом в адрес Махмуда, но здесь нельзя забывать о социальном положении поэтов эпохи Газневидов, сильно отличавшихся от положения современных поэтов. Поэты газневидской эпохи находились полностью под серьезным надзором дворца и обеспечивали своё существование, получая подношения и дары, непосредственно, от властителей и высшего чиновничества, соответственно, лесть и подобострастие к царям было условием существования поэтов тех времен, в связи с чем нельзя обвинять Фирдоуси в подобострастии и лести, наоборот, поэт всегда старался сохранять свое достоинство и честь. Нёльдеке, как и Моль, пытался выстроить биографию Фирдоуси, опираясь на сведения, внесенные поэтом в его «Шахнаме», и доказать ошибочность многих сообщений о Фирдоуси. «Но когда он, опираясь на написанное в конце последней рукописи «Шахнаме», приписывает 32 бейта стихов Фирдоуси, в соответствии с которыми поэт будто между 388-389 г.х. (998 г.н.э.) находился на службе у Ахмада ибн Мухаммада ибн Абибакра Хонланджони в Исфагане и один список «Шахнаме» подарил ему, он в своем исследовании допускает непростительную ошибку. К тому же, к суждению Нёльдеке о личности Фирдоуси можно предъявить критическое замечание по поводу принятия им приписываемой

Фирдоуси поэмы «Юсуф и Зулейха», которая явно по сути противоречит сущности «Шахнаме» [129, 19-21].

Первое исследование жизни и творчества Фирдоуси, опубликованное в Англии, было комментарием к предисловию перевода поэмы «Рустам и Сухраб», осуществленного Джеймсом Аткинсоном (James Atkinson) (1780-1852). Этот востоковед, в 1829 году приступил к краткому переводу «Шахнаме» [150]. Сведения, приведенные Аткинсоном о жизни Фирдоуси, в основном, состоят из преданий и сказок. К сожалению, автор не смог отличить достоверные сведения от ошибочных, выдуманных преданий и сказок. Весьма интересно приведено им сравнение личности Фирдоуси и Гомера. Хотя он безмерно восхваляет Фирдоуси, он не считает его поэтом одного уровня с великими поэтами Древней Греции. Такую мысль он считает даже кощунством и говорит, что сравнение двух поэтов относительно, в том смысле, что Фирдоуси в своей стране, в своей литературе занимал такое же место, как Гомер в своей стране и своей литературе. По мнению этого востоковеда, такое сравнение не дает повода считать, что их произведения имеют схожести и близость. Однако, он же считает, что Фирдоуси, по сравнению со всеми поэтами Европы, ближе к Гомеру. Эта близость основана на том, что в обеих книгах использовано множество собранных национальных сказок и преданий обоих народов-даже героические подвиги основных богатырей этих произведений (Рустама и Геракла), в какой-то степени, имеют схожесть: Рустама можно назвать иранским Гераклом. Аткинсон особое внимание уделил на схожесть «Шахнаме» с батальными сценами в произведениях европейских средневековых поэтов, и по его мнению, этот факт появился в результате влияния «Шахнаме» на европейскую средневековую литературу XII в. и, конечно, это ещё результат влияния крестовых походов и общения европейцев с арабами, которые привезли в Европу переводы произведений арабских и иранских ученых.

Другой востоковед, Эдвард Гренвил Браун, (Edward Granville Browne) (1862-1926) в своей знаменитой книге «История иранской литературы», приведя краткую биографию Фирдоуси, отказался от большей части вымышленных сказок и преданий о жизни поэта и написал только о тех моментах жизни Фирдоуси, которые соответствуют истине [152]. Браун весьма серьезно прокомментировал состояние Султана Махмуда и его двора, которые оказывали важное влияние на распространение национальной литературы Ирана и, подобно Нёльдеке, без всякого сомнения, отклонил легенду о вмешательстве Султана Махмуда в сочинение «Шахнаме». Основываясь на биографии Фирдоуси, Браун ограничился упоминанием всего того, что было приведено в «Четырех беседах» Низами Арузи Самарканди, так как считал, что «Четыре беседы» является самым важным источником для изучения биографии Фирдоуси. Нужно здесь заметить, что Браун ничего не написал от себя, он, в основном, следовал и поддерживал мнения и суждения Жюль Моля и Нёльдеке, так как, по его мнению, они являются наиболее эрудированными и глубокими исследователями Фирдоуси в Европе.

Известный французский ученый – востоковед Жюль фон Моля (Julius von Mohl) (1800-1876) провел о Фирдоуси и его «Шахнаме» подробное исследование и поместил его во введении к своему переводу «Шахнаме» [76]. «Шахнаме», переведенный им прозой и считающийся первым полным переводом поэмы «Шахнаме» в Европе, был издан в середине девятнадцатого столетия, где получил достойное признание, и долгое время считался важным источником. Жюль Моля был одним из эрудированных востоковедов, собравшим всю информацию о Фирдоуси из европейских и восточных источников, и поместившим в упомянутом введении. Первая часть перевода Жюль Моля охватывает биографию Фирдоуси. Необходимо отметить, что в Европе, до него, никто не составил такую подробную биографию Фирдоуси. Автор, собрав всю информацию об этом великом поэте из «Антологии поэтов» Давлатшаха

Самарканди, «Четырех бесед» Низами Арузи Самарканди и, особенно, из самой «Шахнаме», и ещё, изучив работы некоторых востоковедов, также получил некие сведения, и все это, упорядочив, приведя в соответствующий вид, поместил в это введение. Естественно, наука движется вперед, и последующие исследователи, владеющие новыми фактами и материалами о жизни Фирдоуси, доказали вымышленность многих сказок и преданий о жизни Фирдоуси, которых французский востоковед считал достоверными, поэтому работа Жюль Моля немного утратила свою научную значимость, но, вместе с тем, написанные им труды о персидской батальной поэзии, и о веке Фирдоуси и арабском завоевании, и сейчас имеют большую научную ценность.

Русский ученый Василий Владимирович Бартольд (1869 – 1930), в своей статье «О Фирдоуси и его «Шахнаме» [138, 252-257], считая «Шахнаме» величайшей эпической книгой в мировой литературе, сравнивает Фирдоусис Гомером, и на весах словесного мастерства обоих называет равными. Иногда, ставя Фирдоуси в один ряд с гениями европейской литературы Данте и Шекспиром, он считает его равным им, признавая его несравненный талант в эпическом, лирическом и драматическом стилях. При изучении трудов Нёльдеке и Жюля Моля в книге В.В. Бартольда, не находится ничего нового, он также, как другие, повторяет ошибки Ж.Моля.

Первая статья, опубликованная в России о Фирдоуси под названием «Абулькасым Фирдоуси Тусский – творец книги царей, известной под названием «Шахнаме» с прибавлением беглого обзора истории персидской поэзии до исхода XV столетия», принадлежит перу профессора Степаноса Назарьянца (1812 – 1879) [143]. Эта статья, в основном, о биографии Фирдоуси, и она очень близка к труду Жюля Моля.

Очень важной книгой на русском языке, написанной о литературе Ирана и имеющей подробные сведения о Фирдоуси и эпохе Газневидов, является труд профессора А. Е. Крымского (1871-1941) «История Персии,

её литературы и дервишеской теософии». Эта книга была издана в 1913 году в Москве [73]. Сведения, приведенные автором труда о великом персидском поэте, очень похожи на факты из жизни Фирдоуси, имеющиеся в работе Нёльдеке, так как, как и Нёльдеке, стремился отделить вымышленные предания о Фирдоуси от близких к правдивым фактам жизни поэта. В результате, различие в трудах этих двух востоковедов заключается лишь в том, что А. Е. Крымский представил Султана Махмуда Газневида дикой, безжалостной и необразованной, неграмотной личностью и отметил, что поэтам, собранным при дворе этого царя, жилось весьма сложно, они подвергались унижениям, находились под постоянным контролем со стороны Махмуда. По мнению этого востоковеда, обида Фирдоуси на этого невежественного и фанатичного суннитарадилась из-за того, что тот своей безграмотностью не смог достойно оценить величие «Шахнаме».

3.2. Жизнь и литературное наследие Фирдоуси в исследованиях азиатских ученых

Из индийских и пакистанских ученых первым исследователем, остановившимся на изучении жизни и творчества Фирдоуси и его бессмертной поэмы «Шахнаме», в отдельных частях своей, не потерявшей по сей день значимости книги «Поэзия Аджамы» («Шеър-ул-Ачам»), был Шибли Нузмани [80, 33]. Пакистанский ученый Хафиз Махмудхан Ширани, также в своей содержательной книге под названием «Знакомство с Фирдоуси» («Дар шинохти Фирдавси»), привел некоторые сведения по биографии Фирдоуси [133].

Исследование жизни и наследия Абулкасыма Фирдоуси в Иране началось с конца XIX в. В статьях «Газеты иранской нации» и учебниках стали появляться сведения о Фирдоуси и его «Шахнаме» [80,33]. Позднее, известные иранские ученые Сайид Хасан Такизаде, Мухаммад Казвини, Мухаммадали Фуруги, Маликушшуаро Бахар и другие, высказав в своих научных статьях интересные и свежие мысли о разных аспектах жизни Фирдоуси, основали направление в литературоведении – шахнамеведение.

Известный таджикский литературовед Муллоахмадов М. отмечает, что 1934 год явился для шахнамеведения итоговым для его начального периода и началом его совершенно нового этапа не только в Иране, но и во всем мире. Он пишет: «в том году (1934 г.) было отпраздновано 1000-летие Абулкасыма Фирдоуси во многих странах мира, и, по этому поводу, были организованы научные конференции и симпозиумы, касающиеся жизни Фирдоуси и его эпопеи «Шахнаме». На международном конгрессе в Тегеране, который был первым крупным научным конгрессом в Иране, участвовали более 40 человек из 17 стран мира и 40 человек иранских ученых и литераторов» [80, 33-34].

Из более поздних известных ученых, занимавшихся изучением жизни Фирдоуси и его поэмы «Шахнаме», назовем имена нескольких из них: это Забехолла Сафо, Мухаммад Муъин, Джалал Халик Мутлак,

Муджтабо Минови, Алириза Шапур Шахбази, Мухаммадамин Рияхи, исследования которых о Фирдоуси и «Шахнаме» являются, на сегодняшний день, лучшими.

С начала XX в. целый ряд русских и таджикских литературоведов, также, занялся непосредственно исследованием «Шахнаме». К ним относятся такие известные русские и советские ученые, как: И. С. Брагинский, Е. Э. Бертельс, А. М. Беленицкий, М. М. Дьяконов, А. Н. Болдырев, М. Н. Османов, А. А. Стариков, а также таджикские ученые Садриддин Айни, Абдурауф Фитрат, Нарзулла Бекташ, Сатым Улугзаде и другие, осуществившие исследования о различных сторонах жизни самого поэта и его бессмертной поэмы «Шахнаме».

Началом планомерного и постоянного изучения жизни Фирдоуси и его поэмы в Таджикистане исследователи считают время подготовки к празднованию 1000-летия великого поэта в 1934 году. Первый съезд писателей Советского Союза, открывшийся 18 - го октября 1934 года в Москве, также в исследование жизни и творчества гениального поэта Востока внес свой весомый вклад. На этот съезд съехались фирдоусиведы и шахнамеведы из разных стран и с трибуны съезда высказали свои мнения и мысли.

«В этом направлении первый шаг был сделан Садриддином Айни. В 1934 г. увидела свет книга Айни, написанная по случаю 1000-летия поэта, под названием «О Фирдоуси и его «Шахнаме». В этой книге, впервые в таджикском литературоведении, были исследованы жизнь Фирдоуси и его бессмертная поэма «Шахнаме». Надо отметить, что работа С. Айни содержит несколько важных моментов, даже можно сказать, научных открытий. Так, С. Айни, впервые, стал утверждать, что Фирдоуси жил при Саманидах и начинал писать свое произведение также при них, в то время как, начиная с Мухаммада Ауфи и до Г. Эте и Шибли Нуъмани, все считали его поэтом периода правления газневидской династии» [72, 434].

Позднее, С. Айни опубликовал статью, Абдурауфа Фитрата под названием «Фирдоуси», посвященную, также, в честь 1000-летия

Фирдоуси, где приведены ценные факты о эпохе и окружении поэта и которую можно считать одним из первых подробных исследований о жизни и творчестве Фирдоуси в современном таджикском литературоведении [120, 40-51].

Известный таджикский писатель Сатим Улугзаде, в 1985 г. опубликовал, получивший позднее всеобщее признание, роман под названием «Фирдоуси». В этом романе Сатим Улугзаде представил Фирдоуси великим мудрецом, обладавшим небывалой силы мастерством, поэтом – гуманистом и защитником справедливости, отмечая, что этот уникальный мудрец, во многих эпизодах своего произведения, умно и терпеливо призывает государственных чиновников быть богобоязненными, справедливыми, требует от них оказывать помощь бедным и обездоленным и не взимать у населения пошлин и налогов больше положенного.

Персонажи романа С. Улугзаде «Фирдоуси» - личности как исторические, так и выдуманные, это относится и к деятелям культуры. Интересен тот факт, что С. Улугзаде, при создании своих персонажей, «серьезно отнесся к созданию единства, целостности различных сторон их характеров, внешности, речей и т.п.» [50, 79]. Известно, что при сочинении художественного произведения писатель волен, в соответствии с поставленными им целью и задачами в своем произведении, свободно излагать свои мысли. Поэтому С. Улугзаде, несмотря на то, что серьезно и глубоко изучил «Шахнаме» и различные источники, относящиеся к жизни и произведению Фирдоуси, в романе «Фирдоуси», в большом количестве, использовал средства художественного украшения речи и фантазию. Многие из материала о Фирдоуси, приведенные в этом романе, Улугзаде взял из предшествующих источников. В основном, он позаимствовал сведения из «Четырех бесед» Низами Арузи Самарканди и из предисловия «Байсунгаровской Шахнаме», в результате чего, в произведение вкрались

некоторые ошибочные сведения, например, поездка Фирдоуси в Багдад и встреча его в Газне с Унсури, Фаррухи, Маншури, Майманди.

Также ошибочно и то, что он повез свою сатиру Испахбуду Шахрияру. К тому же, в соответствии с написанным большинством ученых, селения под названием «Шодоб» никогда не существовало в окрестностях Туса. И, если такого селения не существует, следовательно, можно отрицать существование Охунда Абдулнаби Шодоби. Писатель использовал много материала из «Шахнаме», как важного источника, в целях определения неясных моментов жизни Фирдоуси. «Основной материал сюжета Фирдоуси относится к «Шахнаме». Этот материал обеспечила горькая судьба «Шахнаме» [50, 55]. Отсюда, написанное писателем о Хайе Кутайбе и Али Дайлами, как друзей и покровителей Фирдоуси, также о высокомерии и недальновидности султана Махмуда, близки к истине. Необходимо отметить, что «Понимание исторической миссии Фирдоуси, с точки зрения Сотима Улугзаде, проявляется в том, что поэт историческую трагедию и судьбу народа и своей Родины, поняв лучше всех, постоянно борется за поддержку справедливости и правды» [78, 118]. Поэтому произведение этого известного таджикского писателя в персидско-таджикской литературе XX века, действительно, считается неповторимым литературным явлением.

Таким образом, европейские и азиатские ученые смогли своими исследованиями показать, что Фирдоуси является одним из величайших персидско-таджикских поэтов, бессмертное произведение которого оказало на судьбу иранского и таджикского народов долговечное и устойчивое влияние, а его поэма «Шахнаме» - плод трудов этого великого поэта вобрала в себя культурное наследие многих тысяч лет иранского и таджикского народов и стала сокровищницей высоких помыслов и раздумий этих народов, любящих и почитающих цивилизацию и создающих её.

Однако, ни один из азиатских и европейских ученых, ни один из поклонников прекрасной поэзии Фирдоуси, не дали более высокую

оценку этому произведению, чем сам поэт, являющийся гениальным литератором, лучше других понимающий величие своей работы и своего поэтического стиля. Поэтому мы решили исследовать в своей работе указания самого поэта о величии своего творения как неповторимого шедевра мировой литературы.

Поэт, высоко оценивая свое поэтическое слово, содержательность своего сочинения, уверен в том, что ценители и знатоки художественного слова будут очарованы его высокими мыслями, пропущенными через сито разума, отраженные в этом ценном для поколений памятнике литературы, с благодарностью и уважением вспоминая самого автора.

*Ки монад зи ман ёдгоре чунин,
Бар ӯ офарингӯ кунад офарин [31,1188].*

*Останется от меня такой памятник,
Что его Создатель восхвалит сам.*

Особую роль в «Шахнаме» Абулькасыма Фирдоуси играет ода уму и разуму, порицания глупости и невежества. Поэт считает свое слово равным разуму, уверенный в том, что в таком случае поэт может быть спокоен за свое Слово.

*Сухан чун баробар шавад бо хирад,
Равони сароянда ромии барад [31,275].*

*Слово, когда будет равноценно разуму,
Душа сочинителя будет спокойна.*

Фирдоуси в своем шедевре, уделив особое внимание понятию разум, ум, изложил удивительные мысли. Так, поэт уверен, что Бог рад тому человеку, от речей которого есть польза.

*Чаҳондор аз ин банда хушнуд бод,
Хирдамоя боду сухансуд бод [31,1048].*

*Повелитель мира рад тому своему рабу,
Суть речей которого разум, и они приносят пользу*

Речь должна быть содержательной, красивой и умной, чтобы очаровав слушателя и читателя, призывала к выдержке и раздумьям. Поэтому Фирдоусисвою речь оттачивает так, чтобы она была тонкой и разумной.

*Ки ӯ дар сухан мӯй кофад ҳама,
Ба борик андар бибофад ҳама [31,1048].*

*Тот, кто речи свои прядет тонко, как волос,
Тот всегда думает тонко.*

По мнению Фирдоуси, человека, сочинившего произведение, имеющее высокую идею, своевременное и неугасающее содержание, современники и будущие поколения будут вспоминать только по доброму.

*Ки ҳар кас, ки андар сухан дод, дод.
Аз ӯ чуз ба некӣ нагиранд ёд [31,353].*

*Каждый, кто в своих речах был справедлив,
О нем, по доброму, не иначе, будут вспоминать.*

Очевидно, что мысль, выраженная в этом бейте Фирдоуси, подтверждена тысячами и, «Шахнаме», признанная, как эпос мирового значения, волнует людей, вспоминающих Фирдоуси «по доброму», а увидевшие свет многочисленные исследования о жизни и бессмертном произведении Фирдоуси «Шахнаме» на разных языках мира являются доказательством высказанной выше мысли.

Речь Фирдоуси, наряду с привлекательностью и притягательностью, является ещё и волшебной, чарующей, не утратившая на протяжении веков этих своих качеств. Об этом сам поэт говорит:

*Чу пайкори Кайхусравад падид,
Бибояд зи ман ҷодуиҳо шунид [31, 650].*

*Как появилась фигура Кайхосрова,
Нужно, чтобы от меня услышали волшебство.*

Поэт всю свою драгоценную жизнь посвятил сочинению «Шахнаме», и результатом этой жертвенности явилось гениальное произведение. В «Шахнаме» он вдохнул в древние сказания и легенды свежий, новый дух и воскресил имена древних царей Ирана.

*Кӯҳан гашта ин дostonҳо зи ман,
Ҳаме нав шавад бар сари анҷуман [31, 275].*

*Эти древние поэмы от меня
Станут все новыми для общества.*

Поэт, при создании «Шахнаме», хотел оставить для будущего такое наследие, которое было бы на устах миллионов людей, живущих на земле во все века и вспоминающих автора добрым словом, вспоминая его доброе имя.

*Аз ӯ ёдгоре кунам дар ҷаҳон,
Ки то ҳаст мардум нагардад ниҳон [31, 880].*

*О них создам памятник для всего мира,
Пока существуют люди, ему не будет конца.*

Поэт подчеркивает, что, если «Книга о знаменитостях» («Шахнаме» - Дж. М.) подойдет к концу, то вся страна будет наполнена речами, полными наставлений, восхвалений разума и мужества.

*Чу ин номварнома ояд ба бун,
Зи ман рӯи кишвар шавад пурсухун [31, 1456].*

Когда эта «Книга о знаменитостях» будет закончена,

Обо мне заговорит вся страна.

Многолетние труды и мучения поэта напоминают притчу о плодовом дереве, плоды которого рассыпаны по цветущим лугам.

Ки як мевадоре бимонад зи ман,

Ки борад ҳама бори ӯ бар чаман [31, 275].

Плодовое дерево останется от меня,

Плоды которого будут рассыпаны по цветущим лугам.

Величавые дворцы царей и королей рушатся под воздействием времени, однако, сила поэтического слова Фирдоуси все больше очаровывает людей разных поколений, тем самым подчеркивая ценность этого бессмертного произведения.

Биноҳои обод гардад хароб,

Зи борону аз тобиши офтоб [32, 88].

Благоустроенные здания разрушатся

От дождей и палящего солнца.

Поэт построил величавый дворец поэзии из высоких впечатляющих жемчужин слов, который не могут разрушить ни ливневые дожди, ни сильный ветер, ни палящие лучи солнца.

Пай афкандам аз назм кохе баланд,

Ки аз боду борон наёбад газанд [32, 88].

Построил я высокий дворец поэзии,

Который не разрушат ни ветер, ни дождь.

Такие же высокие мысли, как у Фирдоуси, отражены в стихотворении великого русского поэта А. С. Пушкина под названием «Памятник»:

*Я памятник воздвиг себе нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа [18, 226].*

Судя по выш приведенным бейтам и их сравнению со стихами Фирдоуси, автор считает, что А. С. Пушкин был знаком с «Шахнаме» Фирдоуси, так как влияние стиля написания этого великого персидско-таджикского поэта на изложение стихов знаменитого русского поэта чувствуется и в других строках его стихотворения «Памятник»

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире,
Мой прах переживет и тленья избежит [18, 226].*

А. С Пушкин)

*Намирам аз ин пас, ки ман зиндаам,
Ки тухми суханро парокандаам [31, 1516]. (Фирдоуси)*

*Не умру я после этого, останусь я живой,
Ибо я рассыпал зерна слов повсюду.*

Фирдоуси подчеркивает, что его шедевральное произведение не является сказкой и ложью, это материал и факты, основанные на разуме и имеющие высокий иносказательный смысл.

*Ту инро дурӯгу фасона мадон,
Ба яксар равиши замона мадон.
Аз ӯ ҳарчӣ андар хӯрад бо хирад,
Дигар бар раҳирамз маънӣ барад [31, 31]*

*Ты не считай это ложью и сказкой,
Также данью времени не считай.
От него насколько поработает ум,
Настолько будут раскрыты пути иносказаний.*

Оценка тридцатипятилетнего труда поэтом выражается в его уверенности написания своих бейтов, а если и кто-то решит найти в его

огромной поэме слабые, с недостатком бейты, то их наберется не более пятисот. А ведь поэма состоит из 60 тысяч бейтов!

(120 тысяч строк Дж. М.)

Агар бозчӯйи аз ӯ байти бад,

Ҳамоно, ки бошад кам аз понсад [31, 1447]

Если будешь искать в ней слабые бейты,

Всего-то, может быть менее пятисот.

Эти строки мы можем интерпретировать, как показатель скромности поэта, так как написано много научных исследований о Фирдоуси и его «Шахнаме» учеными разных стран и на разных языках, но в них во всех дана высокая оценка поэтическому таланту и мастерству Фирдоуси. Поэты, вообще литераторы, считают его бессмертное «Шахнаме», для многих поколений, школой поэтического мастерства, вдохновляющей на создание новых, высокохудожественных произведений. Фирдоуси, создав свой гениальный шедевр, возродил культуру, мастерство, историю, обычаи и традиции наших предков, также внес весомый вклад в формирование современного персидско – таджикского языка.

Таким образом, уверенно можно сказать, что поэт ясно понимал значение своего произведения и сам дал ему очень высокую оценку, предсказав ему бессмертие.

Заключение.

Исследование биографии Абулкасыма Фирдоуси, основанное на источниках и научных трудах, особенно на основе научно-критических текстов «Шахнаме», привели автора данного исследования к следующим конкретным выводам:

1. Из сравнительного изучения древнейших рукописей и научно-критических текстов «Шахнаме» Фирдоуси можно прийти к выводу, что в настоящее время, несмотря на кропотливые усилия отечественных и зарубежных знатоков «Шахнаме», ещё не подготовлен совершенный, наиболее достоверный и близкий к подлиннику произведения, текст. Автор надеется, что для последующих поколений для правильного исследования мировоззрения, поэтического стиля незаурядного творческого мастерства и биографии Фирдоуси, появятся широкие возможности.

2. Одними из известных источников, освещающих личность и талант Фирдоуси, считаются исторические и народные повести, рассказы и предания. Ценители уникального пера поэта, с большой верой и благодарностью, при посредстве этих повестей, рассказов и преданий, изложили свои мысли и суждения о личности Фирдоуси и величии его «Шахнаме». В последующем, эти повести, рассказы и предания авторы исторических трудов, литературных источников, антологий и даже научных исследований ввели в свои произведения. Автор данной научной работы показывает, что источником появления таких повестей, рассказов и преданий является бессмертная поэзия и шедевр мирового значения «Шахнаме». Позже эти повести, рассказы и предания приняли фантазийный и описательный характер.

3. Сравнительное исследование сведений и заметок авторов прошлого по вопросу имени и куньи Абулкасыма Фирдоуси привело автора работы к выводу о том, что полное имя поэта – Абулкасым Мансур ибн Хасан Туси и его псевдоним Фирдоуси, однако поэт о своем имени в «Шахнаме» не приводит никаких фактов, лишь в двух бейтах

приведя свой псевдоним. Во всех источниках, перед именем и псевдонимом поэта приводится слово «хаким» - «мудрец», свидетельствующее о том, что Фирдоуси был осведомлен о многих науках своего времени, особенно философии, мусульманском праве (фикх) и практической философии.

4. Одним из спорных вопросов биографии Фирдоуси является точная дата его рождения. Отечественными и зарубежными фирдоусиведами, по этому вопросу, высказано множество различных мнений. Существующие исследования по этому вопросу, хотя и научно точны, иногда противоречат друг другу. Исследование и выводы Т. Нёльдеке, по этому вопросу, намного разнятся от выводов Жюля Моля. Позже их выводы, как точные сведения, были приняты Саид Хасаном Такизаде и Мухаммадали Фуруги и, в определенный период, они оказали свою историческую услугу в изучении жизни Фирдоуси. Однако, исследования Жюля Моля, Маликушшуаро Бахара, Алиризо Шопури Шахбози, Мухаммадамина Рияхи, в сравнении с другими существующими исследованиями, имеют крепкую научную основу. Автор, сравнительно изучив сведения вышеупомянутых ученых, как основной источник для определения точной даты рождения Фирдоуси, принял «Шахнаме». После анализа и исследования указанного источника, автор пришел к выводу, что точная дата рождения Фирдоуси – это 329-330 год хиджры. (941-942 н.э.)

5. Из содержания «Шахнаме» вытекает, что у Фирдоуси была семья, жена и дети, у него была сравнительно спокойная жизнь, однако, когда Фирдоуси исполнилось 65 лет, у него умирает 37-летний сын. Эта безвременная смерть сына и старость стали причиной того, что поэт сталкивается с бедностью и нищетой. Сам Фирдоуси в «Шахнаме» указывает на то, что его сын родился в 357-358 году лунной хиджры (968-969 н.э.) и в 394 году хиджры (1004-1005 н.э.) умер. Следовательно, становится ясно, что разница между отцом и сыном составляет 28 лет, т.е. Фирдоуси стал отцом в 28 лет.

6. Хаким Фирдоуси был из рода дехкан и воспитывался по высоким традициям этого класса, его детство и подростковый возраст прошли в уважении и достатке. Из указаний самого Фирдоуси в «Шахнаме» вытекает, что он полностью изучил необходимые науки своего времени, к тому же, он хорошо владел арабским языком, который, в те времена являлся языком халифата, был знаком с пехлевийским языком, который был языком предков и культурных и исторических сокровищ прошлого. Обширные знания и широкий кругозор Фирдоуси позволяли поэту быть свободным от религиозного фанатизма.

7. Сведения о юношеских и старических годах, социальных и экономических условиях, душевном состоянии и здоровье, творческом состоянии и другие биографические сведения, приведенные Фирдоуси в «Шахнаме», хотя и послужили для исследователей достоверным источником для описания личности и облика поэта, были использованы не полностью. Например, исходя из заметок поэта в его произведении, автор делает вывод, что это был свободолюбивый и свободомыслящий человек, с широкими плечами и высокого роста, красивый лицом. Также, можно сделать вывод, что он отличался такими высокими личностными качествами, как воспитанность, искренность, открытость, верность и любезность. Большой поэтический талант, подлинное чувство патриотизма стали причиной того, что Хаким Фирдоуси создал «Шахнаме», преодолевая трудности и страдания, не спеша, работая тщательно и скрупулезно, и закончил свое детище через 35 лет долгого и кропотливого труда.

8. Отношение Фирдоуси к Махмуду Газнеvidу было похоже на отношение культурного, патриотично настроенного человека, не имеющего покровителя, сильно нуждающегося в покровительстве великодушного и умного султана. Однако, жизнь поэта проходила во времена правления эгоистичного политикана, использовавшего, для достижения своих целей, все доступные ему средства. Старый и слабый Фирдоуси, охваченный горем из-за рано умершего сына, предвидящий

закат государства Саманидов и приход к власти новой династии Газневидов, в 65-летнем возрасте, в надежде на хорошее вознаграждение за свой многолетний труд, в течение 6 - ти лет, после завершения поэмы, переделывает некоторые эпизоды и вносит добавления в свое произведение, чтобы подарить его правящему султану Махмуду Газнеvidу. Затем, 71 - летний поэт совершает путешествие в Газну, чтобы лично вручить Махмуду свой шедевр. Через брата Махмуда, эмира Насра Сабуктегина, с которым поэт был знаком, он передает «Шахнаме» Махмуду Газнеvidу. Однако, произведение не получило одобрения правителя. Причина заключалась в том, что в этой величественной поэме проповедовалась идея иранского национального самосознания, воспевались иранские традиции и обычаи прошлого, восхвалялись великодушные и образованные правители древнего Ирана и т.п. Сыграло свою роль и непонимание поэзии Махмудом, его высокомерие и эгоизм, его политика, полная националистического и религиозного фанатизма, поддерживаемая халифатом, также зависть придворных поэтов по отношению к мощному таланту Фирдоуси. Когда «Шахнаме» не получила признания и одобрения Султан Махмуда Газнеvida, старый, легкоранимый поэт написал острую сатиру на правителя, в которой обвинил его в жадности и низости, намекнул на его низкое происхождение и отношения между ними резко обострились. Непризнанный и оскорбленный поэт, после почти десятилетней обиды на султана, умер у себя на Родине и был похоронен в собственном саду.

9. Научные течения шахнамеведение и фирдоусиведение, взяв начало в Европе, постепенно распространились на территории носителей языка «Шахнаме» - Иране и позже, в Таджикистане. Заслуга индийских и пакистанских литературоведов, в этой области, также, признаны всеми. Однако, отечественные и зарубежные фирдоусиведы не уделяли должного внимания жизнеописанию самого поэта в «Шахнаме» Фирдоуси, которая является важнейшим источником для определения неосвещенных сторон жизни поэта.

10. Большую историческую и литературную ценность «Шахнаме» никто из отечественных и зарубежных современных и средневековых исследователей не оценил так высоко и точно, как сам великий поэт. В своем произведении Фирдоуси много раз называет его то «Летописью» («номварнома»), то ценным памятником (ёдгории арзанда), то плодоносным деревом (дарахти мевадор), то высоким дворцом (кохи баланд). Этот уникальный мудрец, считавший слово и разум основным фундаментом духовности мира и человека, создал свой шедевр именно на такой основе. Другими словами, он указал направление будущим исследователям для правильной и точной оценки ценности «Шахнаме». Восхваление слова и разума, заботливого и ученого человека, ценящего, создающего и понимающего слово, и дидактические наставления Фирдоуси в «Шахнаме», всё это является выдающимся аргументом оценки автором своего бесценного эпоса.

11. В общем, «Шахнаме», несмотря на имеющиеся споры и вопросы по её научно-критическому тексту и которые ещё не нашли своего научного и глубокого решения, является единственным произведением, которое для предшествующих и современных исследователей есть и будет достоверным и точным источником для освещения реального облика Фирдоуси, важных событий его жизненного и творческого пути, для понимания сути горьких происшествий его социальной и духовной жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Источники

1. Авфӣ, Муҳаммад. Лубоб-ул-албоб. Тасҳеҳ ва таҷдиду ҳавошӣ ва таълиқоти комил, ба кӯшиши Саид Нафисӣ./Муҳаммад Авфӣ.- Тегеран: наشري марказ, 1335. -799 с.
2. Арӯзии Самарқандӣ, Аҳмад ибни Умар. Чаҳор мақола, тасхеҳи Муҳаммад Қазвинӣ, ба кӯшиши Муҳаммад Муъин./Аҳмад ибни Умар, Арӯзии Самарқандӣ.- Тегеран: Дафтари наشري фарҳанги исломӣ, 1334. – 230с.
3. Аттор, Фаридуддин. Илоҳинома. Бо кӯшиши Фуоди Рӯхонӣ. /Фаридуддин Аттор.- Тегеран: Дафтари наشري фарҳанги исломӣ, 1369.- 396 с.
4. Восифӣ, Зайниддин Маҳмуд. Бадоеъ-ул-вақоеъ, тасхеҳи Александр Болдрёв. Ҷилди 1 [чопи дуввум]. /Зайниддин Маҳмуди Восифӣ. –Тегеран: Дафтари наشري фарҳанги исломӣ,1349.-533 с.
5. Ганҷавӣ, Низомӣ. Куллиёт. Ҷ. 3. Ҳафт пайкар. Ба чоп тайёркунанда, муаллифи сарсухан ва мураттиби луғоту тавзеҳот Аълохон Афсаҳзод. /Низомии Ганҷавӣ.- Душанбе: Адиб, 1983.- 415 с.
6. Ганҷавӣ, Низомӣ. Куллиёт. Ҷ. 1. Хусрав ва Ширин. Ба чоп хозиркунанда ва муаллифи сарсухан З. Аҳрорӣ./Низомии Ганҷавӣ.- Душанбе: Адиб,1983.- 404 с.
7. Ганҷавӣ, Низомӣ. Куллиёт. Ҷ. 5. Иқболнома, Махзан-ул-асрор, Девони ашъор. Мураттибони матн Баҳром Сирус ва Ҷобул Додалишоев. /Низомии Ганҷавӣ. – Душанбе: Адиб, 1984.- 479 с.
8. Қуръони мачид. Матни асл ва тарҷумаи маъноҳои он бо забони тоҷикӣ. Матни тарҷумаи тоҷикӣ ва тавзеҳоти Муҳаммадҷон Умаров./Қуръони мачид.- Душанбе “Эр-граф” 2011-604 с.
9. Қазвинӣ, Абдучалил ибни Абулхусайн бинни Абулфазл. Китоби Ан-нақаз маъруф ба баъзе масолиб-ун-навосиб фи нақз. Бо муқаддима ва таълиқу мутақобила ва тасхеҳи Саидҷалолиддин Ҳусайнӣ./Абдучалил

ибни Абулхусайн бинни Абулфазли Қазвинӣ.-Тегеран: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1331 ҳ. ш.– 743 с.

10. Лоҳутӣ, Абулқосим. Куллиёт. Иборат аз 6- чилд. (чилди чаҳорум) тартибдихандагон Ц. Бону Лоҳутӣ ва Р. Иброҳимзода. Нашриёти давлатии Тоҷикистон./Абулқосим Лоҳутӣ.- Душанбе: Адиб, 1962 - 346 с.

11. Қомӣ, Абдурахмон. Баҳористон.Таҳиягари матн. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва шорехи луғот Аълоҳон Афсаҳзод. Ҳозиркунандаи чоп Аббоси Аълоҳон/Абдурахмони Қомӣ.- Душанбе: «Маориф ва фарҳанг», 2008- 204 с.

12. Қурфодиконӣ, Абӯшараф Носеҳ ибни Зафар. Тарҷумаи таърихи яминӣ. Муқаддима, таҳия, таҳшия, таълиқот, луғат ва феҳристи Н. И. Гиёсов. /Абӯшараф Носеҳ ибни Зафари Қурфодиконӣ. – Хучанд: Хуросон, 2013.- 420 с.

13. Маръашӣ, Сайид Заҳириддин бинни Сайид Носириддин. Таърихи Табаристон ва Рӯёну Мозандарон. Бо эҳтимоми Бернҳорд Дорн. Муқаддимаи Яъқуби Ожанд./Сайид Заҳириддин бинни Сайид Носириддини Маръашӣ. – Тегеран: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1363.- 643+ 46 с.

14. Низомулмулк, Абӯали Ҳасан бинни Алӣ. Сиёсатнома. Бо ҳавошиву ёддоштҳо ва ишорату тасҳеҳи Муҳаммад Қазвинӣ (чопаи дуҷум). /Абӯали Ҳасан бинни Алӣ, Низомулмулк. –Тегеран 1334.- 395 с.

15. Ҳамдуллоҳ, Муставфӣи Қазвинӣ: Таърихи гузида. Ҷ. 1. Бо саъй ва эҳтимоми Эдвард Броун. /Муставфӣи Қазвинӣ, Ҳамдуллоҳ. –Лейдан: 1910. - 853 с.

16. Ҳидоят, Ризоқулиҳон. Маҷмаул фусаҳо. Ба кӯшиши Мазоҳири Мусаффо. /Ризоқулиҳони Ҳидоят.- Тегеран: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1339.- 1102 с.

17. Озарбегдилӣ, Лутфалибек Шомлу. «Оташкада» бо тасҳеҳу таҳшия ва таълиқи Ҳасан Содот Носирӣ. Бахши дуввум./Лутфалибеки Озар.– Тегеран - Амири кабир, 1337.- 984 с.

18. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений и писем в двух томах.
/А.С. Пушкин.–Москва:Наука, 2015. 816 с.
19. Розӣ, Амин Аҳмад. Ҳафт иқлим. бо тасҳеҳ ва таълиқи Чаводи Фозил.
Қ.1./Амин Аҳмади Розӣ.- Тегеран: Алиакбар, 1340 х.- 510 с.
20. Розӣ, Амин Аҳмад. Ҳафт иқлим. бо тасҳеҳ ва таълиқи Чаводи Фозил.
Қ.2./Амин Аҳмади Розӣ.- Тегеран: Алиакбар, 1340 х.- 520 с.
21. Розӣ, Шамси Қайс. Ал- муъҷам. Муаллифи сарсухану тавзеҳот ва
хозиркунандаи чоп Урбатулло Тоиров /Шамси ҚайсиРозӣ.- Душанбе:
Адиб, 1991.- 464 с.
22. Самарқандӣ, Давлатшоҳ. «Тазкират-уш-шуаро», аз рӯи чопи Браун
ба таҳқиқ ва тасҳеҳи Муҳаммад Аббосӣ./ДавлатшоҳиСамарқандӣ. –
Тегеран: Шоҳобод, 1337.- 610 с.
23. Таърихи Систон. Таҳияи матн, муқаддима, тавзеҳот ва феҳристҳо аз
Муҳаммаюсуф Имомов ва Абдушақури Абдусаттор./Таърихи Систон.-
Душанбе: «Бухоро», 2014.-352 с.
24. Тусӣ, Муҳаммад бинни Маҳмуд. Аҷоиб-ул-маҳлуқот ва ғароиб-ул-
мавҷудот. Ба эҳтимоми Манучеҳри Сутуда./Муҳаммад бинни
МаҳмудиТусӣ.- Тегеран: Интишороти илмӣ ва фарҳангӣ, 1382.- 712 с.
25. Тӯсӣ, Асадӣ. Гаршоспнома. Таҳияи матн ва шарҳи луғат аз Алии
Муҳаммадии Хуросонӣ./Асадии Тӯсӣ.- Душанбе: Адиб,2011- 480 с.
26. Унсурӣ, Абулқосим Ҳасан ибни Аҳмад. Девони Унсурии Балхӣ. Бо
ҳавошӣ ва таълиқоту тарҷумаи аҳвол ва фаҳорису луғатнома ва
муқобала бо нусхаҳои хаттӣ ва чопӣ. Тасҳеҳ ва муқаддимаи
Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ./Абулқосим Ҳасан ибни Аҳмади
Унсурӣ.- Тегеран: Нашри марказ,1363.- 435 с.
27. Фарруҳӣ, Абулҳасан ибни Ҷулуғ. Девони Ҳаким Фарруҳии Систонӣ.
Бо тасҳеҳи Алӣ Абдуррасулиӣ./ Абулҳасан ибни ҶулуғиФарруҳӣ. -
Тегеран: 1311.- 435 с.

28. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бо кӯшиши Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ. Ҷилди 1./Абулқосим Фирдавсӣ. – Тегеран: интишороти илмӣ, 1388.- 464 с.
29. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бо кӯшиши Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ. Ҷилди 2. /Абулқосим Фирдавсӣ. – Тегеран: интишороти илмӣ, 1388.- 316 с.
30. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бо кӯшиши Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ. Ҷилди 3./Абулқосим Фирдавсӣ.– Тегеран: интишороти илмӣ, 1388.- 588 с.
31. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Аз рӯи нусхаи Москва ва Жюл Мол. Бо кӯшиши Фаромарз Нидоӣ./Абулқосим Фирдавсӣ.-Тегеран: Нашри марказ, 1385.- 1016 с.
32. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бар асоси нусхаи нухчилдаи чопи Москва. Ҷилди 1 ва 2 зери назари Е. Э. Бертельс. Ҷилди 3, 4, 5, 6, 7 ва 9 зери назари А. Нушин. Ҷилди 8 зери назари А. Озар./Абулқосим Фирдавсӣ.- Тегеран: Интишороти қадимӣ, 1380.-2176 с.
33. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бо кӯшиши Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ. Ҷилди 4./Абулқосим Фирдавсӣ. – Тегеран: интишороти илмӣ, 1388.- 202 с.
34. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бо кӯшиши Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ. Ҷилди 5. /Абулқосим Фирдавсӣ.– Тегеран: интишороти илмӣ, 1388.- 260 с.
35. Фирдавсӣ, Абулқосим. «Шоҳнома». Бо кӯшиши Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ. Ҷилди 6. /Абулқосим Фирдавсӣ.– Тегеран: интишороти илмӣ, 1388.- 246 с.
36. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-ҷилд. Ҷилди 1. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус./Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1964.- 268с.

37. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 2. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус./Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1964.- 320 с.
38. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 3. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус./Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1964.- 528с.
39. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 4. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус./Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1965.- 408с.
40. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 5. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус./Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1965.- 492 с.
41. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 6. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус./Абулқосим Фирдавсӣ. - Душанбе: Ирфон, 1965.- 552 с.
42. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 7. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус., А. Девонакулов. /Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1966.- 652 с.
43. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 8. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ., З. Аҳрорӣ., Б. Сирус., А. Девонакулов. /Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1966.- 614 с.
44. Фирдавсӣ, Абулқосим. Иборат аз 9-чилд. Ҷилди 9. Ба чоп тайёркунанда. К. Айнӣ З. Аҳрорӣ., Б. Сирус. А. Девонакулов. /Абулқосим Фирдавсӣ.- Душанбе: Ирфон, 1966.- 500 с.

II. Научно – отраслевые книги

45. Абдуллоев, А. Абулқосим Фирдавсӣ./А. Абдуллоев.- Душанбе: Адиб, 1987.-174 с.
46. Абулхусайн, Али (Мунзар). Буса бархоки пайи Ҳайдар (а). Бахсе дар имон ва ормони Фирдавсӣ ва партавгирии «Шоҳнома» аз Қуръон ва

- аходиси маъсумин (а). /Али Абулхусайн (Мунзар). – Тегеран: Созмони интишороти пажӯҳишгоҳи фарҳанг ва андешаи исломӣ, 1390.- 1037 с.
47. Айнӣ, С. Дар бораи Фирдавсӣ ва «Шохнома»-и ӯ./С. Айнӣ.- Сталинобод: 1940. - 59 с.
48. АмирФаҷр, Мисоқ. Муруре бар андеша ва зиндагии Абулқосим Фирдавсӣ. /Мисоқ, АмирФаҷр.- Тегеран иттилоот, 1365. - 128 с.
49. Асозода, Х. Абулқосим Фирдавсӣ дар шинохти Сотим Улуғзода. /Х.Асозода.– Душанбе: Адиб, 2000. – 80 с.
50. Баҳманномаи бостон (хулосаи «Шохнома»-и Фирдавсӣ). Гузিনিш ва тасхеҳи Муҳаммад Ҷаъфари Ёҳақӣ. /Баҳманномаи бостон (хулосаи «Шохнома»-и Фирдавсӣ).- Машҳад: Донишгоҳи Машҳад, 1369.- 543 с.
51. Бекзода, Комил. Таърихи равшанфикрӣ аз даврони Ҷамшед то замони Фирдавсӣ. /Комил Бекзода.- Душанбе: Адиб, 2012.- 433 с.
52. Бертельс, Е. Э. Абулқосим Фирдоуси и его творчество. Издательство Академии наук СССР. –Ленинград./Е. Э. Бертельс. – Москва: Наук, 1935.- 71 с.
53. Бертельс, Е. Э: Избрание труды: История литературы и культуры ирани. /Е.Э. Бертельс.– Москва: Наук, 1988.- 556 с.
54. Бертельс, Евгений Эдуардович: Таърихи адабиёти форсӣ-тоҷикӣ. (Аз рӯзгори бостон то поёни аҳди Салҷуқӣён) Тарҷумаи Сирус Эзадӣ. Таҳия, вироиш ва баргардони Муҳаммадалӣ Аҷамӣ./Евгений Эдуардович Бертельс. – Душанбе: «Эр-граф», 2015. - 584 с.
55. Бертельс, Евгений Эдуардович: Фирдавсӣ ва сурудаҳояш. Тарҷумаи Сирус Эзадӣ. /Евгений Эдуардович Бертельс. – Тегеран: Нашри марказ, 1370. - 166 с.
56. Брагинский, И. С. Очерки по истории таджикской литературы./И. С.Брагинский.- Сталинабад: Таджикгосиздат. 1956 . – 453 с.
57. Брагинский, Иосиф Самуилович. 12 миниатюр: от Рудаки до Джамии./Иосиф СамуиловичБрагинский.- Москва:Наук, 1966.- 284 с.

58. Дабири, Сиёқӣ, Сайидмуҳаммад. Зиндагиномаи Фирдавсӣ ва саргузашти «Шоҳнома»./Сайидмуҳаммад Дабири Сиёқӣ.- Тегеран: Нашри қатра 1383.- 454 с.
59. Дӯстхоҳ, Чалил. Шинохти номаи Фирдавсӣ ва «Шоҳнома»./Чалили Дӯстхоҳ.- Тегеран: дафтари пажӯҳишҳои фарҳангӣ. 1384.- 120 с.
60. Дӯстхоҳ, Чалил. Ҳамосаи Эрон. Ёдмоне аз фаросӯи ҳазорҳо./Чалили Дӯстхоҳ.- Тегеран: Дафтари пажӯҳишҳои фарҳангӣ, 1380 – 667
61. Ёҳақӣ, Муҳаммад Чаъфар. Аз Пож то дарвозаи Разон. (ҷусторҳое дар зиндагӣ ва андешаи Фирдавсӣ). /Муҳаммад Чаъфар Ёҳақӣ.- Тегеран: суҳан, 1388. 369 с.
62. Ёршотир, Эҳсон. Дебочаи «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ./ Эҳсон Ёршотир.- Лос Анҷелес: Конуни пажӯҳиш ва омӯзиш, 1357 яздигурдӣ, 31 с.
63. Заҳроӣ, Ҳидоят. Симои Фирдавсӣ дар гузари замон. Ҳидоят Заҳроӣ.- Тегеран: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1371.- 86 с.
64. Зарринқӯб, Абулҳусейн. Бо корвони ҳулла. (маҷмӯаи нақди адабӣ) Таҳия ва тавзеҳи Шодӣ Шокирзодаи Нуъмонпур, Райҳон Маҳмадаминзодаи Соҳибназар. /Абулҳусейн Зарринқӯб.-Душанбе: Адиб, 2004.- 332 с.
65. Исломии Нудушан, Муҳаммадалӣ. Зиндагӣ ва марги паҳлавонон дар «Шоҳнома». /Муҳаммадалӣ, Исломии Нудушан.- Тегеран: Амири Кабир, 1369. - 435 с.
66. Исмоилӣ, Амир. Ҳаким Абулқосим Фирдавсӣ. /Амир Исмоилӣ.- Тегеран: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1378. - 320 с.
67. Истеъломӣ, Муҳаммад. Фирдавсии Тусӣ. Таҳқиқ дар зиндагонӣ ва осору афкор ва шахсияти ӯ. Бо муқаддимаи дуктур Содик Ризозода Шафақ./Муҳаммад Истеъломӣ.- Тегеран: Гулистон, 1325.- 134 с.
68. Кадканӣ, Шафеъӣ, Муҳаммадризо. Чехраҳои пиндор ё суварии хаёл дар «Шоҳномаи» Фирдавсӣ. / Муҳаммадризо Шафеъӣ Кадканӣ.-Лос Анҷелес. конуни пажӯҳиш ва омӯзиш, 1358 яздигурдӣ, 28 с.

69. Қариб, Махдӣ. Бозхонии «Шоҳнома». Тааммуле дар замон ва андешаи Фирдавсӣ./Махдӣ Қариб.-Тегеран: Тус, 1369. – 244 с.
70. Қариб, Махдӣ. Нигоҳе ба нақди достони Рустам ва Сухроб. Бунёди «Шоҳнома». /Махдӣ Қариб– Тегеран: Дафтари нашри фарҳанги исломӣ, 1352.- 22 с.
71. Китобшиносии Фирдавсӣ ва «Шоҳнома». (Аз оғози навиштаҳои пажӯҳиши то соли 1385). Гирдоварии Эраҷ Афшор. /Китобшиносии Фирдавсӣ ва «Шоҳнома».– Тегеран: Нашри марказ. 1375. -564 с.
72. Китобшиносии Фирдавсӣ ва «Шоҳнома» (Нишондиҳандаи библиографии адабиёт). Мураттиб: номзоди илмҳои филология Абдуллоҷон Юнусов./ Китобшиносии Фирдавсӣ ва «Шоҳнома».- Душанбе: Пажӯҳишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикии Сафорати Ҷумҳурии Ислומии Эрон дар Тоҷикистон, 2012..- 444 с.
73. Крымский, А. Е. История персии, её литературы и дервешской теософии./А. Е.Крымский.- Москва: Наук, 1913.- 504 с.
74. Қурбонмамадов, Сомон. Поэтономияи «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавсӣ. /Сомон Қурбонмамадов.– Душанбе: 2016.- 164 с.
75. Минавӣ, Мучтабо. Фирдавсӣ ва шеърӣ ӯ. /Мучтабо Минавӣ.– Тегеран: Тус, 1372.- 264 с.
76. Моҳел, Жул. Дебочаи «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ. Баргардон: Ҷаҳонгир Афқорӣ./Жул Моҳел. – Тегеран: созмони китобҳои ҷайбӣ, 1345. 168 с.
77. Моса, Ҳонри. Фирдавсӣ ва ҳамосаи миллӣ. Тарҷумаи Маҳдии Равшанзамир./Ҳонри Моса.– Табреш: Донишгоҳи Табреш [чопи аввал],1350.-371 с.
78. Мулло, Абдусамад. Чехранигории ҳунари дар насли таърихӣ./Абдусамад Мулло.- Душанбе: Адиб, 2003.- 176 с.
79. Муллоаҳмад, Мирзо. Дар олами эроншиносӣ / Мирзо Муллоаҳмад.- Душанбе: Шӯҷоиён. 2005. – 529 с.

80. Муллоаҳмад Мирзо. Биё то чахонро ба бад наспарем. /Мирзо Муллоаҳмад.– Душанбе: Шучоӣён, 2011.-268 с.
81. Муллоаҳмад Мирзо. Чанг ва сулҳ дар «Шоҳнома» /Мирзо Муллоаҳмад.- Тегеран: Нашри марказ. Рӯзгор, 1384.- 72 с.
82. Муллоаҳмад, Мирзо. Паёми ахлоқи Фирдавсӣ. / Мирзо Муллоаҳмад.- Душанбе: Деваштич, 2003.- 268 с.
83. Муҳити Таботабой, Муҳаммад. Фирдавсӣ ва «Шоҳнома» (маҷмӯаи мақолот). /Муҳаммад,Муҳити Таботабой.- Тегеран: Амири кабир, 1369. - 398 с.
84. Муҳочиронӣ, Атоуллоҳ. Ҳамосаи фирдавсӣ. Нақду тафсири номаи номвар. /Атоуллоҳ Муҳочиронӣ.- Тегеран: иттилоот 1372.- 220 с.
85. Муртазавӣ, Манучеҳр. Фирдавсӣ ва «Шоҳнома». – Тегеран: 1369.- 178 с.
86. Мухторӣ, Муҳаммад. Ҳамоса дар розу рамзи миллӣ. /Манучеҳр Муртазавӣ.- Тегеран: Қатра,1369.- 210 с.
87. Муъизӣ, Амир Носир. Адабиёт ва равонпизишкӣ. Достонҳое аз Фирдавсӣ. / Амир Носир Муъизӣ.- Тегеран: 1383.- 96 с.
88. Муътазид, Хусрав. Сухансарои нобиғаи Тус. Абулқосим Ҳасан бинни Муҳаммад бинни Исҳоқи Шарафшоҳ, мулаққаб ба Фирдавсӣ./ХусравиМуътазид. – Тегеран: ширкати тавсеаи китобхонаҳои Эрон, 1368.- 273 с.
89. Назиров, У. Фирдавсӣ ва Хайём. /У. Назиров.- Душанбе: Пайк, 1996.- 56 с.
90. Наимӣ, Аҳмад. Рустами яли Систон. /Аҳмад Наимӣ. – Тегеран: Нашри марказ. 1369.- 136 с.
91. Насриддин, Абдулманон. Матншиносии осори адабӣ. /Абдулманон Насриддин. – Хучанд: Хуросон, 2009. – 390 с.
92. Нёлдеке, Теодор. Ҳамосаи миллии Эрон. Тарҷумаи Бузурги Алавӣ. /Теодор Нёлдеке.- Тегеран: Нашри марказ. 1327. – 168 с.

93. Нисорӣ, Салим. Панд аз диди фарҳанги Эрон дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ. /Салим Нисорӣ.- Лос Анҷелес: Конуни пажӯҳиш ва омӯзиш, 1357 ҷзидигурдӣ.- 39 с.
94. Нозирӣ, Неъматуллоҳ. Панду ҳикмати Фирдавсӣ дар матни дostonҳояш. / Неъматуллоҳ Нозирӣ.– Тегеран: Нашри марказ.1369.-778 с.
95. Нушин, Абдулҳусайн. Сухане чанд дар бораи «Шоҳнома». /Абдулҳусайн Нушин.- Москва: Академияи улуми Иттиҳоди шӯравии Институти ховаршиносӣ. 1970.- 116 с.
96. Ҳазрат, Аббос. Афсонаҳои ҷовидони «Шоҳнома»./Аббос Ҳазрат.- Тегеран 1373.-102 с.
97. Ҳазрат, Аббос. Фарозҳое аз «Шоҳнома». /Аббос Ҳазрат.- Тегеран: Нашри марказ. 1373.- 128 с.
98. Ҳакими, Маҳмуд ва Карими Хусайнитабор. Ҷаҳонбинӣ ва ҳикмати Фирдавсӣ. /Маҳмуд Ҳакимӣ.-Тегеран. Дафтари нашри фарҳанги исломӣ. 1369.-136 с.
99. Ҳамидиён, Саъид. Даромаде бар андеша ва хунари Фирдавсӣ. /Саъид Ҳамидиён. -Тегеран. Нашри марказ. 1372.- 464 с.
100. Ҳермен, Эгте. Фирдавсӣ ва ҳамосаи миллӣ. Тарҷумаи Маҳдии Равшанзамир. /– Донишгоҳи Табрез: Нашри марказ. 1350.- 629 с.
101. Хумоюнфаррух, Рукниддин. Пажӯҳиши нав перомуни Ҳаким Абулқосими Фирдавсӣ ва Султон Маҳмуди Ғазнавӣ./ –Тегеран: Асотир чилди 2. -924 с.
102. Османов, М - Н. О. Фирдоуси ҷизнӣи творчество./М - Н. О. Османов. – Москва: Наук, 1959.- 183 с.
103. Раҷабзода Аскаралӣ, Назарзода Муҳаммад ва Комилӣ Абдуллоҳ. «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ, падидаи бузурги фарҳангӣ дар тамаддуни ҷаҳонӣ (ҷакидаи мақолот). /Аскаралӣ Раҷабзода, Муҳаммад Назарзода ва Абдуллоҳи Комилӣ.– Тегеран маркази мутолиоти эронӣ. 1373.- 311 с.

104. Риёҳӣ Муҳаммадамин. Фирдавсӣ (зиндагӣ, андеша ва шеърӣ) бо алифбои крилии тоҷикӣ баргардони Дорой Дӯст./Муҳаммадамини Риёҳӣ.- Душанбе: «Шуҷоиён». 2010. – 338 с.
105. Риёҳӣ Муҳаммадамин. Сарчашмаҳои фирдавсишиносӣ. /Муҳаммадамини, Риёҳӣ.- Тегеран: Муассисаи мутолиот ва таҳқиқоти фарҳангӣ, 1372.- 512 с.
106. Ризозодаи Мулк, Раҳим. Булӯри каломи Фирдавсӣ. /Раҳим Ризозода. – Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ,- 1378.- 171 с.
107. Саидзода Ҷамолиддин. Фирдавсӣ кист ва «Шоҳнома» чист?/Ҷамолиддин Саидзода.- Душанбе: Адиб, 2011.- 108 с.
108. Сайд, Маҳдӣ. Сарояндаи кохи назми баланд. /Маҳдӣ Сайд. - Машҳад: Муассисаи чоп ва интишороти остони қудс. 1371.- 317 с.
109. Сачҷодӣ Ойданлу. Аз устура то ҳамоса. (ҳафт гуфтор дар шоҳномапажӯҳӣ) / Ойданлу Сачҷодӣ.- Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ,1388.- 240 с.
110. Самад В. «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ ва Чернишевский./В.Самад - Душанбе: Адиб 2004.- 400 с.
111. Сарромӣ, Қадамалӣ. Аз ранги гул то ранҷи хор. (шаклшиносии «Шоҳнома»). – Тегеран: Интишороти илмӣ ва фарҳангӣ. 1368.- 1087 с.
112. Сафо, Забеҳулло. Ҳамосасароӣ дар Эрон. Аз қадимтарин аҳди таърихӣ то қарни чаҳордаҳуми ҳиҷрӣ./Забеҳулло Сафо.- Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ, 1333.- 629 с.
113. Сафо, Забеҳулло. Ҳамосасароӣ дар Эрон аз қадимтарин аҳди таърихӣ то қарни чаҳордаҳуми ҳиҷрӣ, таҳқиқ дар кайфият таквин ва тадвини ривоёти миллӣ ва назми онҳо ба лаҳҷоти авастоиву паҳлавӣ ва дарӣ, ҳамосаҳои милливу таърихӣ ва динӣ, бунёди дostonҳои миллӣ. Чопи дуюм./Забеҳулло Сафо.-Тегеран: Амири кабир, 1313.- 677 с.
114. Сафо, Забеҳулло. Таърихи адабиёт дар Эрон аз оғози аҳди исломӣ то давраи салҷуқӣ (чилди аввал)./Забеҳулло Сафо.-Тегеран: 1337.- 716 с.

115. Сиддиқ, Исо. Фирдавсӣ. Шарҳи ҳол ва шахсияту осори ӯ./Исо Сиддиқ.- Тегеран: Анҷумани осори миллӣ,1347.- 18 с.
116. Сокиит, Муҳаммадхусайн. Дар бораи «Шохнома» ва Фирдавсӣ. /Муҳаммадхусайн Сокиит.– Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ,1357. – 190 с.
117. Такизода, Саидҳасан. Фирдавсӣва «Шохнома»-и ӯ. Бо эҳтимоми Ҳабиб Яғмоӣ. /Саидҳасан Такизода – Тегеран:Анҷумани осори миллӣ, 1349. -359 с.
118. Улуғзода, С. Фирдавсӣ. Роман./ С. Улуғзода. – Душанбе: Адиб, 1988.-272 с.
119. Фирдавсӣ аз нигоҳи ховаршиносони Русия. (маҷмӯаи мақолот ва суҳанрониҳои нишастии расмии Институти ховаршиносии Академияи улуми Русия ба муносибати чашни ҳазораи Фирдавсӣ (1313 ҳ.ш/ 1934 м.) баргардон:Нозили Асғарзода, виростор: Али Муҳаммади Пуштор. /Фирдавсӣ аз нигоҳи ховаршиносони Русия.-Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ, 1390.- 192 с.
120. Фитрат А. Фирдавсӣ // Фитрат А. Шӯриши Восеъ. / Таҳиягар, пешгуфтор ва ношир аз Гулмурод П. /А. Фитрат.– Душанбе: Адиб,1992.- 62 с.
- 121.Фурӯғӣ, Муҳаммадалӣ. Конфронс роҷеъ ба фирдавсӣ. /Муҳаммадалӣ Фурӯғӣ.– Тегеран: Анҷумани осори миллӣ, 1313.- 420 с.
122. Фурӯғӣ, Муҳаммадалӣ. Маҷмӯаи мақолоти Фурӯғӣ дар бораи «Шохнома»-и Фирдавсӣ. Бо эҳтимоми Ҳабиб Яғмоӣ./Муҳаммадалӣ Фурӯғӣ.- Тегеран: Анҷумани осори миллӣ, 1351.- 192 с.
123. Фурӯғӣ, Муҳаммадалӣ. Пойгоҳи баланди «Шохнома»-и Фирдавсӣ /Муҳаммадалӣ Фурӯғӣ.-Лос Анҷелес. Конуни пажӯҳишу омӯзиш, 1358 яздигурдӣ, 24 с.
124. Холиқии Мутлақ, Ҷалол. Гули ранҷҳои кӯҳан. Ба кӯшиши Алӣ Дехбошӣ. /Ҷалол, Холиқии Мутлақ.-Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ,1372.- 444 с.

125. Холиқии Мутлақ, Ҷалол. «Шоҳнома», замимаи дафтари яқум. (гуфтор дар шеваи тасҳех ва муаррифии дастнависҳо). /Ҷалол, Холиқии Мутлақ- Тегеран: Рӯзбеҳон. 1369.- 92 с.
126. Холиқии Мутлақ, Ҷалол. Суханҳои дерина (сӣ гуфтор дар бораи Фирдавсӣ ва «Шоҳнома»). Ба кӯшиши Алӣ Деҳбошӣ. /Ҷалол, Холиқии Мутлақ.-Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ,1371.- 488 с.
127. Холиқии Мутлақ, Ҷалол. Фирдавсӣ. //Фирдавсӣ ва «Шоҳнома»-сарой. Баргузидаи мақолоти донишномаи забон ва адаби форсӣ. Ба муносибати ҳамоиши байналмилалии ҳазораи «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ. /Ҷалол, Холиқии Мутлақ - Тегеран: Фарҳангистони забон ва адаби форсӣ, 1390.- 1202 с.
128. Хушдил, Муҳаммадризо. Достони зиндагии Ҳаким Абулқосим Фирдавсӣ. /Муҳаммадризо Хушдил.- Тегеран: Интишорот ва омӯзиши инқилоби исломӣ,1384.-198 с.
129. Шаҳбозӣ, Шопури Алиризо. Зиндагиномаи таҳлилии Фирдавсӣ. Аз забони англисӣ ба форсӣ тарҷумаи Ҳоида Машоих. /Алиризо Шопури Шаҳбозӣ.-Тегеран: Ҳермес, 1390.-189 с.
130. Шарифзода, Худой. «Шоҳнома» ва шеъри замони Фирдавсӣ./Худой Шарифзода.- Душанбе: Адиб, 2014.- 400 с.
131. Шарифов, Худой. Озурдагон ва умедворон (андешаҳо оид ба адабиёти гузашта ва муосир). /Худой Шарифов.- Душанбе: Адиб,2011.- 195 с.
132. Шарифов, Худой. Сухан аз адабиёти миллӣ (маҷмӯи мақолаҳо). /Худой Шарифов. -Душанбе: Адиб, 2009.- 476 с.
133. Шеронӣ, Ҳофиз Маҳмуд. Дар шинохти Фирдавсӣ. Тарҷумаи Шоҳид Чавҳадарӣ. /Ҳофиз Маҳмуди Шеронӣ.-Тегеран: Интишорот ва омӯзиши инқилоби исломӣ, 1369. -333 с.
- 134.Шеронӣ, Ҳофиз Маҳмуд. Чаҳор мақола бар Фирдавсӣ ва «Шоҳнома». Бо муқаддимау таҳсия ва тарҷумаи Абдуллоҳи Ҳабибӣ./Ҳофиз Маҳмуди Шеронӣ. - Кобул: 1355.-279 с.

135. Яғмой, Иқбол. Фирдавсии Тусӣ худованди сухан. (номовартарин хамосасарои чаҳон)./Иқбол Яғмой.- Тегеран: Амири Кабир,1354.-62 с.
136. Яғмой, Ҳабиб. Фирдавсӣ ва «Шохнома»-и ӯ. Шарҳи ҳоли Фирдавсӣ аз маъҳази «Шохнома»./Ҳабиб Яғмой.- Тегеран: Қақнус, 1349. - 359 с.
137. Яздонӣ, Зеб. Фирдавсӣ./- Зеб Яздонӣ.- Тегеран: Тирагон, 1379. - 64 с.

III. Статъи в газетах и журналах:

138. Бартольд, В. В. К истории персидского эпоса: О Фирдоуси и его «Шахнаме»/ В. В.Бартольд // Зап. Вост. Отделения русского археологического общества. Т.- 22.- Вып. 3 – 4. – 1915 г. – С. 252-257.
139. Восиев, Қ. Фирдавсӣ ва оини ҷавонмардӣ / Қ.Восиев // Проблемы востоковедения= Масъалаҳои шарқшиносӣ. – Душанбе, 1987.- С. 61-67.
140. Иқбол, Аббос. «Китоби Осор-ул-билоди Қазвинӣ ва тарҷумаи аҳволи шуарои форсӣ» / Аббос Иқбол // маҷаллаи ёдгор (ҷилди 4) шумораи 9- 10. - С. 86-88.
141. Қаландаров, Ҳ. Баҳсе перомуни тамоюли ақидатии Фирдавсӣ /Ҳ. Қаландаров // Паёми Донишгоҳи омӯзгорӣ.- Душанбе: Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи С. Айни, 2014. - №3 (58-2). - С. 286-294.
- 142.Мулло, А. Фирдавсӣ дар ҳикоят ва қиссаҳо /А.Мулло // Садои Шарқ. -2002. № 7-9. - С. 147.
- 143.Назаръянц, С. Абулькасим Фирдоуси Тусский творец книги царей, известной под названием “Шахнаме” с прибавлением беглого образа истории персидской поэзии до исхода XV столетия /С.Назаръянц // Уч. зап. Казан.университета. 1989.- Т. 3 с.- 34-136
144. Насриддинов, А. Оё Фирдавсӣ достони Юсуф ва Зулайхо дорад? /А.Насриддинов // Адабиёт ва санъат .- 1989.- 10-август. С. 4
145. Салимов, Н. “Шохнома” ва Сомониён: Сомониён ва эҳёи тамаддуни форсии тоҷикӣ /Н.Салимов// Маҷмӯи мақолоти АИ Тоҷикистон.- Душанбе, 1998. – С. 512-554. – Ба хатти форсӣ

146. Сатторзода, А. Паёми Фирдавсӣ ба хеш. Дар бораи “Шоҳнома”-и Фирдавсӣ /А.Сатторзода // Адабиёт ва санъат .- 2010.- 2- декабр. С. 13
147. Сатторов, А. Сарояндаи идеяи ватандӯстӣ – Абулкосим Фирдавсӣ. /А.Сатторов // Ҳақиқати Лелинобод- 1959.- 20 май
148. Холиқии Мутлақ, Чалол. Фирдавсӣ. /Чалол, Холиқии Мутлақ // Маҷаллаи донишкадаи адабиёти Машҳад, шумораи 2, соли 3 саҳ. 196 – 215
149. Шафёи, М. Бузургдошти ҳазораи офаридани “Шоҳнома”. Зиндагинома ва шахсияти Фирдавсӣ. /Шафёи М // Таҳияи А. Юнусов, М. Холов// Адаб-хунар,1992 №16 саҳ 15, 26.

Зарубежная литература

(на английском, французском и немецком языках)

150. Atkinson, James, The Shah Nameh of the Persian Poet /James Atkinson//(1892) (by Firdausi (Author), James Atkinson (Editor), John Lubbock (Introduction) Kessinger Publishing, LLC, 2010, pp. 444
151. Dermesteter, James: Points de contact entre le Mahabharata et le Shahnameh/James Dermesteter // Journal Asiatique. Serie 8, vol. 10 (1887), pp. 38-75
152. Edward, Granville Browne, A Literary History of Persia: From early times until Firdowsi/ Browne Granville Edward //Vol. 1. CambridgeUniversity Press, 1956, pp. 497
153. Goethe, J. Wolfgang von, West-Oestlicher Divan/ J.Goethe// Theclassics Us, 2013. pp. 68.
154. Hammer- Purgstall, J. “Firdousi. Proben einer Übersetzung des Schahname durch Joseph von Hammer Purgstall,” in *Fundgruben des Orients, bearb. durch eine Gesellschaft von Liebhabern* /J.Hammer- Purgstall // 6 vols., ed. J. von Hammer-Purgstall, Vienna, 1809-18, Vol. III, pp. 56-67.
155. Loloi, Parvin."ŠĀH-NĀMA TRANSLATIONS iii. INTO ENGLISH" / Parvin Loloi //Encyclopædia Iranica, online edition, 2014, available at <http://www.iranicaonline.org/articles/sah-nama-translations-iii-English> (accessed on 04 September 2014).

